

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

4(96)

Выходит 6 раз в год. Год издания 16-й

Июль–август 2008

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по каталогу
ОАО «Роспечать»
«Газеты. Журналы»
83193

По объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Наталья ЗОРКАЯ. Современная молодежь:
к проблеме «дефектной» социализации 8

Наталья БОНДАРЕНКО. Дефолт августа 1998 года
глазами населения 23

Виктория МЕРЗЛЯКОВА. Альтернативные модели успешности
в современной культуре: дауншифтинг 33

Ольга СТУЧЕВСКАЯ. Харассмент и российские женщины 43

ДИСКУССИЯ

Михаил ГАБОВИЧ. К дискуссии о теоретическом наследии
Юрия Левады 50

Татьяна ВОРОЖЕЙКИНА. Ценностные установки
или границы метода? 62

Дмитрий ШАЛИН. Феноменологические основы
теоретической практики: биокритические заметки о Ю.А. Леваде 70

Авторы номера 104

ИНФОРМАЦИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ 105

I. Методический комментарий к разделу «Информация» 106

II. Настроения, мнения и оценки населения 107

SUMMARY 119

Ответственный редактор
выпуска Б.В. Дубин

Редактор, корректор
О.А. Афанасьева

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

4(96)

Bi-monthly

July–August 2008

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3

ANALYSIS & INTERPRETATION

- Contemporary Youth: on an Issue of Imperfect
Socialization (Natalia Zorkaya) 8
- Default of August 1998 Viewed by Population (Natalia Bondarenko) 23
- Alternative Patterns of Success in Contemporary
Culture: downshifting (Victoria Merzlyakova) 33
- Harassment and Russian Women (Olga Stuchevskaya) 43

DISCUSSION

- To the Discussion on Theoretical Legacy
of Yuri Levada (Mikhail Gabovich) 50
- Value Attitudes or the Limits of a Method? (Tatiana Vorozheikina) 62
- Phenomenological Foundations of Theoretical Practice:
Biocritical Notes on Yu. A. Levada (Dmitryi Shalin) 70

Autors of the issue 104

INFORMATION: SURVEYS' FINDINGS 105

- I. Technical Notes 106
- II. Attitudes, Opinions and Evaluations of the Population 107

List of Questions for the General Population 119

SUMMARY 120

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1а. Вы одобряете или не одобряете деятельность Дмитрия Медведева на посту президента России? (в % от числа опрошенных, N=1600 человек, без затруднившихся с ответом)

Вариант ответа	2008, май	2008, июнь	2008, июль	2008, август
Одобряю	70	73	70	73
Не одобряю	20	18	23	22

1б. Вы одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту председателя правительства? (в % от числа опрошенных, N=1600 человек, без затруднившихся с ответом)

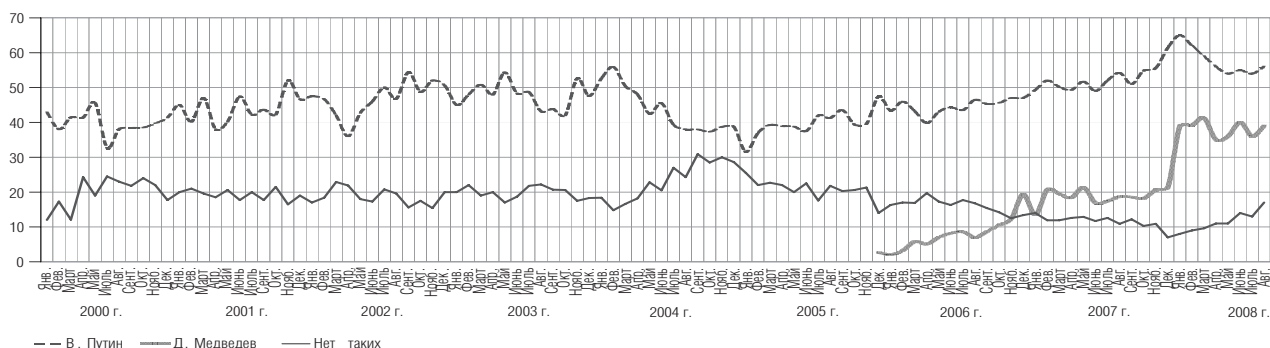
Вариант ответа	2008, май	2008, июнь	2008, июль	2008 август
Одобряю	80	83	80	83
Не одобряю	15	13	17	15

1в. Как Вы считаете, Дмитрий Медведев будет продолжать политику Путина или поведет совершенно новую политику? (в % от числа опрошенных, N = 1600 человек)

	2007, май	2007, декабрь	2008, февраль	2008, март	2008, апрель	2008, июль	2008, август
Будет в точности продолжать политику Путина	18	40	28	26	24	31	31
Будет в основном продолжать политику Путина	35	40	48	51	55	51	55
Постепенно будет менять политический курс	17	8	11	10	11	11	7
Поведет совершенно новую политику	5	2	2	3	2	2	2
Затруднились ответить	25	9	11	10	8	5	6

2. НАЗОВИТЕ 5-6 ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ВЫЗЫВАЮТ У ВАС НАИБОЛЬШЕЕ ДОВЕРИЕ (в % от числа опрошенных, N = 1600 человек)

1а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину

Доверие к Д. Медведеву и В. Путину росло с момента объявления Д. Медведева преемником и достигло высших значений в период парламентских выборов. К весне 2008 г. доверие к В. Путину несколько снизилось, при этом возросла доля респондентов, считающих, что «нет таких политиков» которые вызывают у них доверие. Весной-летом рейтинги доверия к В.Путину и Д. Медведеву практически не менялись.

3. К СОБЫТИЯМ В ГРУЗИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ

3а. Как Вы в целом относитесь сейчас к Грузии? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2001	2002	2003			2004			2005	2006		2007		2008
	X	X	VII	X	XI	II	VIII	XI	VIII	II	XI	III	XI	V
Очень хорошо	4	4	4	4	4	5	5	6	2	2	2	2	4	2
В основном хорошо	43	36	36	47	52	50	44	46	41	33	36	37	35	34
В основном плохо	30	35	35	30	27	28	30	30	29	37	35	35	35	39
Очень плохо	10	16	16	9	7	8	14	10	14	18	15	12	13	14
Затруднились ответить	13	10	10	11	11	10	7	7	13	10	12	14	14	12

N=1600

3б. Насколько большую угрозу безопасности России создало бы сейчас присоединение к НАТО Грузии? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2006, апрель	2007, апрель	2008, март
Серьезную угрозу	27	36	36
Некоторую угрозу	27	27	28
Небольшую угрозу	15	14	13
Никакой угрозы	16	9	11
Затруднились ответить	16	14	13

N=1600

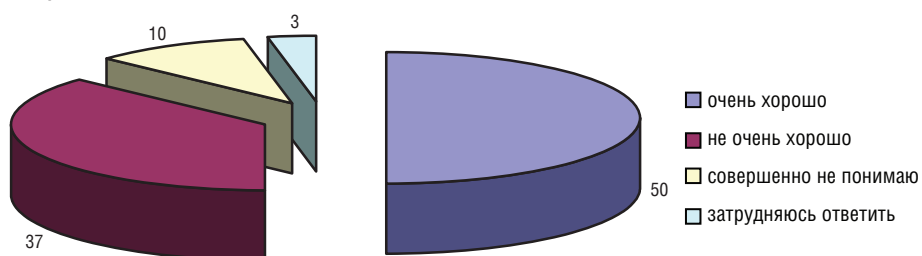
3в. Абхазия и Южная Осетия должны ... (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2005, январь	2007, март	2008, март
Вернуться в состав Грузии	15	9	11
Стать независимыми государствами	27	32	26
Войти в состав России	36	39	33
Затрудняюсь ответить	23	21	31

N=1600

4. Российско-грузинская война (Данные августовского опроса «Курьер», N=1600)

4а. Понимаете ли Вы, что происходит сейчас в Южной Осетии? (в % от числа опрошенных)

4б. Как Вы считаете, в чем основная причина нынешнего конфликта в Южной Осетии?

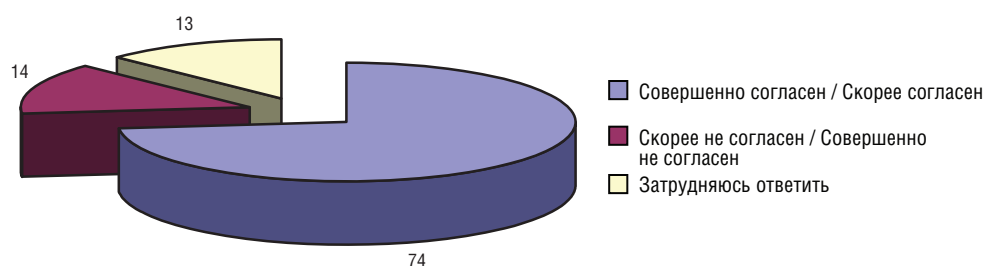
(в % от числа опрошенных)

Грузинское руководство ведет дискриминационную политику по отношению к осетинскому и абхазскому населению	32
Руководство непризнанных республик Южной Осетии и Абхазии пытается удержаться у власти, постоянно провоцируя напряженную обстановку	5
Руководство России использует политику «разделяй и властвуй» для того, чтобы сохранить свое влияние на Кавказе	5
Руководство Соединенных Штатов стремится распространить свое влияние на соседние с Россией страны	49
Затрудняюсь ответить	10

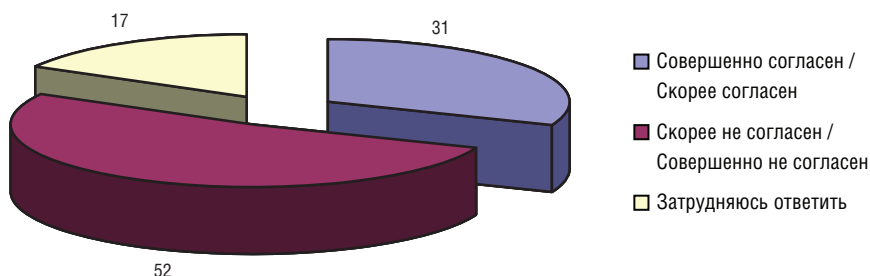
4в. Как Вы считаете, почему Грузия попыталась применить силу в отношении Южной Осетии? (в % от числа опрошенных)

Это была попытка восстановить территориальную целостность страны	15
Грузия устала от нападений и провокаций со стороны Южной Осетии	4
Для того чтобы вступить в НАТО, Грузии необходимо решить свои территориальные проблемы	43
Саакашвили начал эту акцию, чтобы укрепить свой авторитет в Грузии и остаться на посту президента страны	38
Другое	2
Затрудняюсь ответить	11

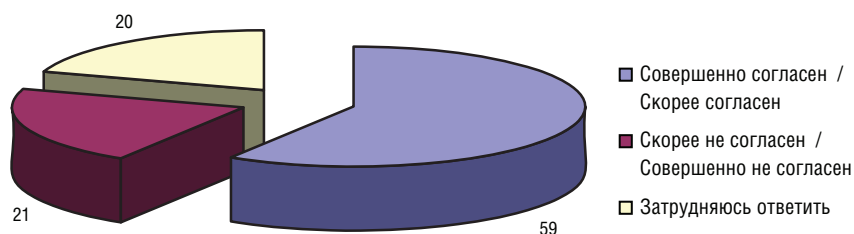
4г. В какой мере Вы согласны или не согласны с тем, что Грузия и грузинский народ стали заложниками геополитических устремлений руководства США? (в % от числа опрошенных)

4д. В какой мере Вы согласны или не согласны с тем, что население Южной Осетии оказалось заложником борьбы амбиций руководства России и руководства Грузии? (в % от числа опрошенных)

4е. В какой мере Вы согласны или не согласны с тем, что урегулирование южноосетинского кризиса должно быть международным, с участием ООН и Евросоюза? (в % от числа опрошенных)

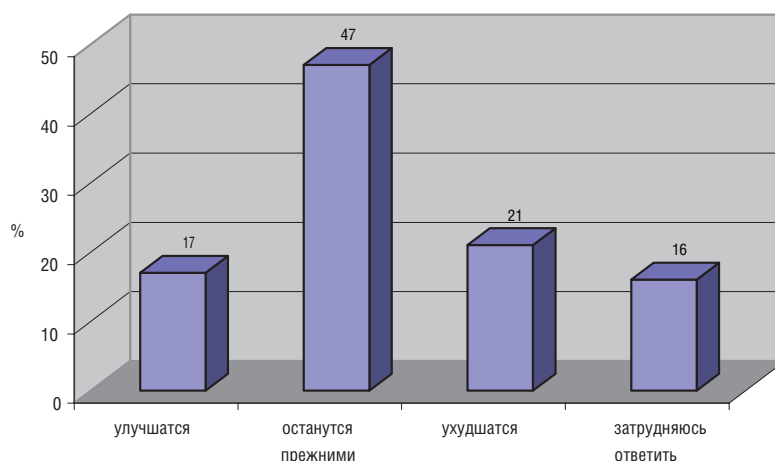
4ж. С каким из следующих мнений по поводу действий российского руководства в отношении грузино-осетинского конфликта Вы бы скорее согласились? (в % от числа опрошенных)

Российское руководство сделало все возможное, чтобы не допустить эскалации конфликта и кровопролития	70
Российское руководство поддалось на провокацию с грузинской стороны и дало вовлечь себя в этот конфликт, что будет иметь для России негативные последствия	16
Российское руководство исподволь разжигало грузино-осетинский конфликт ради достижения своих геополитических интересов	4
Затрудняюсь ответить	9

4з. Как Вы считаете, почему руководство стран Запада поддерживает в южно-осетинском конфликте Грузию? (в % от числа опрошенных)

Потому что, введя свои войска на территорию Грузии, Россия нарушила суверенитет этой страны	7
Поскольку обстрелы российскими войсками военных объектов на территории Грузии привели к гибели мирного населения	8
Потому что действия России привели к тому, что конфликт распространился на другие территории, в частности на Абхазию	5
Потому что оно стремится ослабить Россию и «выдавить» ее из Закавказья	66
Затрудняюсь ответить	14

4и. Как Вы считаете, повлияет ли нынешняя ситуация вокруг Южной Осетии на отношения России со странами Запада? Эти отношения... (в % от числа опрошенных)

5. К ИТОГАМ СОБЫТИЙ

5а. Как бы вы оценили нынешние отношения между Россией и Грузией? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2006, ноябрь.	2008, май	2008, август
Дружественные	1	2	1
Хорошие, добрососедские	4	5	<1
Нормальные, спокойные	13	14	1
Прохладные	26	27	9
Напряженные	28	38	41
Враждебные	10	8	44
Затруднились ответить	8	6	3

N=1600

5б. Как бы вы оценили в целом нынешние отношения между Россией и Украиной? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2001 май	2004 окт.	2005 окт.	2006 авг.	2007 февр.	2007 сент.	2008 авг.
Дружественные	7	8	7	3	5	4	1
Хорошие, добрососедские	18	22	10	9	11	6	2
Нормальные, спокойные	31	38	27	27	31	23	12
Прохладные	27	19	30	35	35	35	36
Напряженные	12	8	19	19	13	22	36
Враждебные	1	2	2	2	2	6	10
Затруднились ответить	4	4					

N=1600

5в. Как вы оценили бы в целом нынешние отношения между Россией и Соединенными Штатами Америки? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007		2008
	IX	VIII	X	VIII	X	VIII	II	VI	IX
Дружественные	7	6	8	6	12	8	7	4	8
Хорошие, добрососедские	13	16	14	15	9	9	6	7	7
Нормальные, спокойные	42	45	46	45	39	43	34	31	36
Прохладные	25	20	18	21	25	24	34	33	27
Напряженные	8	6	8	7	10	8	12	17	14
Враждебные	1	1	2	1	2	2	3	3	3
Затруднились ответить	4	6	4	5	3	6	4	5	5

N=1600

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Наталья ЗОРКАЯ

Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации

В начале 1990-х гг. потенциал изменений в обществе, его модернизации связывался с вступлением в «новую жизнь» молодых поколений. Об этом уже не раз писалось в статьях и работах нашего Центра. Признаки изменений исследователи искали не только в образованном слое, из которого должны выдвигаться и формироваться специализированные элиты общества, не только в современной, более сложно устроенной урбанизированной среде больших городов и мегаполисов, но и в среде молодежной. Мы постоянно отмечали, выделяли, «вытаскивали» на свет такие отличительные характеристики молодых, как положительное, открытое отношение к Западу, более явную, чем в населении в целом, идентификацию с либерально-демократическими ценностями¹, стремление к гражданским свободам, достижению, успеху. И, наконец, мы постоянно отмечали бóльшую удовлетворенность среди молодых происходящим в стране и ее повседневной жизни. Население страны долгие годы было глубоко фрустрировано, растеряно и раздражено. Приспособление к переменам не связывалось с идеями будущего развития, осознавалось как «выживание». Россияне ностальгировали по прошлому, идеализировали советское время, вытесняя память о своих же тогдашних проблемах. Многие ощущали себя выбитыми из колеи². На таком негативном фоне молодые —

их оптимистичные настроения, оценки происходящего, их более «демократичные» взгляды — задавали некий положительно окрашенный «горизонт будущего» в изучаемом социуме.

В представлениях большинства населения выиграла от накативших на страну перемен либо люди нечестные — жулики, спекулянты, преступники, мафия (те, кто нарушал нормы «советской морали», что было и защитной, лицемерной реакцией большинства на экономические перемены), либо люди, имеющие власть или близкие к ней. Более половины россиян считали себя проигравшими в ходе реформ, людьми без будущего. Неясная, смутная надежда на другую жизнь связывалась с молодежью. Проекция лучшего будущего, вроде бы «естественное» ожидание лучшей жизни для детей, включала в себя сознание собственной неудачи, фрустрацию от нереализованности индивидуальных притязаний и aspirations.

Вызвавший большой резонанс в конце 1980-х документальный фильм «Легко ли быть молодым?» ставил на примере историй разных молодых героев проблему социализации молодых в советской системе, уничтожение будущего у последнего советского поколения молодежи. Авторы поднимали вопрос о том, какой ценой молодые вписываются в систему, каковы издержки адаптации к существующему. Тем самым затрагивалась и проблема понимания того, как устроено советское общество, что оно делает с человеком. Но все это было скоро вытеснено из общественного сознания и забыто.

В ситуации разложения советской институциональной системы (развал социального обеспечения, образования, распространение властного произвола и коррупции, неэффективность советской правовой системы, а также банкротство культурных элит) основные функции адаптации к меняющейся реальности и «взрачивания» нового поколения берет на себя семья. Главным для нее являются не толь-

¹ Как стало понятно позднее, декларативную, поверхностную, знаковую, т.е. не меняющую или не создающую новых ценностных порядков, регулятивов действия.

² В книге А.Г. Вишневого «Серп и рубль» — одной из многих важных и значимых для самопонимания общества книг, «не прочитанных» обществом, не нашедших ни достойного отклика, ни признания, ни серьезного осмысления, — советская модернизация, которую автор называет консервативной, преимущественно инструментальной, ее рывки и прорывы связываются автором с резкой, обвальная маргинализацией значительнейших слоев общества, уже утрачивающих прежний уклад жизни и не вписывающихся в новый, как это было, например, с российским крестьянством. Судя по всему, мы имеем дело с той же моделью модернизации со всеми вытекающими социальными последствиями.

ко задачи выживания, но и обеспечения возможностей «другой жизни» именно для детей, использования детьми новых шансов. Однако пассивное приспособление к переменам со стороны самих «взрослых» (приспособление без изменений), понижение собственных запросов и ожиданий вело к общему сужению и упрощению представлений о «будущем», к концентрации на решении повседневных проблем, «борьбе» с повседневным, но уже не «советским бытом». Благополучие детей, как показывают многолетние опросы, по сути, виделось как восполнение того, чего не хватало поколению родителей — материальной обеспеченности, свободы от давления повседневных тягот, развлечений. Распад советской системы приводил к тому, что огромная часть ответственности за социализацию будущего поколения перекладывалась на семью. В таких условиях советская система институтов дошкольного, школьного, вузовского образования рушится, уродливо трансформируется, распространяется не только платность, но и коррупция. Значительная часть городских семей не только вынуждена возвращаться к таким, присущим аграрному обществу функциям, как обеспечение семьи продуктами за счет приусадебных участков, но искать дополнительные средства, чтобы вкладывать их в образование детей, начиная с детского сада вплоть до вуза.

Ценой огромных усилий семья могла только обеспечить детям шансы для использования новых возможностей, создать условия для получения образования. При этом потенциал семьи как социально-репродуктивного института в современном обществе в принципе ограничен. Изменения не могут закрепиться в обществе без подключения к семейному воспитанию специализированных агентов социализации — современной средней и высшей школы, других специализированных подсистем общества (культурных учреждений, СМИ, права, здравоохранения), эффективность и модернизационный потенциал которых напрямую связан с состоянием элит общества.

Иллюзии модернизационного потенциала претендующих на роль элиты культурных групп (интеллигенции) очень быстро исчезли уже к началу 1990-х, когда завершился период «гласности». Придание публичного характера всему подзапретному, замалчивавшемуся, искажавшемуся в советскую эпоху было актом признания интеллектуального опыта советской интеллигенции, но без понимания того, насколько последняя была частью системы.

Так или иначе, публичная критика прошлого, советской системы конца 1980-х начала 1990 г. оказалась практически не востребованной социумом, озабоченным проблемами повседневного выживания, не стала отправной точкой для ценностных трансформаций институтов воспроизводства, социализации. Для современной молодежи, как и для всего общества в целом, советское прошлое, вопросы понимания того, как было устроено советское общество, в котором выросло большинство населения, полностью перестали быть значимы.

«Цивилизационные» функции берет на себя при этом массовая культура и массовое потребление. Освоение современности, интерпретация новых проблем и жизненных коллизий, напряжений, конфликтов происходит через каналы массовой коммуникации, терявшие свою наметившуюся было направленность на разные типы аудиторий, все больше подчинявшиеся запросам массовидного и «низового» потребителя.

Сосредоточимся на том, что привносят или привнесли молодые поколения в работу институтов «повседневного воспроизводства» общества, каковы особенности социализации молодежи в рамках этих институтов — в сфере образования, трудовой жизни, семьи. Особый интерес для нас представляет та количественно незначительная, но очень важная часть молодежи, которую мы описывали в своих исследованиях как «наиболее активную», «продвинутую», ориентированную на «успех» и добивающуюся его. Именно эта молодежь, городская, высокодоходная, высоко оценивающая свои реальные (или мнимые) достижения, воспринимает себя как «норму», выступая ориентиром не только для остальных молодых, но и для всего общества в целом. Так возникает специфическая социальная морфология общества, когда «молодость» — характеристика аскриптивная — выступает главным условием и ресурсом достижения.

Свой образ жизни эти молодые рассматривают как образец достижений, который демонстрирует «всем прочим», в том числе группам провинциальной, периферийной молодежи, к чему нужно (и можно) стремиться. Именно поэтому молодежь можно рассматривать как «общество в обществе», которое устроено так же, как и «большое» общество в целом, где есть свой центр и своя социальная периферия, свое «социальное болото»³. Именно эта молодежь

³ Молодежь, как и население в целом, имеет свою «социальную периферию». В структуре «малоимущих», согласно Российскому статистическому ежегоднику, молодежь (16–30 лет) в 2004–2006 гг. составляла 26%, среди «крайне бедного населения» — 27%, что выше их удельного веса в населении (24%).

осваивала и закрепляла новый для страны образ городской жизни, обживала менявшиеся и вырвавшийся на глазах новый «большой город».

К феноменологии нового города. За постсоветский период советская топография, разметка крупного города полностью ушла. Нынешняя молодежь росла в складывавшемся новом городском пространстве, ориентирующемся на современный западноевропейский город или имитирующем его. Этот город, как и жизнь на страницах глянцевого журнала, популярных среди молодых, особенно тех, кто побогаче, был предназначен не для всех. «Новое» в городском пространстве — а это, конечно, центр большого города — имело (и все еще сохраняет) примечательное отличие: оно адресовалось молодым и преуспевающим. Все прочие «социальные возрасты» и «социальные слои» оказались надолго вытесненными на периферию — подальше с глаз со своими «оптовками», киосками, дешевыми вещевыми рынками, «старыми» магазинами, «парикмахерскими», «прачечными», «булочными» (с глаз внешнего, в первую очередь, воображаемого «западного» наблюдателя-туриста, который должен видеть, что «здесь» все как «у нас»). Тем самым как бы снималась, «разгружалась» проблематичность актуальной повседневной жизни всего общества, выстраивалась его благополучная витрина, становящаяся все изобильнее и богаче. Символы центра, ценностного ядра социума быстро менялись: вокруг Кремля, Генштаба, Государственной национальной библиотеки и т.п. воздвигался мир рекламы и постсоветского гламура⁴. Новые кафе, бары, казино, ночные клубы, роскошные (особенно для советского обывателя) магазины, новые кинотеатры были ориентированы прежде всего на молодых, зазывали их к себе дизайном, интерьером, слоганами, атмосферой, но и получали в качестве постоянных клиентов именно молодых — более активных, «таких, как на Западе», готовых воспринимать, усваивать и демонстрировать эти «новые» культурные формы городской жизни.

Эти молодые уже на старте зарабатывали намного больше, чем их родители, они были *платежеспособны*. Новое обличье городской среды, новые стандарты потребления давались в руки молодым как бы в готовом виде — как конструктор «Лего», который только нужно собрать, как материалы для «евроремонта»,

⁴ Ю. Левада в свое время назвал перестроенную Манежную площадь и Александровский сад, обрамленные шедеврами Церетели, «ампиром во время чумы».

которые можно просто купить. Образцы повседневной жизни (такой, как в благополучном Западе), подсмотренные еще в советское время родителями в западном кино или в «заграничных» журналах, теперь тиражировали модные гляцевые издания, их подхватывала подражающая им «тонкая» массовая пресса. Образы обустроенной повседневной жизни потоком шли через телекартинки, рекламу, ставшее доступным мейнстримовское, прежде всего американское, кино и т.п. Полученный «оптом», «в наборе» (как и поток дешевых западных продуктов, хлынувший на рынок и заполнивший пустовавшие прилавки), новый город не предполагал самостоятельную работу культуры, работу общества над осмыслением и последующим оформлением его облика (тут больше «упражнялась» городская власть).

Новый город оказался без истории, вне прошлого и бытовой рутины. На Западе по изменениям городской среды можно отслеживать динамику взаимодействия разных социальных групп, слоев городской жизни, общества в целом, реконструировать процесс символического осмысления и переосмысления городской среды. Например, по популярности того или иного жилого района западного города именно среди молодых, выстраивающих свою «драматургию» жизни в городе (жизненно-повседневные стратегии молодых «яппи» или, напротив, «альтернативщиков», «зеленых» и т.п.). У нас же заимствования западных образцов выступали как знаки, маркеры новой жизни, которая была закрыта для тех, кто не вписывается в новую благополучную жизнь, т.е. для большинства, становящегося, как ни парадоксально, маргинальным.

Город и деньги. Главными ресурсами, позволяющими войти, вписаться в этот новый, сверкающий и «беззаботный» мир города (разумеется, тот, что «на витринах», а не в подворотнях, не во дворах и не на окраинах, скрытых от глаз чужаков, непосвященных) были и во многом остаются «деньги» и «молодость». Они выступают ситуативным, «местным» эквивалентом ценности.

Если в первое время город витрин и знакового потребления был подчеркнута молодым, то теперь он все больше становится показушно-богатым, но вовсе не более демократичным, открытым, сложно устроенным, дифференцированным, культурно и социально насыщенным, многообразным. В таком городе деньги, в определенном смысле, «не считаются», ведь

размер трат мотивирован, оправдан приобщением к знакам статусной иерархии. Чем больше ты тратишь, тем выше ты стоишь. Именно поэтому деньги здесь «дутые», не связанные с трудовыми затратами, соотношением усилия и достижения, с рационализацией повседневности, с рациональным выбором, калькулирующим соотношение затрат и качества услуг, с выстраиванием жизненных финансовых стратегий. Они не символический посредник, не мера ценностей, а «взнос», «билет», «талончик» на вход. Это деньги, которые, подобно советскому дефициту, отмечают статус, маркируют принадлежность к иерархии. Поэтому за новизной (ведь выросло первое поколение «с деньгами») прячется очень простая конструкция устройства общества: «выиграл» – «проиграл», «вписался» – «выпал». Такие «деньги» очень просто решают повседневные социальные проблемы – со здоровьем, образованием, армией и так далее. Но они не изменяют соответствующих институтов, задавая лишь образец «нового» способа адаптации к репрессивной и коррумпированной системе, к институциональному произволу.

Город и «общество». В таком новом городском мире практически отсутствуют или не обладают достаточной силой символической репрезентации представители других социальных возрастов. Здесь нет старости, зрелости, практически нет детства, т.е. нет разнообразных социальных партнеров, обобщенного «другого». Но в силу этого нет и иных категорий социального времени – нет человеческой биографии, нет истории, смерти. Чтобы оставаться в таком мире, нельзя стареть и болеть. Он как-то не придумал для этого пристойного места и среды обитания. Кажется, что, как и прочие, заимствованные у Запада стандарты повседневной жизни⁵ городского человека, стремительное распространение среди «продвинутых» горожан всестороннего «ухода за собой» – от фитнеса до пластических операций – нацелено прежде всего именно на то, чтобы как можно дольше не выпадать из когорты молодых. Это не связано с рационализацией ценности здоровья и самой жизни со всеми ее возрастными. Если в развитых

странах стремление сохранить здоровье тесно связано с ценностью качества жизни всех возрастов (ценность, являющаяся одной из ключевых и в западной медицине, не говоря уж о потребительской сфере), то в России это скорее носит характер социально-ролевой или особой статусной игры. То, что среди самых острых проблем в опросах молодежи занимают проблемы пьянства и наркомании, говорит не только об их распространенности, но и об отсутствии наработанных культурных защитных ресурсов, навыков контроля, самодисциплины и рационализации своего поведения.

Другая черта такого нового города, связанная с предыдущей, – это отсутствие или подавление социально-пространственного измерения: центр или социальный «верх» вытесняет социальную периферию, социальный «низ», социальные «края», маргиналии. Бывшие привокзальные площади столицы, оживленное место обмена и коммуникации центра и периферии, «закрываются» скроенными по одному лекалу «торгово-развлекательными центрами», дешевые мегамаркеты всех разновидностей и «для всех» выносятся за пределы окружной дороги.

Идентичность успешной городской молодежи и «Запад». В такой социально-временной, социально-пространственной композиции возникает специфическое «мы» молодых успешных горожан, смысловой доминантой которых предстает понимание текущего времени как исключительно «своего». Из него должны исчезнуть реалии советского прошлого вместе с их носителями: тут нет места для «советских старших», они вытесняются как помеха или «денонсируются» как лузеры. Однако этим устраняется не только прошлое, но и будущее – нет проекта, в том числе своей будущей биографии. Я имею в виду не частную историю отдельного человека, а будущее как социальный факт. Из конструкции «своего» вытесняется сама идея социальности (ценностно-нормативные порядки «общества», его институтов и групп), правила, этикет повседневной жизни со всеми насущными проблемами. Такое «мы» существует только при неявном условии противопоставления себя остальному обществу.

Целостность подобной конструкции идентичности, построенной на противопоставлении «остальным», задана внутренней оппозицией «мы» и «Запада». Этот «Запад» – мифологический, амбивалентный, знак отношения к которому легко меняется и переворачивается. «Запад», с которым соотносит себя успешная

⁵ Отметим, что в европейских языках, в разговорной речи, есть слова и устойчивые словосочетания, описывающие городские типы поведения и потребления, т.е. в принципе общие «для всех». Например, немецкий глагол «schaufensterbummeln» – «гулять по городу, рассматривая витрины, ничего не покупая» (англ. – «window-shopping»), который фиксирует в языке возможности социально-ролевой игры, примеривания на себя разных ролей или дистанцирования от них.

городская молодежь, это не реальные страны со своей историей, достижениями, ценностями, проблемами, а идеологическая конструкция, являющаяся важнейшим элементом и условием российской идентичности, соотносением с которой придает значимость собственному существованию. Приход западной массовой культуры — мы смотрим те же фильмы, что и на Западе, слушаем ту же музыку, едим ту же еду, носим те же вещи, ездим в те же страны, живем, как «в нормальных странах», — поддерживает у наиболее успешной, «продвинутой», вписавшейся в новую реальность части молодых ощущение успешности и состоятельности, уверенности в том, что все идет «как надо». Усвоение западных стандартов потребления и городского образа жизни порождает ощущение, что «мы» уже живем (и хотим жить так), как «там», мы — «в отрыве» от «совка». И именно это главное.

Эта успешная часть молодых людей считает, будто они хотят в жизни того же, что и западная молодежь. Как будто бы к этой оценке близко и большинство молодых. Действительно, молодые россияне в своем большинстве пока еще скорее хотят, чтобы Россия оказалась в ряду экономически развитых западных стран, а не претендовала на роль «супердержавы». Однако обратим внимание на другие цифры. Вхождение России в европейский мир, «открытость» миру (что сопряжено с отказом от мифологии поиска «особого пути») выбирают в качестве идеи, которая объединила бы общество, не более 10% молодых респондентов. С суждением, что «Россия должна пытаться стать европейской страной, вместо того, чтобы искать свой путь», согласны лишь 29% опрошенных молодых респондентов, а большинство (57%) с ней опять-таки не согласилось⁶.

Поскольку реальный Запад не слишком склонен принимать Россию «за свою», относится к ней без какого-либо интереса, критикует российское руководство и демонстрирует скорее осторожность, сдержанность в отношениях с нынешней Россией, в российском социуме включаются механизмы компенсаторной защиты, традиционной и для советского, и для постсоветского общества. Молодежь здесь не исключение, и это очень важно, поскольку говорит об отсутствии решающих изменений.

⁶ Здесь и в таблицах 1–3 данные опросов молодежи в 2005 г., а также данные опроса 2007 г., проведенного в рамках той же программы, приводятся с любезного разрешения авторов программы исследования S. Mendelson (CSIS) и T. Gerber (University of Wisconsin). Презентация результатов опроса 2007 г. была опубликована на сайте Карнеги-центра, www.carnegi.ru.

Если в начале 1990-х именно молодежь характеризовалась особенно миролюбивой и открытой позицией по отношению к Западу, то теперь, когда в постсоветской России уже практически выросло новое поколение, не знавшее «холодной войны», молодые не только не отличаются от старших поколений своими антизападническими настроениями, но порой даже их превосходят.

Таблица 1
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ БЫ СОГЛАСИЛИСЬ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ: «МОЛОДЕЖЬ В РОССИИ ХОЧЕТ В ОСНОВНОМ ТОГО ЖЕ, ЧТО И МОЛОДЕЖЬ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ?» (в % к соответствующему замеру)

Вариант ответа	2005	2007
Полностью согласен / скорее согласен	61	62
Скорее не согласен / совершенно не согласен	32	29
Затруднились ответить	7	7

N=2000

Таблица 2
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ БЫ СОГЛАСИЛИСЬ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ: «ДЛЯ РОССИИ БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ИНОСТРАНЦЫ ПРЕКРАТИЛИ НАВЯЗЫВАТЬ НАМ СВОИ ИДЕИ?» (в % к соответствующему замеру)

Вариант ответа	2005	2007
Полностью согласен / скорее согласен	71	78
Скорее не согласен / совершенно не согласен	24	17
Затруднились ответить	5	5

N=2000

Таблица 3
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ БЫ СОГЛАСИЛИСЬ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ: «СПИД ЗАНЕСЕН В РОССИЮ ИНОСТРАНЦАМИ С ТЕМ, ЧТОБЫ ОСЛАБИТЬ РОССИЮ?» (в % к соответствующему замеру)

Вариант ответа	2005	2007
Полностью согласен / скорее согласен	28	34
Скорее не согласен / совершенно не согласен	57	48
Затруднились ответить	15	18

N=2000

Молодежь, как и другие поколения, без особого сопротивления приняла навязанную официальной риторикой и политикой идею внешнего врага, враждебного и корыстного Запада. Массовое антизападничество молодых, массовая ксенофобия в сочетании с ростом российского национализма, возрождением ве-

Таблица 4

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ЛИ У СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ ВРАГИ? (в % к соответствующей возрастной группе)

Вариант ответа	15–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше
Да	64	64	67	73
Нет	16	14	15	12
Затрудняюсь ответить	20	22	17	15

N=1500, июль 2008 г.

Таблица 5

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОБВИНЕНИЯ ЗАПАДА В НАРУШЕНИЯХ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ ВЫЗВАНЫ БЕСПОКОЙСТВОМ О ПОЛОЖЕНИИ ГРАЖДАН НАШЕЙ СТРАНЫ, ИЛИ ДЕЛАЮТСЯ В ЦЕЛЯХ ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ НАШУ СТРАНУ И ПОЛУЧИТЬ КАКИЕ-ТО ПРЕИМУЩЕСТВА ПЕРЕД НЕЙ? (в % к соответствующей возрастной группе)

Вариант ответа	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше
Вызваны беспокойством о положении граждан нашей страны	7	8	10	7
Делаются в целях дискредитировать нашу страну и получить какие-то преимущества перед ней	72	68	69	65
Затруднились ответить	21	24	21	28

N=1600, 2008 г.

ликодержавных настроений стали реакцией по-советски завистливого, агрессивного социального болота, которое есть и среди молодых, как раз на демонстративно-статусное, имитационное «западничество» наиболее успешной, богатой и адаптированной молодежи. Она демонстрирует новые стандарты потребления и образа повседневной жизни в качестве знаков собственного отличия, которые, как и прежде, не доступны подавляющему большинству тех же молодых. Но и эти последние живут в уже изменившейся социальной среде, им тоже хочется быть «богатыми», «независимыми» и «свободными». По существу эти реакции суть проявления релятивной депривации, ведущей к резкому всплеску агрессии, ненависти в отношении именно того, чего больше всего хочется.

Молодежь и политика. Российскую молодежь нельзя назвать аполитичной. Она следит за политикой не меньше, чем старшие поколения, используя даже больше альтернативных, разных источников информации за счет Интернета. Однако это позиция равнодушного зрителя. В самом отношении нынешних 20-летних или уже повзрослевших с 1990-х гг. 30-летних к политическим событиям в стране и мире почти улетучилось демократическое или либеральное уmonoнастроение. Исчезают признаки позиции, политического выбора; оценки происходящих событий не соотносятся с ценностями права, гражданских свобод, солидарности. Начинают работать либо механизмы присоединения к большинству, становящемуся все более агрес-

сивным и воинственным, либо механизмы отрицания любых ценностных значений вообще, цинического обесмысливания событий.

Показателен пример отношения молодых к «оранжевой революции» на Украине. Более трети (37%) опрошенных в 2005 г. молодых⁷ следили за событиями на Майдане. В этой группе «включенных» наблюдателей 24% считали, что они не принесли Украине ни пользы, ни вреда, а 25% затруднились сформулировать свое мнение (что они «были очень полезны для Украины», считали лишь 3% опрошенных). Это значит, что половина молодых, следивших за событиями на Украине, не видят в них «смысла», не хотят оценивать для себя такое важнейшее и интереснейшее для понимания постсоветских обществ событие. Самый частый ответ на вопрос о движущих мотивах людей, стоявших на Майдане, — «участникам за это платили деньги». Его приняли для себя 52% (еще 25% молодых считают это вторым по важности мотивом), тем самым согласившись с объяснением, растиражированным кремлевскими политтехнологами. Такой мотив, как «воодушевление идеями», посчитали первым по важности уже только 30% молодежи, следившей за событиями. Гипертрофированные опасения российской власти относительно «оранжевой угрозы» выглядят малообоснованными: 72% опрошенных молодых «определенно не хотели бы», чтобы «оранжевая революция» произошла в России. Для политологов и политтехнологов важно было «вытянуть

⁷ См. сноску 6.

на свет» именно эту равнодушно-циничную реакцию большинства молодых и укрепить тем самым антиоранжевые спектакли «нашистов». Это и есть механизм девальвации, ценностной дискредитации смысла политических и социальных событий, из которых творится «история» (причем и общая, и своя собственная). Главное при этом — нейтрализовать потенциал любой ценностной позиции.

И это вполне удается. Сегодня 55% учащихся и студентов затрудняются ответить на вопрос, кто был прав в августовские дни 1991 г., а самый частый среди 18–24-летних ответ (как и в остальных возрастных группах) — «ни те, ни другие» (39%; в «родительском» поколении 40–50-летних этот показатель составил 53%).

Возвращаясь к описываемой нами (идеально-типической) конструкции мы-идентичности у молодых успешных горожан, отметим, что другой авторитетной инстанцией, поддерживающей эту конструкцию, выступает тотальное «государство», где самым важным элементом является персонифицированная высшая власть. Здесь кроется объяснение «путинизма» молодых, казавшееся многим (особенно западным наблюдателям) неожиданным, «зашкаливающим» в преддверие 2008 г., на чем мы здесь не будем останавливаться подробнее⁸.

Удовлетворенность жизнью. Подавляющее большинство молодежи сегодня удовлетворено своей жизнью. Две пятых молодых опрошенных (41%, данные опроса молодежи 2006 г.) дают

Таблица 6

«НАСКОЛЬКО ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ВАШИМ НЫНЕШНИМ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ?» (в % от числа опрошенных в каждом опросе)

Вариант ответа	Молодежь, опрос 1998 г.	Молодежь, опрос 2006 г.	Население в целом, 2007 г.
Вполне удовлетворен /скорее удовлетворен	23	49	35
Скорее не удовлетворен / совершенно не удовлетворен	75	52	64
Затруднились ответить	2	2	1

самую высокую оценку своей нынешней жизненной ситуации — согласны с высказыванием «у меня все в полном порядке»; чуть выше доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить». Тех же, кто выбирает для себя определение «жить трудно, но можно терпеть», долгие годы самое «популярное» среди населения,

⁸ Хочется вспомнить прозвучавшее в передаче «Школа злословия» очень интересное соображение внимательного, тонкого и умного наблюдателя за нашей действительностью Льва Рубинштейна о том, что культура «глянца» и станет выступать в функции «политической культуры».

т.е. тех, кто оценивают свою жизнь, как пассивное приспособление всего 13%⁹.

Оптимистично выглядят и оценки изменения материального положения — главной заботы большинства населения: у 51% опрошенных молодых за последние три года оно улучшилось, ухудшение отмечает лишь 8%, остальные считают, что оно осталось прежним¹⁰. Половина опрошенных молодых (50%) ожидает его улучшения в ближайшие три года, причем этот показатель практически одинаков для молодежи, живущей в разных типах поселений. За минувшее десятилетие среди молодежи значительно выросла доля удовлетворенных своим материальным положением, хотя доля недовольных все еще несколько выше.

Как и населению в целом, большинству молодежи имеющихся доходов хватает только на самое необходимое: еду, продукты и одежду, но и стандарты потребления у «взрослых» и «молодых» заметно различаются. Молодежь подчеркнуто ориентирована на «статусное» потребление, поэтому готова платить большие деньги за модные и престижные вещи, маркирующие ее «современность», пусть даже в ущерб вещам, необходимым в семейном быту. Сегодня уже треть молодых описывают себя как группу, для которой характерна отличная от общераспространенной («выживательной») стратегия потребительского поведения.

Учеба и проблема качества образования. Молодежь не только демонстрирует ориентацию на более высокие, западные стандарты потреб-

⁹ Правда, по мере социализации во «взрослую жизнь» оптимизм становится более сдержанным, особенно в центре, в столице, где острее конфликты, конкуренция, более интенсивны социальные и культурные напряжения, и, напротив, в периферийных городах и сельской местности, где самый низкий потолок, самый бедный спектр социальных и культурных возможностей. Крайне негативная оценка своей ситуации — «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», которую по сей день дают своей жизни около одной пятой всего населения России — в настоящее время практически отсутствует среди молодых (1%).

¹⁰ Единственная группа, в которой он весьма высок, — это респонденты, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, здесь ухудшение отмечают 23% данной группы. Отметим, что в группе находящихся в отпуске по уходу около 20% воспитывают ребенка вне брака.

Таблица 7

К КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВЫ СКОРЕЕ МОГЛИ БЫ СЕБЯ ОТНЕСТИ? (в % от числа опрошенных в каждом опросе)

Вариант ответа	2007, население	2006, молодежь
А. «Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты»	11	2
Б. «На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения»	28	12
В. «Денег хватает на продукты и на одежду, но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является для нас проблемой»	45	50
Г. «Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи»	16	33
Д. «Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и другое»	1	2

ления, но и стремится к высоким заработкам. Она заявляет, что «готова много и интенсивно работать». Следование новым стандартам потребления очень «затратно», и новый образ жизни, новые практики проведения молодежного досуга требуют весьма больших средств. Большинство опрошенных считают необходимым условием для успешной карьеры, «доступа» к высоким заработкам получение высшего образования. При этом для молодых типичен прагматизм в отношении к обучению. Значительная часть считают для себя наиболее важным получение образования, которое принесет в будущем высокий доход. Освоение специальности, подготовка к будущей профессии менее важны и ценны, чем получение «корочки». Характерны очень туманные представления учащихся о будущей профессиональной работе. Только 39% учащихся в школе и около половины студентов собираются в будущем работать по специальности.

Такая неопределенность связана с состоянием системы образования и рынком труда, т.е. с существующими институциональными рамками. Молодые довольно легко к ней адаптируются к существующей институциональной среде, вписываются в сложившиеся контексты и подчиняются им. Слабо выраженная среди студентов неудовлетворенность качеством преподавания, его уровнем, объемом, направленностью, организацией и пр., не выходит за рамки «частного» недовольства. Единичные, слабые попытки протеста, попытки изменения ситуации быстро гаснут, и – что особенно важно – не находят практически никакого отклика среди студенчества в целом (яркий пример – история конфликта на социологическом факультете МГУ). В студенческой среде мы точно так же не

видим никаких явных признаков формирования инициатив, связанных именно с улучшением качества обучения и преподавания, как нет никаких явных признаков формирования групповой, социальной солидарности во всех прочих сферах жизни общества.

Прагматичная ориентация на процесс получения высшего образования не новое явление. И в советские времена большинство студентов гуманитарных, например, филологических, факультетов учились, считая (и это соответствовало действительности), что большинству из них придется работать – по крайней мере, по распределению – в школе, заниматься учительской деятельностью, а не наукой. Таким образом, нивелировалась ценность универсального, широкого гуманитарного образования, причем планки индивидуальных достижений занижались как преподавателями, так и студентами. Изучаемые предметы делились на «нужные» и «ненужные», воспринимавшиеся как «избыточные», оцениваясь с узко прагматичной, житейской точки зрения. В «новое время» такую функцию «понижающего трансформатора» в большой мере играют деньги – представление о будущей зарплате.

Будущий и желаемый высокий доход слабо связан с процессом обучения, специализации, накоплением «квалификационного ресурса», необходимого для успешной конкуренции на рынке труда. После получения диплома для большинства молодых важным становится не реализовать в профессии полученные знания, а попасть в те сложившиеся экономические ниши, где есть «большие деньги», где старт, даже с самых низких должностных позиций, сразу дает большой доход, чем это предполагает квалификация, скажем, как «инженера» или

«преподавателя». Таким образом, и в сфере образования девальвируется ценностный смысл индивидуального достижения, личных усилий, который мог бы стать главным «ресурсом обмена» при выходе на рынок.

Неоднократно уже писалось, что качество российского образования, как среднего, так и высшего, скорее не значимо для российской молодежи¹¹. Это одна из самых болезненных, ключевых для модернизации и развития российского общества проблем. Вокруг нее ведется много дискуссий и среди экспертов. В списке «самых острых» проблем молодежи на «невозможность получить хорошее образование» там, где респондент живет, указало лишь 13% всех опрошенных молодых (11 место в списке из 14 проблем).

Проблема «недоступности хорошего образования» острее стоит там, где меньше мест, куда можно попасть, просто заплатив. В столицах, где сконцентрировано большинство ведущих вузов страны, она практически незначима.

Претензии к системе образования среди молодых, главным образом, связаны с общим для всего населения недовольством нарушения всеобщего права на получение бесплатного об-

системе образования ведет к коррумпированию всех «участников», включая студентов и их родителей. Готовность платить за образование, широко распространенная среди молодых, особенно более обеспеченных городских жителей, выступает (при незначимости проблемы качества образования) не как «инвестиция» в свое профессиональное будущее, условие развития и самосовершенствования, а как взятка за «переход социального барьера», как вынужденное, но все-таки принятие навязанных «правил игры»¹². Деньги здесь выступают не как символический посредник получения знания на рынке образовательных услуг, а как «мзда» за доступ к услуге в процессе обучения, никак не связанная с гарантиями качества услуг.

Таким образом, непроблематичность для молодых содержания и качества получаемого образования, отсутствие в их сознании ценностной ориентации на индивидуальное усилие при получении образования, «конвертируемого» в успех и достижение, говорит о той же пассивно-адаптивной стратегии поведения, которая характерна для подавляющего большинства населения. Идея отстаивания, защиты своих прав на получение качественной услуги

Таблица 8

ЗНАЧИМОСТЬ ДОСТУПНОСТИ КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО ТИПАМ ПОСЕЛЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ
(в % к соответствующей группе опрошенных)

Вариант ответа	В среднем по выборке	Москва	Большие города	Средние города	Малые города	Села
Невозможность получить хорошее образование в этом городе/селе	13	5	3	8	22	19

Опрос молодежи 2006 г.

Таблица 9

УДОВЛЕТВОРЕННЫ ЛИ ВЫ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ? (в % к соответствующей возрастной группе)

Вариант ответа	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше
Определенно да / скорее да	36	28	21	20
Скорее нет / определенно нет	48	60	68	71
Ни да, ни нет	27	24	20	22
Затруднились ответить	3	2	7	9

N=1600, августовский опрос населения 2008 г.

разования, т.е. реакцией на распад советской государственной системы образования.

Другая, связанная с этим причина общего недовольства – распространение коррупции в системе образования. Появление денег в разлагающейся распределительной государственной

¹² Отдельная и серьезная тема – это коррупционное поведение студентов и преподавателей уже в процессе обучения. Распространение практики покупки экзаменов и зачетов (неважно, вынужденной или добровольной), дипломов, написанных другими за деньги, что поддерживается изданием книг со шпаргалками, практикой «списывания у отличников» (хоть из книжки, хоть из Интернета), задает такие рамки учебному процессу, когда задача и ценность индивидуального достижения и его признания в рамках института вытесняется, нивелируется. Сложность процесса вытесняется простотой и скоростью решения проблем. Такой процесс обучения становится все более дорогим и затратным. Но это опять-таки деньги «вздутье».

¹¹ См., например: Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Образование в России: привлекательность, доступность, функции // Вестник общественно-го мнения. 2004. № 1(69).

Таблица 10

МОЖЕТЕ ЛИ СЕЙЧАС ВЫ (ВАШИ ДЕТИ, ВНУКИ) ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛУЧИТЬ ХОРОШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

(в % к соответствующей возрастной группе)

Вариант ответа	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше
Определенно да / скорее да	58	42	33	30
Скорее нет / определенно нет	36	55	63	61
Затруднились ответить	5	3	4	9

N=1600, августовский опрос населения 2008 г.

за деньги, или протеста против переплаты, нарушения договорных отношений среди молодых сегодня практически отсутствует. Хотя удовлетворенных системой образования среди молодежи меньшинство, однако подавляющая часть их уверена в том, что может получить «хорошее образование».

То же самое можно сказать о среднем образовании. Так школа, один из «мрачных» мотивов индивидуалистической западной литературы и культуры, вспоминается большинством молодых россиян «со светлыми чувствами» (что вовсе не отменяет опыт пережитого институционального насилия, напротив, таким образом они его нейтрализуют, лишают субъективных, автобиографических смыслов).

Признаком важности качества образования для молодых, особенно тех, кто стремится жить «как там», можно было бы рассматривать желание учиться за границей. Однако отношение молодых к получению образования за границей двоякое: доля тех, кто «в принципе» хотел бы поехать учиться за границу, равна в сумме 48%, а тех, кто нет, — 47%. Подобное статистическое распределение скорее подтверждает тезис о неактуальности получения более качественного и современного образования за рубежом. За подобными пожеланиями, как и отношением к возможной работе на Западе или к эмиграции, кроются неясные мечтания о другой жизни, более благополучной и нормально устроенной. С возрастом они резко снижаются.

Учеба и деньги. Как мы уже отмечали, жить «по-новому» стоит весьма дорого, требует боль-

шого вложения усилий, работы. Почти половина молодых в возрасте 15–29 лет в России учится, причем для относительного большинства (36% от всех опрошенных) учеба — это основное занятие. Каждый десятый совмещает учебу с работой. Особенно часто работают и учатся студенты вузов: среди учащихся ПТУ и техникумов таких 14–15%, среди студентов — 44%. Поскольку абсолютное большинство студентов учится на дневных отделениях вузов, стало быть, значительная часть одновременно учится и работает, что во многом обесценивает процесс обучения, снижает его качество. Молодые чаще, чем население в целом, берутся, помимо своего основного занятия, за дополнительные заработки (среди населения в среднем это 10–12%, среди молодых россиян — около 17%). Особенно высока доля работающих студентов среди молодых москвичей (28%), тогда как в городах другого типа и размера она составляет одну десятую, а на селе — даже 5%. Необходимость работать отчасти связана с платностью образования, желанием или обязанностью молодых снизить нагрузку на родительский, семейный бюджет. Однако платные вузы или отделения вузов существуют во всех городах, так что повышенная трудовая активность московских студентов, живущих в самой насыщенной предложением среде, дразнящей разнообразием возможностей, указывает еще и на ценность консьюмеризма, желание иметь «свои деньги», чтобы тратить их на то, что хочется «здесь и сейчас», на то, что не продиктовано планами или нуждами семьи. Такое отношение к своим заработкам означает дистанцирование молодых

Таблица 11

ДУМАЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-НИБУДЬ О ВОЗМОЖНОСТИ УЕХАТЬ ИЗ РОССИИ ЗА ГРАНИЦУ НА КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ?

(в % к соответствующей возрастной группе)

Вариант ответа	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше
Думаю постоянно	8	4	4	2
Думаю довольно часто	19	10	7	3
Думаю, но редко	34	28	14	11
Вообще об этом не думаю	43	55	71	80
Затруднились ответить	6	5	5	5

N=1600, августовский опрос населения 2008 г.

от повседневной жизни «большого», «взрослого» общества со всеми его проблемами, напряжениями и конфликтами.

В досуговую, развлекательную жизнь города активно включены преимущественно молодые и состоятельные люди; большинство же взрослого населения довольствуется «домашними формами» проведения свободного времени — телевизор, видео, домашние заботы, общение с соседями, родственниками. Поскольку большинство молодых, даже вступивших в брак (в среднем 70% опрошенных), проживают с родителями или другими родственниками, можно предполагать, что они, скорее всего, ведут с ними общее хозяйство, хотя вопрос об общем бюджете остается открытым. Тут между старшими и младшими могут возникать конфликты в распределении ролей и ответственности внутри семьи, рост внутренних напряжений и взаимного непонимания.

Возвращаясь из «большого города», преобладающая часть молодых, особенно тех, кто победнее, попадают в устроенную по-другому жизнь дома, родителей, которая, хотя и преобразилась за последние 20 лет (интенсивное обустройство быта, жилища, насыщение его предметами нормального, цивилизованного обихода — от пылесоса до посудомойки и домашнего кинотеатра), но все же остается другой — более бедной, проблемной, напряженной и депрессивной, чем этого хотелось бы молодым и от чего они внутренне отстраняются.

Для понимания «истоков» такого отрицания молодыми повседневной жизни «взрослых» важно было бы разобраться в особом советском «детоцентризме» («дети наше все»), его

социализационных последствиях. Недовольство и обида на детей со стороны родителей, их разочарование, которое мы улавливаем и в наших данных, сочетается с явными дефицитами взаимопонимания между поколениями родителей и детей. Эти напряжения тлеют изнутри, но не перерастают пока в социально значимый, ценностный конфликт поколений. Большинство «взрослых» присуща почти невротическая установка на «жизнь ради детей». Эта жертвенность советского поколения родителей связана с комплексами приспособляющегося и выживающего, зависимого от системы человека, реально затрачивающего огромные усилия на поддержание «нормальной жизни» семьи и своих детей, на то, чтобы «поставить их на ноги». Но эти усилия не обязательно находят благодарное признание со стороны детей, поскольку могут восприниматься ими как «нормальные», «естественные».

Нам представляется, что за явным стремлением как можно раньше иметь «свои деньги» (причем немалые, которых практически не было у поколения родителей), за готовностью не только учиться, но и работать или сразу найти именно высокодоходную работу, не очень важно — какую по содержанию, стоит не столько усложнение представлений о своем настоящем и будущем, сколько желание соответствовать оформившимся стандартам повседневного потребления. Это не ответственность за свою жизнь (выбор возможных средств и путей достижения целей, планов, например, где учиться, сколько и за сколько), а безответственное (не учитывающее «других», например, родителей) стремление к свободе «тратить», но не «вклады-

Таблица 12

«ЧТО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ, ЕСЛИ БЫ МОГЛИ ВЫБИРАТЬ?» (в % к соответствующей половозрастной группе)

Вариант ответа	Юноши		Мужчины		Девушки		Женщины
	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	25–29 лет
Получать меньше, но иметь больше свободного времени	5	2	4	6	3	3	
Получать меньшую, но стабильную зарплату и иметь уверенность в завтрашнем дне	15	18	16	19	21	19	
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	35	38	46	31	32	40	
Иметь работу по душе, даже если она не будет приносить больших денег	15	12	10	19	19	19	
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	23	24	19	19	18	16	
Затруднились ответить	7	7	4	6	8	4	

Опрос молодежи 2006 г.

вать». Высокие заработки молодых — это своего рода аналог «карманных денег» для взрослых молодых людей. Чтобы самому их себе заработать, да еще и позволить себе тратить, практически не считая, не планируя, платя, сколько спросят, за то, что хочется, надо действительно много работать. Но это не работа на «будущее», предполагающая дисциплинирование себя, расчет и планирование.

Молодежь и работа. Если «взрослое большинство» все еще предпочитает гарантированную работу (даже в ущерб размерам заработка), то молодые чаще всего готовы «много работать», даже без гарантий на будущее, правда, только при условии высоких заработков.

Остающаяся многие годы высокая доля тех, кто «хотел бы иметь собственное дело» и работать на «собственный страх и риск» (а таких — от одной пятой до четверти среди молодых и не более 6–7% среди населения), говорит не столько о значимости в молодежной среде предпринимательства как типа экономического поведения, сколько все о той же мечте иметь большие или «свои» деньги. По ряду опросов известно, что молодые в реальности предпочитают работу, приносящую достаточно высокий доход, но не связанную с большой ответственностью и рисками (например, банковского клерка, офисного служащего).

Довольно низкая доля респондентов, выбирающих в прожективной ситуации «работу по душе» (при возможном снижении заработка), которая в принципе должна бы отвечать личным интересам, способностям и склонностям, еще раз указывает на невысокую значимость профессионализма. Среди уже работающих молодых только 39% работают по полученной специальности (среди учащихся и работающих — 32%).

За двадцать лет доля желающих иметь свое дело среди населения в целом не изменилась, а преобладающей установкой остается желание

иметь гарантированное рабочее место. Самая популярная среди молодых по-прежнему ориентация на большие заработки без особых гарантий. «Перестроечное поколение» молодежи принципиально не изменило существовавший в постсоветском обществе еще в начале 1990-х гг. расклад «трудовых ориентаций», а значит, не привело к ценностным изменениям в этой сфере.

Отношение молодых к успеху, работе, карьере, профессии не может быть понято вне институциональных рамок, в которых проходит их социализация. Очень важным для советского и постсоветского общественного мнения является сознание «недооцененности» собственных трудовых усилий и заслуг, прежде всего, несоответствие заработной платы собственному трудовому вкладу. Такое представление присуще молодым в не меньшей мере, чем «взрослому населению»: 54% работающих и 56% работающих и учащихся опрошенных молодых респондентов его разделяют. Только 23% говорят, что не могли бы на своей работе «делать больше, чем они делают сейчас». Подавляющее большинство (73%) молодых работников считают, что могли бы «делать больше». Это противоречие — сочетание уверенности в недооцененности своего труда и весьма умеренной оценки его «производительности» — указывает на малую значимость ценности индивидуального достижения и профессионализма, на неверие в его институциональное признание и оценку другими, в том числе в денежном выражении. Это сохранение советской модели поведения, когда недооцененность труда служила оправданием халтуры и пассивности, нежелания достигать в своем деле большего (зачем вкладываться за «такие деньги»). Но молодые в отличие от своих родителей, безусловно, более лабильны и подвижны, они не слишком держатся за свое рабочее место: без профессионального интереса и роста это попросту теряет смысл. Можно предполагать, что гораздо большая, в сравнении с населением, удовлетворенность молодых

Таблица 13

«ЧТО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ, ЕСЛИ БЫ МОГЛИ ВЫБИРАТЬ?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	1994	1999	2003	2008
Небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	10	4	3	4	4
Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	45	54	60	54	56
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	26	23	23	22	21
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	9	6	6	10	8
Затруднились ответить	10	19	8	10	11

возможностями заработать, устроиться на работу, сделать карьеру, которая значительно выросла за минувшие 10 лет, также говорит о невысокой значимости профессионализма в «своем деле» и явном предпочтении «быстрых» и больших денег.

Таблица 14

НАСКОЛЬКО ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ВОЗМОЖНОСТЬЮ ЗАРАБАТЫВАТЬ, УСТРОИТЬСЯ НА РАБОТУ, ОТКРЫТЬ ДЕЛО ТАМ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ? (в % от числа опрошенных в каждом опросе)

Вариант ответа	1998	2006
	Молодежь	Молодежь
Вполне удовлетворен	10	11
Скорее удовлетворен	16	26
Скорее не удовлетворен	34	33
Совершенно не удовлетворен	33	17
Затруднились ответить	7	14

Готовность отстаивать свои права. Невысокая значимость специальных знаний, снижение ценности профессионализма, определяющая роль величины дохода при выборе места работы сочетается у молодежи с очень низкой готовностью отстаивать свои трудовые права. При общей пассивности населения молодые демонстрируют более скорую готовность отказываться от гарантий трудовых прав, от «социального» пакета, что обусловлено обширными зонами теневого рынка занятости

Так, 44%, опрошенных молодых в случае серьезного нарушения их трудовых прав просто перейдут на другую работу; примерно каждый десятый ничего не будет предпринимать, а еще 14% затрудняются дать определенный ответ. На какие-то активные действия по защите своих прав готовы около 30% опрошенных молодых людей, однако среди работающей молодежи таких уже только 23% (данные опроса молодежи 2006 г.). Как показывают данные других зондажей Левада-Центра, высказываемая готовность защищать свои права – скорее общая декларативная позиция молодых, только вступающих во «взрослую жизнь»: сильнее всего она присуща именно самым молодым – учащимся, студентам. С годами, по мере социализации, такие установки слабеют. Значимое различие старших и молодых здесь заключается лишь в том, что первые скорее склонны выбирать пассивную позицию приспособления к несправедливости (российское «терпение»), тогда как молодые действуют активнее, находя частное решение проблемы, но не создавая новых – для российского общества – образцов поведения в право-

вом поле, а лишь закрепляя в сознании нигилистическую в правовом отношении позицию.

Относительное большинство опрошенных молодых (42%, данные опроса молодежи 2006 г.) готовы работать без официального трудового договора, лишь бы их устраивали финансовые и прочие условия. Ради высокого дохода они согласны пойти на возможное нарушение своих трудовых прав. Еще 27% согласились бы на это, если для них не найдется никакой другой официальной работы: произвол начальства предполагает ответную готовность работника стать жертвой этого произвола. Ни при каких условиях не согласятся работать без договора только 24%, причем если среди 15–19-летних таких 26%, то среди 25–29-летних – 21%, среди юношей 25–29 лет – 16%, а девушек этого возраста – 25% (что связано не с более развитым правовым сознанием, а с другим пониманием своей роли, места работы в жизни).

Значительное число молодых хотели бы в принципе поехать за границу работать (23% «определенно» и еще 33% «скорее» хотели бы). Однако работа по специальности была бы главным мотивом при решении ехать или не ехать за границу работать только для 18% опрошенных (среди 15–19-летних для 21%, а среди 25–29-летних – для 13%, среди учащихся – для 23%, работающих – 16%). Для подавляющего большинства (57%) это была бы именно «работа, приносящая высокий доход».

Как и в случае «образования за рубежом», движущими мотивами работы за границей выступают не задачи профессионализации, достижения высокой квалификации, конкурентоспособности на рынках труда, а высокий уровень жизни. Во многом такие представления – призрачная или наивная мечта о возможности пожить «другой жизнью». Реальная готовность работать за рубежом характерна лишь для крайне незначительной части молодых.

Молодежь и успех. Подавляющее большинство молодых горожан (79%) считают, что они уже добились успеха в жизни. Если учесть смутность и неопределенность планов на будущее большинства молодых (о чем ниже), приходится думать, что понятие «успех» имеет в молодежной среде «знаковый», не достижительский, а идентификационный смысл (как и высокая и растущая удовлетворенность всеми сторонами социальной жизни – можно подумать, что молодые живут в какой-то другой стране). С пониманием «успеха» слабо связаны ценности индивидуального достижения и социального

признания. Такой «успех» не столько реализация достижительских планов, сколько знак вписанности в позитивно оцениваемый контекст апеллятивного «мы», «таких, как я», таких, у кого «все в порядке».

В представлениях молодежи об условиях достижения успеха доминируют упование на помощь и поддержку наделенных влиянием людей (модификация советского «блата»), на волю случая, с одной стороны, с другой — установка на инструментальное, имморальное действие, когда для достижения цели все средства хороши.

Таблица 15
«ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПОЗВОЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКУ ДОБИТЬСЯ УСПЕХА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?» (ответы ранжированы, в % от числа опрошенных)

Наличие знакомства и связей	49
Упорная работа	48
Хорошее образование	43
Талант, способности	38
Умение идти напролом, добиваться своих целей любой ценой	36
Везение, случай	22
Происхождение из богатой семьи	14
Удачное замужество/женитьба	12
Честолюбие, амбиции	12
Занятие противозаконной деятельностью	6

Опрос молодежи 2006 г.

Обратим внимание на низкий ранг таких качеств, как «честолюбие, амбиции», которые как раз должны были бы быть значимы для человека, ориентированного на успех и карьеру, особенно молодого. Эти качества традиционно воспринимаются в патерналистском и уравнилельно-коллективистском советском обществе как негативные или вызывают, по меньшей мере, настороженность. Акцентирование роли внешних по отношению к человеку факторов достижения успеха сочетается с до-

вольно негативным и завистливым восприятием «успешных людей» не только в массовых представлениях, но и среди самой молодежи, особенно — наименее адаптированной ее части. Само выделение молодыми в качестве значимых условий или средств достижения успеха и карьеры, негативно оцениваемых в массовом сознании «явлений» — блат, использование властных ресурсов, связей, циничный, эгоистичный расчет, прагматизм, — и есть механизм дисквалификации, понижения ценности успеха, карьеры как социального факта. Такое всеобщее видение условий успеха дает молодому человеку как бы оправдание, моральную разгрузку, освобождает от необходимости стремиться к большему, делать карьеру, поскольку существующие средства и способы не годятся для «честного человека».

С другой стороны, лишь 21% опрошенных молодых «скорее» или «совершенно не согласны» с высказыванием, что «цели оправдывают средства» (согласных с этим суждением — 47%). То есть распространенность «негодных» средств достижения успеха служит оправданием собственной готовности действовать так же, «как все», принимать существующие практики, вписываться в них и их использовать. Амбивалентность представлений о социальном успехе (что сочетается с декларативными утверждениями о значимости «для себя», для «внутреннего употребления» порядочности, честности, морали, нравственности и пр.) вселяет в человека не только неуверенность, страх и тревогу по поводу своих возможностей и перспектив, будущего, даже ценности своей собственной жизни, но и становится питательной почвой для ressentимента, широкого распространения в российском обществе чувства обиды, несправедливости жизни. Это и есть пресловутое двоемыслие советского человека.

Таблица 16
«НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕД ВЫ МОЖЕТЕ ПЛАНИРОВАТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ?» (в % к группам по роду занятий, по строке)

Вариант ответа	На 5-6 лет/ на много лет вперед	На год-два	Не знаю, что случится в ближайшие месяцы	Затрудняюсь ответить
В среднем	20	48	29	2
Предприниматель	49	39	10	2
Руководитель	35	53	12	0
Специалист	21	51	27	2
Офисный служащий	18	45	33	5
Рабочий	19	43	37	2
Учащийся, студент	20	50	28	2
Домохозяйка	18	53	25	4
Не работаю	11	31	56	1

Опрос молодежи 12 крупных городов, N=2000, 2007 г.

Такое понимание успеха служит лишь маркером адаптированности к существующим реалиям и не предполагает выстраивание своего будущего как сложной системы социального взаимодействия. Будущее как бы вытесняется, серьезно не планируется, не рационализируется, а настоящее не выстраивается в общую причинную связь событий прошлого и будущего, не воспринимается как место строительства (*Gestaltung*) будущего, зона актуальной ответственности и понимания («сегодня» – вчерашнее «завтра»).

Примечательно, что молодые при всей уверенности в своем положении, удовлетворенности современной жизнью, высокой оценке собственной успешности, как и большинство населения, не имеют четкого представления о своем «большом» будущем. По данным опросов, известно, что около 80% россиян не имеют планов на отдаленное будущее. Но и большинство молодых считают, что могут планировать свою жизнь не более чем на год-два вперед.

Даже самые молодые, только начинающие жизнь, не представляют своего будущего, хотя, казалось бы, это самое время для больших мечтаний. Не строят далеких планов и самые квалифицированные респонденты. Увереннее, рациональнее и «дальше всех» смотрят в будущее те, у кого есть бизнес (приносящий деньги, что позволяет сохранять принятые стандарты жизни и достижений) и высокий статус – властный ресурс. Иными словами, рационализация вре-

мени возникает лишь в тех группах молодых, которые по роду своей деятельности вписаны в социальные контексты, предполагающие более сложные структуры взаимодействия. В отсутствие таких институциональных рамок рационализация времени, планирование, выстраивание приоритетов на будущее невозможна.

Подобную «беспечность» относительно своего будущего, сочетающуюся с высокой удовлетворенностью своей жизнью и – что, наверное, еще важнее – с высокой удовлетворенностью своими «успехами», следует рассматривать как превращенную прежнюю, «родительскую» зависимость от «системы» вместе с советским же ощущением бесперспективности, невладения собственной жизнью. Не случайно даже среди самых обеспеченных и успешных молодых в России большинство признают, что не могут (да и не хотят) влиять на политическую ситуацию, не в силах отстаивать свои права, неспособны противодействовать произволу власти.

Именно это свидетельствует о воспроизводстве (и преобладании) среди молодых недостижительских ценностей и ориентаций, немодерных установок и ценностей, о той же понижающей модели и пассивной адаптации к изменениям. Репродуцируется опыт предшествующих поколений, но на ином материале и с иными средствами. Опыт пассивного выживания не создает и не обещает ничего нового. Но это уже предмет для дальнейшей работы.

Наталья БОНДАРЕНКО

Дефолт августа 1998 года глазами населения

В данной работе мы акцентировали внимание на анализе социологических данных — это результаты общероссийских опросов, репрезентирующих взрослое население России. Мы попытались проанализировать дефолт августа 1998 г. и последующие связанные с ним кризисные события глазами самих респондентов. Кризис (дефолт) августа 1998 г. был одним из тех шоков, которые в новейшую историю России потрясли российское общество. Это событие стало такой бифуркационной точкой, когда пусть даже зыбкое равновесие в обществе вновь было нарушено, вновь изменились условия для значительных групп населения, когда большинство ощутило потерю точки опоры. Что происходило с уровнем жизни россиян, по их же оценкам, как они вели себя/адаптировались к кризисным условиям и как отразились подобные шоки на массовом сознании?

Начальный этап — первые оценки. По данным массовых опросов, четко выделяется первый этап, начиная с августа 1998 по 2000 г., который можно охарактеризовать как «яма» (в связи с драматическим ухудшением уровня жизни большинства россиян и состоянием массового шока).

О масштабах снижения уровня жизни можно судить по целому ряду показателей и, прежде всего, по самооценкам респондентов и их ожиданиям на тот период времени. Так, в **ноябре 1998 г.** 82% семей отметили, что по результатам прошедшего года их материальное положение ухудшилось. На рисунке 1 очевидна «пропасть» между докризисным положением и кризисным (см. рис. 2). При этом, оценивая по условной шкале свое материальное положение, в конце 1998 г. 44% семей определяли его как «плохое», а 22% как «очень плохое» (см. рис. 2), причем еще до кризиса августа 1998 г. уровень жизни большинства россиян оценивался как «низкий», и в результате кризиса эта группа значительно расширилась.

В подобных (субъективных) оценках были возможны и преувеличения, но, скорее всего, они не столь значительны, и потребительские возможности многих семей на тот период времени действительно были очень ограничены.

Рисунок 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОЦЕНОК РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС: «КАК ИЗМЕНИЛОСЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ?» (по вертикальной оси — доля семей, считающих что их материальное положение улучшилось, ухудшилось, не изменилось; в % от числа опрошенных)

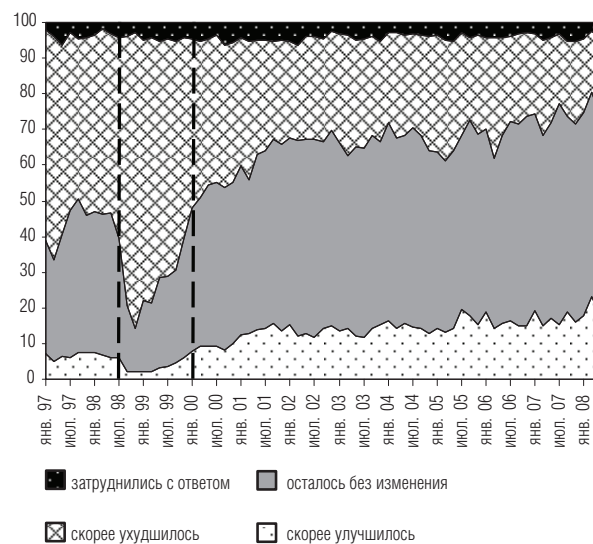
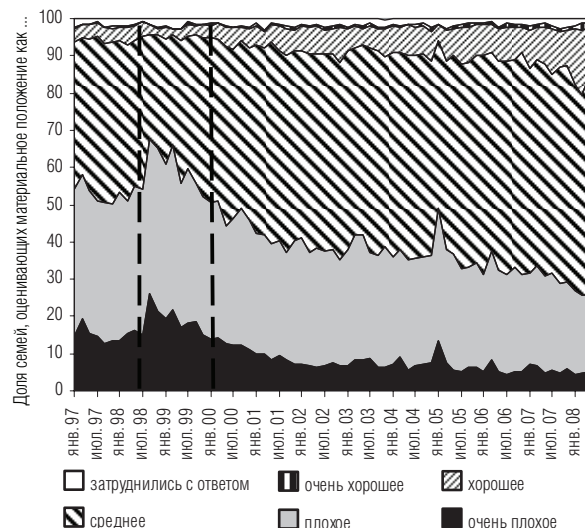

Рисунок 2
ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОЦЕНОК МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПО ДАННЫМ ЛОНГИТЮДНЫХ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ОПРОСОВ (в % от числа опрошенных)

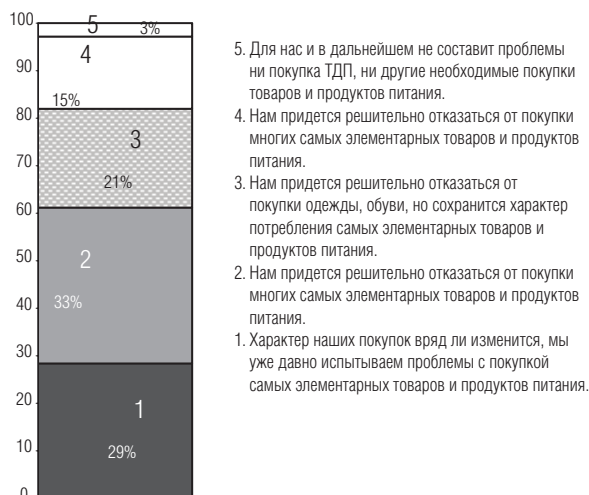

В частности, 55% семей отвечали, что вынуждены тратить на питание «практически все», а еще у 21% семей на питание уходило «примерно две трети доходов».

По данным общероссийского опроса, проведенного в **сентябре 1998 г. (всего спустя месяц после дефолта)**, только 17% респондентов ожидали, что характер потребления семьи в ближайшее время не изменится, другие 40% осознавали, что «им придется отказаться от некоторых привычек», а еще 37% ожидали, что им придется отказаться от многого и «характер потребления семьи решительно изменится в худшую сторону». 62% семей (варианты ответов 1 и 2) признавали, что будут вынуждены в дальнейшем максимально отказываться от покупок многих самых элементарных товаров и продуктов питания» (см. рис. 3)

Рисунок 3

Распределение ответов на вопрос: «С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ ПО ПОВОДУ ПОКУПОК ВАШЕЙ СЕМЬИ В БЛИЖАЙШИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ВЫ БЫ СКОРЕЕ ВСЕГО СОГЛАСИЛИСЬ?» (сентябрь 1998 г., общероссийский опрос, N = 1600)

К сожалению, ожидания людей сбылись в ближайшие год-два после кризиса, в течение этого периода потребительские возможности большинства семей резко сузились, они не покрывали даже область самых необходимых, базовых потребностей семей.

Уже в **ноябре 1998 г.** в ходе общероссийского опроса 63% опрошенных семей сообщали, что им пришлось отказаться от многих статей расходов, и уровень потребления их семьи существенно снизился, по сравнению с докризисным. Еще 22% семей отметили, что им пришлось отказаться от некоторых расходов, но в результате потребление ухудшилось незначи-

тельно. И лишь 11% семей считали, что уровень их потребления удалось сохранить.

Жизнь после дефолта: первый год — он трудный самый. С какими ограничениями и отказами от приобретений чаще всего сталкивались семьи в первые месяцы после кризиса? Помимо ожидаемых практически тотальных (по распространенности в разных семьях) отказов от покупок определенных продуктов, товаров повседневного спроса, от покупок необходимых одежды и обуви (см. табл. 1), многим семьям (33%), которые планировали ранее, до кризиса, обновление бытовой и электронной техники, пришлось отложить эти покупки, 7% отложить покупку автомобиля, 5% — покупку жилья. Для большинства обновление бытовой и электронной техники, новые приобретения стали возможны лишь в середине 2000-х, когда у семей появились денежные ресурсы и они смогли реализовать отложенный спрос на товары длительного пользования. Еще одним фактором, усиливающим ощущения фрустрации в кризисный момент, стала невозможность оплачивать необходимые медицинские услуги (21% семей сообщили, что вынуждены были отказаться от медицинских услуг) (см. табл. 1).

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос: «ОТ ЧЕГО ВАМ ЛИЧНО, ОТДЕЛЬНЫМ ЧЛЕНАМ ВАШЕЙ СЕМЬИ И ВАШЕЙ СЕМЬЕ В ЦЕЛОМ ПРИШЛОСЬ ОТКАЗАТЬСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ КРИЗИСА?» (ноябрь 1998 г., общероссийский опрос, N = 2400; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Покупка некоторых продуктов	67
Покупка некоторых товаров повседневного спроса	61
Покупка одежды, обуви	62
Покупка ранее запланированных товаров длительного пользования (мебели, бытовой электротехники и т.п.)	33
Платные медицинские услуги	21
Покупка автомобиля	7
Покупка жилья	5
Обучение в платных учебных заведениях	8
Ранее запланированный отдых (за рубежом, по туристической путевке, др.)	8
Другое	2
Затруднились с ответом	2
Нет ответа:	12

Одновременно в ходе опроса в ноябре 1998 г. были заданы и вопросы, как семьи будут адаптироваться в ближайшие месяцы (постараются пережить наступающую зиму) (см. табл. 2).

Помимо основных «надежд» на получение зарплат, пенсий и социальных пособий, многим приходилось рассчитывать лишь на личные запасы, на то, что удалось вырастить на своем участке или родственникам. Около 20% надеялись найти дополнительные возможности подработать.

Очень незначительная доля респондентов могли позволить себе жить на сбережения, на доходы от сдачи внаем жилья или от продажи имущества.

Безусловно, снижение реальных доходов в результате финансового кризиса 1998 г. не могло не отразиться на структуре питания, и некоторые «следы» этого шока мы фиксировали даже по данным опросов в середине 2000 г. (см. табл. 3 и рис. 4). Мы сравнили масштабы экономии семей в потреблении основных групп продуктов питания в 1996 и 2000 гг. (до- и послекризисный момент времени).

Значительное число российских семей были вынуждены существенно ограничить свое потребление основных продуктов питания. Осо-

бенно это очевидно на примере потребления относительно «дорогих» продуктов питания: мясных и рыбных продуктов, фруктов, молочных продуктов, кондитерских изделий и др. (см. рис. 4). Напомним, что именно на мясные и рыбные, а также на молочные продукты, фрукты цены в первое время выросли в наибольшей степени, так как в этом продовольственном сегменте в основном продавались импортные товары, и рост курса доллара привел к взлету цен на них. Лишь в дальнейшем цены на эти товары удалось стабилизировать за счет замещения отечественными.

Об ухудшении питания сообщали как малообеспеченные, так и среднеобеспеченные семьи. Но гораздо чаще с необходимостью отказа от покупок продуктов питания (особенно мясных, молочных, рыбных продуктов, фруктов, кондитерских изделий) сталкивались именно малообеспеченные семьи, хотя разрыв между потребительскими возможностями среднеобеспеченных и малообеспеченных семей, как оказалось, не настолько значителен, т.е. среднеобес-

Таблица 2

ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ АДАПТАЦИИ (ВЫЖИВАНИЯ СЕМЕЙ): РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: « НА ЧТО ВЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО РАССЧИТЫВАЕТЕ, КОГДА ДУМАЕТЕ, КАК ПРОЖИТЬ ЗИМУ 1999 ГОДА?» (в % от числа опрошенных, ноябрь 1998 г.)

Варианты ответов	Доля опрошенных, рассчитывающих на указанный источник
Заработная плата по основному месту работы	46
Пенсии, стипендии, социальные пособия	38
Дополнительные приработки	20
Продукты, выращенные на своем приусадебном/садовом участке	50
Запасы продуктов и товаров, сделанные в конце лета	25
Помощь родственников продуктами, выращенными ими на своем участке	8
Помощь родственников деньгами или вещами	10
Собственный бизнес	4
Сбережения в банке	1
Сбережения, которые Вы храните в иной форме	3
Доходы от сдачи внаем жилья, дачи, гаража	3
Рассчитываем продать кое-что из своего имущества	2
Другое	2
Затрудняюсь ответить	3

Таблица 3

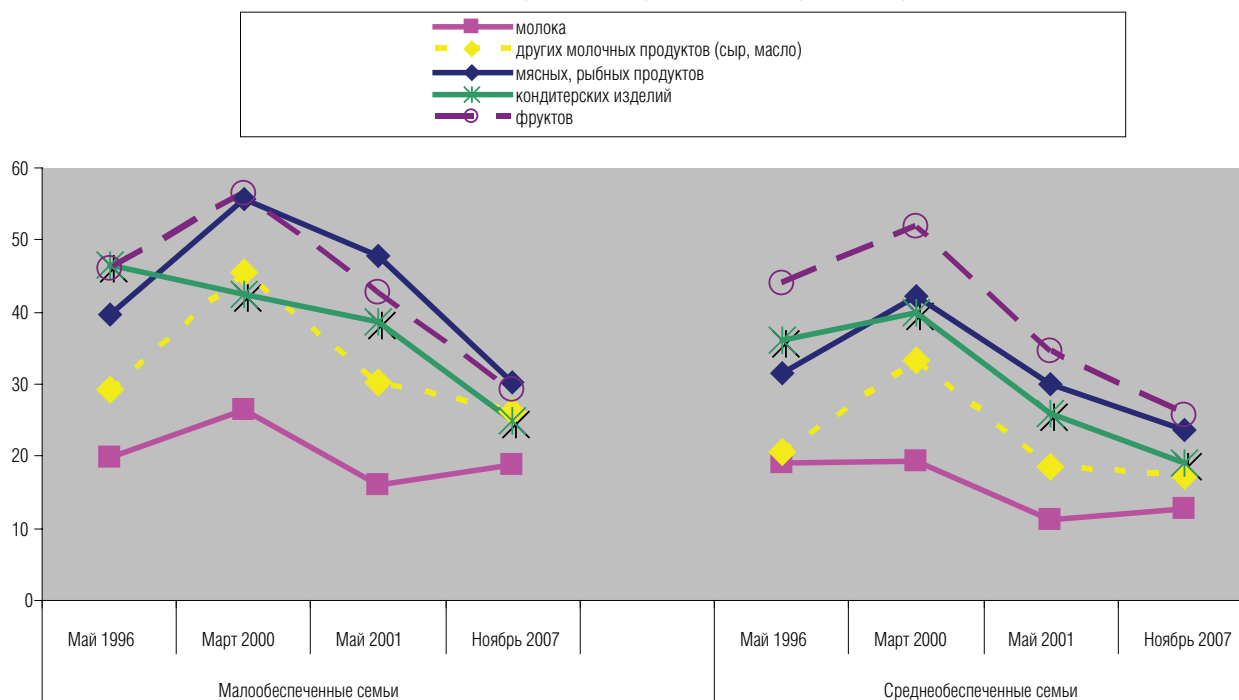
ИЗМЕНЕНИЯ ДОЛИ СЕМЕЙ, КОТОРЫЕ ВЫНУЖДЕНЫ ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ДЕНЕГ ОТКАЗЫВАТЬСЯ/ОГРАНИЧИВАТЬ СЕБЯ В ПОТРЕБЛЕНИИ СЛЕДУЮЩИХ ВИДОВ ПРОДУКТОВ (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Малообеспеченные семьи				Среднеобеспеченные семьи			
	Май 1996	Март 2000	Май 2001	Ноябрь 2007	Май 1996	Март 2000	Май 2001	Ноябрь 2007
Мясные, рыбные продукты	40	56	48	30	32	42	30	24
Молоко	20	27	16	19	19	19	11	13
Другие молочные продукты (сыр, масло)	29	46	30	26	21	33	19	17
Кондитерские изделия	47	42	39	25	36	40	26	19
Фрукты	46	56	43	29	44	52	35	26

Рисунок 4

МАСШТАБЫ ЭКОНОМИИ СЕМЕЙ НА ПРОДУКТАХ ПИТАНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ В 1996–2007 гг.

Доля семей, которые из-за отсутствия денег постоянно ограничивали себя в потреблении... (в % от числа опрошенных)

печенные семьи чувствовали себя не на много лучше (см. рис. 4). Если в 1996 г. 29% малообеспеченных семей сообщали, что вынуждены постоянно отказываться от покупок молочных продуктов, то в 2000 г. таких семей среди малообеспеченных было 46%, аналогичная динамика «недопотребления» в малообеспеченных семьях наблюдалась и по другим продуктам питания (мясо, рыба, фрукты).

Причины драматического снижения уровня жизни большинства российских семей в первые месяцы после кризиса 1998 г. связаны не только с называемым очень часто в различных СМИ опережающим ростом цен, но также с ростом задолженности и нерегулярности выплат зарплат, пенсий. Рост невыплат оказался очень обременительным потому, что у большинства населения практически не было серьезных сбережений на момент кризиса 1998 г. Но уже через год (в мае 1999 г.) доля семей, столкнувшихся с проблемой невыплат, стала в 2 раза меньше.

Острота невыплат и значительный рост цен первые месяцы после августовского дефолта были весьма ощутимы для многих семей еще и в связи с тем, что, по данным опросов, лишь четверть российских семей на момент кризиса имели какие-либо сбережения (в том числе накопления для приобретения в дальнейшем

каких-либо товаров), причем часть сбережений (очевидно, хранившихся в рублях) в результате кризиса обесценилась или была утрачена. В итоге, по данным опроса ноября 1998 г., 73% из тех, кто имел на момент кризиса сбережения, считали, что их сбережения пострадали в той или иной мере в результате кризиса (т.е. примерно 18% россиян).

И если половина имеющих сбережения ничего не предпринимала для того, чтобы обезопасить их, то 37% имевших на момент кризиса сбережения поспешили потратить эти средства (как на ранее запланированные покупки, так и на покупку товаров «про запас»). У большинства же других семей свободных средств на момент дефолта практически не было: если и были деньги «на черный день», то никак не на «черные месяцы», и такая ситуация была типична не только среди малообеспеченных, но и среди среднеобеспеченных семей.

Целый ряд семей столкнулись и с другими сопутствующими кризису неблагоприятными событиями, отразившимися на их материальном положении. Так, в ноябре 1998 г. (спустя 3 месяца после дефолта) в ходе общероссийского опроса, в 2% семей кому-то из их членов пришлось перейти на худшую работу, 13% семей сообщили, что кто-то из родственников

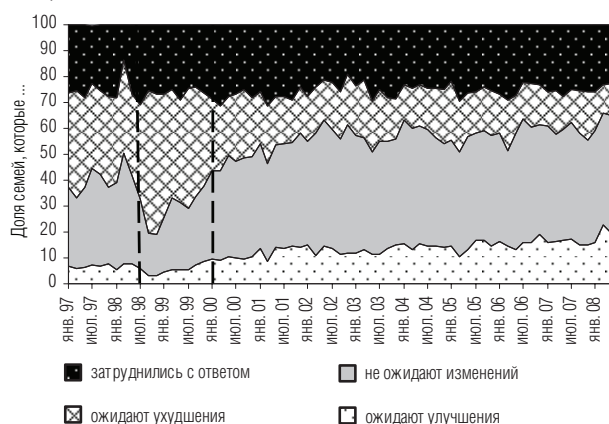
был временно отстранен от работы, отправлен в неоплачиваемый отпуск, потерял работу. (Среди тех, кто потерял работу, каждый третий нашел возможность подработать, имел случайные заработки, около половины смогли найти финансовую поддержку в семье, среди родственников. Но была ли она достаточна?)

16% опрошенных сообщали, что оказались в экстремально плохой ситуации (разорились, не смогли отдать долги и т.п.).

1,6% опрошенных потеряли собственный бизнес.

Рисунок 5

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ИЗМЕНИТСЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ В БЛИЖАЙШИЕ 12 МЕСЯЦЕВ?» (в % от числа опрошенных)

Одновременно (и неудивительно) сразу после августовского дефолта по общероссийским опросам был зафиксирован и экстремальный уровень пессимизма россиян в оценках своего будущего, в частности, материального положения семей (см. рис. 5). По данным опроса, проведенного в ноябре 1998 г., 55% опрошенных ожидали дальнейшего ухудшения материального положения их семей, 17% считали, что их нынешнее положение не изменится. На вопрос о том, через какое время большинство жителей России приспособится к произошедшим переменам, 44% опрошенных ответили, что для большинства жителей последствия кризиса невозможны и в сложившихся условиях источника улучшения нет (большинство «никогда не сможет приспособиться»).

Более того, 58% опрошенных считали, что последствия кризиса будут не только пролонгированы, но и усилятся со временем, что «самые тяжелые времена еще впереди». 82% ожидали, что в стране в ближайшее время вырастет безработица, предвидели серьезные потрясения

и уже не надеялись на поддержку со стороны государства.

Население одобрило бы идею активного участия государства в преодолении кризиса, например, в качестве одного из средств преодоления кризиса было бы одобрено введение государственного контроля над ценами (в сентябре 1998 г. 81% опрошенных считали, что «государственное регулирование цен было бы полезно»). Интересен тот факт, что идею введения карточной системы на продукты питания для преодоления последствий кризиса поддержали бы 14% опрошенных, возвращаться в эпоху равенства при пустых прилавках хотели немногие.

Еще одно важное наблюдение состоит в том, что в массовом сознании кризис 1998 г. — это не только шоковое событие, в результате которого возросли напряжение во всех слоях и тревожность/недоверие к властям, но и событие, усилившее и так высокую дифференциацию в российском обществе. В сентябре 1998 г. в ходе общероссийского опроса были получены следующие результаты: 75% респондентов выразили мнение, что в результате кризиса распределение доходов в обществе не станет более справедливым, 72% считали, что государство не возьмет на себя больше обязательств, не будет уделять больше внимания малообеспеченным слоям населения.

Даже спустя некоторое время, когда возможны были переоценки, респонденты оказались постоянны в своих мнениях о распределении среди различных слоев населения «бремени» кризиса 1998 г. По результатам опроса, проведенного через год после августовского кризиса 1998 г., 46% опрошенных считали, что наиболее пострадавшими в результате кризиса 1998 г. были беднейшие слои населения (наиболее распространенная точка зрения), лишь 19% респондентов — что «пострадали все слои населения в равной степени». Интересно, что, по мнению почти 16%, пострадали бедные и средние слои населения, но от кризиса в результате не пострадали богатые.

Причем значительная доля (в 1999 г. таких было 40%, а в 2003 г. — 32%) признавали, что статус кво (в обществе), который был до кризиса 1998 г., вряд ли можно будет восстановить даже спустя годы и страна «еще долгие годы не сможет выйти из кризиса 1998 года».

Послекризисная стабилизация и «плоды» экономического роста в личных оценках и в ожиданиях. Уверенность в завтрашнем дне у россиян восстанавливалась достаточно медленно.

Тот уровень (баланс) уверенности, который был до 1998 г., удалось восстановить лишь спустя 1,5-2 года, примерно к 2000 г. (см. рис. 5). По опросам населения, с 2000 г. была зафиксирована некоторая стабилизация ситуации (население ощутило некоторую почву под ногами, частично адаптировало свою жизнь к произошедшим ранее изменениям) и в дальнейшем отмечалось улучшение ситуации в стране (см. рис. 1, 2).

Начиная с 2000 г. экономическая ситуация в стране стала улучшаться (рост отмечался по основным макроэкономическим индикаторам). С 2000 г. ежегодно фиксировался рост реальных зарплат и социальных выплат, проблема невыплат в экономике была практически решена к 2001 г., а также с 2000 г. наблюдался рост товарооборота, рост расходов на конечное потребление домохозяйств. И результаты улучшения в экономике стали доступны постепенно все большим группам населения. Одновременно и сами люди (по результатам общероссийских опросов) отмечали улучшения в качестве жизни и расширение своих потребительских возмож-

ностей. При этом можно отметить, что докризисный уровень реального потребления был достигнут примерно в 2003 г. Интересна динамика распределения ответов на вопрос о потребительских возможностях семей в 2001–2007 гг.

За рассматриваемый период наблюдается устойчивая положительная динамика в оценках материального положения (см. табл. 3). Значительно сократилась доля семей, сообщавших, что живут на грани выживания (с 22% семей в 2001 г. до 12% семей в первой половине 2008 г.).

Позитивным является и тот факт, что постепенно улучшалось качество питания семей (см. табл. 3), и доля расходов на питание в бюджете средней российской семьи снижалась за этот период, т.е. больше ресурсов стало тратиться на другие приобретения (см. табл. 5), но здесь следует отметить, что за этот период отмечался и относительный рост расходов на другие обязательные платежи, в том числе на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Структура обеспеченности семей товарами длительного пользования улучшается с 2000 г.,

Таблица 4

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЕМЕЙ (указана доля семей, отнесших себя к определенной категории; в % от числа опрошенных; сумма по столбцу – 100%.)*

Вариант ответа	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008**
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	22	19	15	18	15	12	14	12
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	44	42	45	41	37	35	33	29
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой	27	32	31	31	37	39	37	42
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	7	7	9	10	10	13	15	16
Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – машину, квартиру, дачу и многое другое	0	0	1	0	1	1	1	1

* Данные общероссийских опросов Левада-Центра, репрезентирующих взрослое население России, в каждом замечено опрошено 2000 респондентов, статистическая погрешность не более 3,2%.

** Данные июня 2008 г.

Таблица 5

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКАЯ ПРИМЕРНО ЧАСТЬ ДОХОДОВ ВАШЕЙ СЕМЬИ УХОДИТ СЕЙЧАС НА ПИТАНИЕ?» (указана доля по столбцу семей, чьи расходы на питания составляют...; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1999	2001	2004	2006	2007	2008
Менее половины доходов семьи	5	4	11	17	19	18
Примерно половину доходов	15	14	32	35	38	39
Примерно две трети доходов	21	38	28	27	25	23
Почти все доходы семьи	55	42	27	17	14	14
Затруднились ответить	4	2	3	4	4	6

следует отметить, что и в малообеспеченных семьях. Но структура спроса в высокообеспеченных семьях и малообеспеченных семьях остается различной, и эти различия можно охарактеризовать следующим образом: при покупке ТДП малообеспеченные стараются приобрести «традиционные» товары, стараясь сэкономить деньги, а высокообеспеченные семьи стараются покупать (обновлять) те товары (в основном новационные), благодаря которым они могли бы увеличить свое свободное время (моющие машины, моющие пылесосы, домашние кинотеатры, аксессуары для спутникового телевидения и пр.)¹.

Начиная с 2000 г. с ростом реальных возможностей семей росли и позитивные ожидания по поводу их материального положения и относительно ситуации в стране в целом, позитивнее стали оцениваться возможности получения заработка, снижалась обеспокоенность проблемой безработицы/потери работы. *Но по целому ряду индикаторов, характеризующих настроения, ожидания населения, рост несколько замедляется* (см. график динамики Индекса Социальных Настроений²).

Таким образом, в связи с ростом реальных доходов в основных социальных слоях за последние несколько лет отмечается некоторое смягчение отрицательных ощущений/эмоций после кризиса 1998 г.

Отношение населения к банковской системе.

Как повлиял, если повлиял, кризис 1998 г. на отношение, и менялось ли впоследствии отношение к банковской системе? Настороженное отношение населения к банковской системе отмечалось еще до кризиса 1998 г., что неудивительно при нестабильной экономической системе, высоких темпах инфляции в 90-х и ряде сбоев в финансовой системе (например, в 1994, 1995 гг.). В первые месяцы после дефолта 1998 г. недоверие к банкам, в том числе к Сбербанку, лишь укрепилось (хотя, казалось бы, фактическая доля семей, имевших вклады в коммерческих банках была невелика, а доля *пострадавших вкладчиков* была еще меньше). В сентябре 1998 г. меньшая доля респондентов предпочли бы хранить сбережения (если бы имели) в Сбербанке, чем в конце 1997 г. (см. табл. 6). А хранить сбережения в коммерческом банке

предпочли бы менее 2% респондентов, по данным опроса 1999 г. (в докризисном 1997 г. предпочтение коммерческим банкам отдавали 5% респондентов).

Стабилизация ситуации в финансовом секторе, снижение темпов инфляции постепенно повышало предпочтительность хранения сбережений в банковских институтах (см. табл. 6). Так, хранение сбережений в Сбербанке называли предпочтительными среди других форм хранения в ноябре 2001 г. 41% респондентов, в сентябре 2004 г. — 45%, в сентябре 2007 г. — 50%.

Несколько выросла и доля респондентов, считающих предпочтительным хранение сбережений в коммерческих банках (в сентябре 2007 г. 6% высказали такие предпочтения). Это весьма позитивная тенденция, но вместе с тем, среди большинства населения предубеждения относительно хранения сбережений в коммерческих банках сохраняются. В общероссийском опросе 2006 г. 56% респондентов считали, что коммерческим банкам доверять не следует, еще 25% затруднились с ответом.

По результатам опроса 2006 г., ключевым критерием при выборе банка россияне считают участие государства в деятельности банка (например, если государство является одним из собственников банка). Хотя реальное исполнение государством обязательств по системе страхования вкладов в случае банкротства какого-либо российского банка считают невероятным 36% респондентов, а еще 31% — маловероятным.

Для таких установок есть и объективные причины. Действительно, пока банковская система олигополистична и лидирующие позиции занимают банки, где основной акционер — государство. Другие банки достаточно сильно дистанцированы от лидеров (по всем основным показателям — активам, капитализации и пр.) и восстановить докризисные позиции коммерческому сектору оказалось очень сложно.

Но интересно, что после кризиса 1998 г. по-явились новые формы сотрудничества населения и банков, помимо работы по вкладам. Население стало осваивать новые финансовые инструменты (в частности, потребительские кредиты, кредитные карточки), которые, как оказалось по данным массовых опросов, уже сейчас значительно влияют на характер потребления. Интересно, что шло постепенное расширение сферы потребительского кредитования. На первых этапах развития потребительского кредитования банки сталкивались с настороженностью, предвзятостью, страхами

¹ См.: Бондаренко Н. Бедные экономят деньги, богатые экономят свободное время: История имущественного накопления российских семей за последние 10 лет// Вестник общественного мнения. 2005. № 4.

² <http://www.levada.ru/indexisn.html>.

Таблица 6

ДИНАМИКА ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ (ИЛИ БЫЛИ БЫ) СБЕРЕЖЕНИЯ, НАКОПЛЕНИЯ, КАК ВЫ ПРЕДПОЧЛИ БЫ ХРАНИТЬ ИХ В НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ?» (в % от числа опрошенных в соответствующем замере)

Предпочли бы хранить сбережения в...	Ноябрь 1997	Сентябрь 1999	Ноябрь 2001	Сентябрь 2004	Сентябрь 2007
Сбербанке	31	25	41	45	50
коммерческом банке	5	1	4	4	6
облигациях госзаймов, других ценных государственных бумагах	3	1	1	2	2
акциях и других ценных бумагах акционерных обществ, инвестиционных фондов, банков	6	4	4	4	5
наличных деньгах	15	16	29	25	29
«твердой» валюте	45	53	40	32	16
драгоценностях, антиквариате, картинах	15	13	7	6	6
накопительных страховых полисах	–	–	1	1	1
Другое	5	2	1	3	2
Затрудняюсь ответить	17	17	18	19	20

потребителей, отсутствием выработанных процедур заимствования. В этой ситуации только личный положительный опыт или опыт близких людей помог изменить отношение к потребительскому кредитованию, и чаще откликнулись на предложение люди с достатком, да и банки первоначально ориентировали свои кредитные программы на эти категории. Например, по данным общероссийского опроса 2003 г., 23% семей с высокими доходами (9–10 доходный децили) сообщали, что в последние два года брали кредит(ы), в среднедоходных семьях – таких оказалось 14%.

Но в дальнейшем (вплоть до 2007 г.) банки стали развивать программы, ориентированные на «массового потребителя». Если в 2003 г. 16% респондентов сообщали, что брали кредит, то в 2007 – 38% пользовались кредитом в последние два года. В качестве положительного сигнала можно отметить, что банки совместно с торговыми организациями активно боролись за любого потребителя и развивали программы, позволяющие привлекать покупателей с разным доходным статусом. Приобретали товары в кредит примерно 36% семей с самыми низкими доходами и 30% с самыми высокими доходами. Безусловно, структура этих покупок по товарным группам различается среди семей с разным денежным достатком, более обеспеченные семьи чаще приобретали в кредит автомобиль, недвижимость (по данным 2007 г.).

Серьезным фактором, дифференцирующим отношение к кредитам, оказался не личный достаток, а возраст потребителя. Наиболее восприимчивы к программам кредитования оказываются потребители более молодого возраста (до 30 лет). Среди молодых формируются опре-

деленные модели потребительского поведения, связанные с высокой восприимчивостью к новому (инновационность), с прагматическим подходом к потребительскому выбору. Они относятся к возможности приобретать в кредит как к норме, к обыденному факту, более того, потребительское заимствование становится для них неотъемлемой частью их жизни. Согласно опросу сентября 2007 г., делали какую-либо покупку в кредит около половины респондентов моложе 30 лет и только 21% – старше 50. Одновременно не планировали покупки в кредит 51% респондентов моложе 30 лет и 81% – старше 50.

Очевидно, что у представителей старшего поколения (старше 50 лет) сформировалось противоположное, в ряде случаев даже негативное отношение к покупкам в кредит. Следует отметить, что в принципе люди старших возрастов достаточно консервативны и настороженно относятся к новым практикам. Факт взятия кредита может расцениваться ими как вынужденная мера. Другая причина настороженного отношения людей старшего возраста к потребительским кредитам может быть связана с негативным финансовым опытом (множество денежных реформ, неоднократное неисполнение финансовых обязательств государством, финансовыми организациями) и, соответственно, с «хорошо усвоенным опытом» недоверия никому.

В целом ситуация в секторе потребительского кредитования за последние год-два меняется. В 2007–2008 гг. население уже не так оптимистично оценивает условия кредитования, по сравнению с пиковыми 2005–2006 гг. (постепенно растет доля респондентов, считающих,

что делать крупные покупки в кредит в последнее время нецелесообразно; в сентябре 2005 г. такое мнение высказали 31% опрошенных, в сентябре 2007 г. — уже 42% и в июне 2008 г. — 40%). Возможно, причина таких изменений — адаптация ожиданий населения к полученному опыту заимствования.

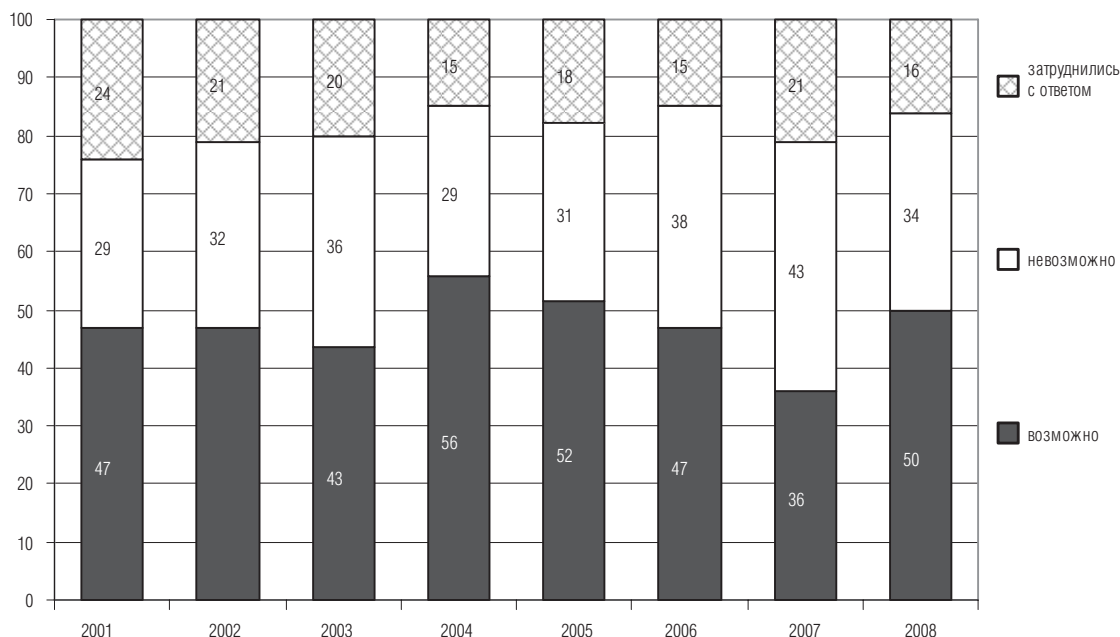
Как показывают результаты опросов, опыт личного участия в кредитных программах является одним из факторов принятия семьей решения о новой покупке в долг/о новом потребительском кредите. Среди тех, кто уже брал потребительский кредит за последние два года, только 30% определенно не собираются брать новые кредиты. Но, с другой стороны, около 40% семей, бравших потребительский кредит, не смогли определиться, будут ли покупать/оплачивать в кредит. Подобную реакцию у достаточно большой группы семей сложно однозначно трактовать. Во-первых, подобное поведение может быть связано с тем, что семьям до сих пор приходится оплачивать прошлый кредит и ресурсы для нового кредита достаточно ограничены: около половины семей бравших кредит/приобретавших в кредит имеют непоплаченные долги, для сравнения — в среднем по всему населению только 10% семей имеют непоплаченные долги. Другая причина неуверен-

ности может быть связана с не очень удачным опытом заимствования, опытом, который не соответствовал ожиданиям заемщиков.

Ожидания на будущее. Подводя итог, хотелось бы отметить, что хотя происходит некоторое смягчение отрицательного опыта, полученного в результате такого шока, как дефолт 1998 г., но в массовом сознании следы этих шоков сохраняются. Так, по данным общероссийских опросов, за последние несколько лет большинство населения (45–55% в зависимости от года наблюдения) считают вполне вероятным повторение кризиса, подобного кризису 1998 г. (см. рис. 6). Исключение составляет лишь опрос 2007 г., но даже в «оптимистическом» 2007 г. «ставки на кризис» распределились примерно поровну: 36% считали вероятным повторение кризиса, а 43% — скорее невероятным.

Такие шоки, которые получило население в августе 1998 г., в дальнейшем усваиваются в общих ощущениях сохранения рисков, в *тревожности массового сознания*, что, в частности, может влиять на коридор планирования. Собственно, и сейчас, и несколько лет назад российские семьи строят прогнозы относительно того, что может ожидать их максимум на ближайший год-два. Более того, «традиционно»

Рисунок 6
ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ВОЗМОЖНО ЛИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ПОВТОРЕНИЕ КРИЗИСА, ПОДОБНОГО КРИЗИСУ АВГУСТА 1998 ГОДА?» (по вертикальной оси указана доля выбравших указанные варианты ответов; в % от числа опрошенных)

На рисунке приведены данные общероссийских опросов Левада-Центра, репрезентирующих взрослое население России, в каждом замере опрошено 1600 респондентов, статистическая погрешность не более 3,4%.

более высокая *тревожность*, по сравнению большинством, отмечается в определенных социально-демографических группах всегда (пенсионеры, жители малых городов и сел), что связано с большей социально-экономической уязвимостью этих групп.

Нынешние показатели характеризуют, что в целом в массовом сознании сохраняется высокая тревожность и недостаточная степень доверия. Но если сравнивать, как люди оценивали в 2008 г. или несколько лет назад вероятность повторения кризиса, то, например, мы отмечаем примерно одинаковое распределение оценок населением вероятности кризиса и в 2008, и в 2006 гг., а 2006 г. можно назвать относительно стабильным. На примере данных 2006 г. можно сказать, что хотя ощущения тревожности были сильные, но на реальном поведении (в частности, на потребительском поведении) семей это сказывалось опосредованно, так как именно в этот год респонденты отмечали улучшение материального положения своих семей (на фоне роста реальных доходов), рост своих потреби-

тельских возможностей и растущие ожидания относительно своего материального положения и потребительских планов на ближайшие месяцы. Таким образом, в сознании остается тревога, но происходит проработка прошлого опыта и совмещение его уже с недавними событиями, соответственно, коррекция ожиданий людей, их планов.

В нынешнем августе для большинства россиян тревожным является в большей степени не факт внезапного кризиса, а постоянно и постепенно усиливающийся рост цен на основные потребительские товары (особенно за последний год). Именно растущие инфляционные ожидания формируют текущее и будущее поведение (в первую очередь, потребительское).

Основной усвоенный опыт после кризиса 1998 г. связан с тем, что в своей реальной практике люди стали более осторожны и рациональны в своих ожиданиях и планах, полагая, что живут в обществе риска. Люди постепенно адаптируют свое поведение и ожидания к новым практикам и институтам.

ПОЧЕМУ ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ЖИЗНЬ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ В 70-е-80-е ГОДЫ В ЦЕЛОМ БЫЛА ЛУЧШЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, А НЕ НА ЗАПАДЕ? (в % от тех, кто считает, что «жизнь простых людей» была лучше в СССР, ответы ранжированы по первому замеру)

Вариант ответа	2002	2008
Не было безработицы	69	60
Бесплатная медицина и образование	65	70
У каждого были гарантии на будущее	36	43
Было больше уважения к старости	35	42
Мы были сильной, могущественной страной, с нами считались все страны мира	32	38
Было больше порядка	31	39
Было больше заботы о малоимущих	30	29
Была народная власть, справедливое общественное устройство	28	27
Была плановая социалистическая экономика	26	29
Все были равны	23	36
Отношение между людьми были теплее и человечнее	20	40
Каждый получал реальное вознаграждение за свой труд	15	19
Был реальный прогресс в производстве и общественной жизни	10	14
Мы были изолированы от Запада	2	9
Затрудняюсь ответить	2	2

N=1600

Виктория МЕРЗЛЯКОВА

Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг

Поиск альтернативной поведенческой стратегии. Идея успешности — одна из ключевых в современных развитых обществах. Стремление к успеху, достижению определенных целей и благ лежит в основе культуры потребления¹. Западная массовая культура, связанная с рыночным укладом экономики, провозглашением личных и гражданских свобод, а также стремлением к «достижительству» и потреблению, сформировала собственный образ успешного человека. Концепт «успех» стал одним из базовых, отражая главные ценности данного типа культуры — социальный статус, обладание материальными благами, доступ к информации и т.п.

Активное развитие на Западе получила система крупных корпораций, формирующая собственные кодексы предписываемого поведения и ритма жизни. В 1990-х гг. формируются основные черты корпоративной этики и культуры. Требуя от сотрудника максимальной включенности в работу, отождествления собственных стремлений с интересами компании, жизни в жестком ритме постоянной конкуренции, работа в корпорации претендует на главенствующую роль в иерархии ценностей своего сотрудника. При явных важных преимуществах: высокой стабильной зарплате, карьерном росте (а вместе с ним росте не только в доходах, но и в статусе), социальном пакете и прочих атрибутах стабильной жизни — корпоративная модель успешности имеет ряд сильных побочных эффектов. Главный из них — нехватка времени на общение с близкими, на реализацию собственного творческого потенциала в сферах, отличных от профессиональной. Если по каким-либо обстоятельствам работа становится монотонной, слишком перегруженной ответственностью и стрессами, преимущества высокого дохода уже не кажутся столь весомыми, в сравнении с ощущением загнанности, потери

важных компонентов собственной идентичности. Такое ощущение накапливается постепенно и может привести к глубокому личностному кризису. Он может совпасть с кризисом среднего возраста (или другим возрастным кризисом), что лишь усугубляет его остроту. Модель успешности, которая представлялась «правильной» и единственно возможной, больше не приносит удовлетворения индивиду. А значит, не достигается априорно желаемое «счастье» — культурный концепт, в данном случае тесно связанный с понятием «успех». Отсюда возникает потребность в поиске альтернативных стратегий поведения и ценностных приоритетов, способных предоставить индивиду самоощущение успешного и вместе с тем счастливого человека (значимость «успеха» при этом остается непоколебимой, под сомнение ставится не его целесообразность, а смысловое наполнение).

Понятие дауншифтинга. Так зарождается феномен дауншифтинга. Он назван по аналогии с автомобильной терминологией (сбавить скорость, притормозить, перейти на пониженную передачу) и понимается как противоположность стремлению забираться все выше и выше по карьерной лестнице. В обозначении «дауншифтинг» заложено противоречие. С одной стороны, речь идет о понижении уровня: метафорическая семантика отнесения к низу характеризует это явление как негативное, «ниже» означает хуже, так как ориентация вниз соответствует негативной языковой коннотации². С другой стороны, дауншифтинг воспринимается как сбрасывание скорости, т.е. избирание более осторожного, осознанного и вдумчивого движения. Тем самым понижению присваивается также и позитивная характеристика. Противоречие в означивании феномена проявляет противоречия в его оценке и интерпретации обществом, его различными группами.

¹ Подробнее о ценностях, базовых установках и механизмах культуры потребления см.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006.

² Подробнее о принципах коннотативной привязанности метафор к пространственным характеристикам см.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Дауншифтерами стали называть себя люди, отказывающиеся от успешной, но полной стрессов работы в пользу более спокойной, позволяющей реализовать собственные мечты. При этом они осознанно шли на возможное понижение статуса и дохода, определяя для себя другие жизненные приоритеты. Явление стало быстро распространяться в разных странах и среди разных социальных слоев. Интерес к дауншифтингу быстро и неуклонно растет как среди сторонников этого движения, так и в средствах массовой коммуникации, у маркетологов, ищущих новые рынки сбыта продукции, специалистов в области подбора персонала, сталкивающихся с необычным поведением сотрудников, добившихся определенных успехов в карьерном росте. Если в начале 2000-х гг. первые статьи и дискуссии о дауншифтинге стали появляться в основном в специализированных деловых изданиях, на сегодняшний день тема перешла из разряда специальных на уровень популярных. О дауншифтинге пишет развлекательная глянцева пресса, образ дауншифтера становится популярным в художественных произведениях³. Тема становится актуальной и для России. Незавершенность определений и базовых характеристик говорит о существовании не только языковых, но и общекультурных проблем, связанных с определением места и роли дауншифтинга в современном обществе и культуре.

Изучение дауншифтинга может вестись в рамках разных научных дисциплин. Сегодня уже правомерно говорить об особом сообществе дауншифтеров, члены которого разделяют общие ценности и формируют базовые принципы поведения. В связи с этим можно говорить о социологическом аспекте проблемы: как строится и воспроизводится данное сообщество, какими представляются его перспективы самим дауншифтерам и другим группам, насколько сильно влияние данного сообщества в социуме и каковы каналы такого влияния. Экономический аспект требует выявления маркетинговых стратегий, связанных с обслуживанием и формированием запросов дауншифтеров, развитием «funky»-бизнеса (компаний, ставящих приоритетом нестандартные стратегии и внимание к индивидуальному выбору участников эконо-

³ Примерами в художественной литературе, в том или ином аспекте затрагивающей проблемы, образы, стратегии дауншифтинга, могут служить следующие романы: *Гилберт Э.* Есть. Молиться. Любить. М.: РИПОЛ классик, 2008.; *Нарышкин М.* Дауншифтер. М.: Эксмо, 2007; *Сухочев А.* Гоа-синдром. М.: Ад маргинем, 2007; *Харрис Д.* Ежевичное вино. М.: Эксмо, 2008.

мического процесса), изменением структуры рынка трудовых ресурсов. В рамках психологии стоило бы изучить, как стремление к дауншифтингу может быть связано с возрастными кризисами (например, кризисом среднего возраста). Важной для понимания текстов, функционирующих в рамках складывающегося дискурса о дауншифтинге, является лингвистическая составляющая. Особый интерес, с точки зрения лингвокультурологии, представляет формирование определенных устойчивых метафор, отражающих представление носителей языка о ценности и значении дауншифтинга, успеха, свободы и т.д. В данной работе я сосредоточусь в первую очередь на социокультурных аспектах дауншифтинга.

При исследовании этого феномена важно не подводить под данную категорию все случаи радикального изменения поведенческих стратегий и жизненных ориентиров, приводящие к снижению заработка или понижению статуса, вне зависимости от времени, места, эпохи жизни предполагаемого дауншифтера. Однако ошибкой было бы вовсе не учитывать такого рода «жизненные истории», относящиеся, например, к иным эпохам и характеризующие, конечно, другие феномены, поскольку они все-таки могут оказывать влияние на формирование образа дауншифтера, его самосознание, на внешнюю оценку и интерпретацию явления. В дальнейшем речь пойдет только о круге практик и явлений, непосредственно связанных с данным понятием и временем его возникновения, — о периоде с конца 1990-х гг. до нынешнего дня. По данным Нью-Йоркского института исследований трендов (The Trends Research Institute in New York), возникновение понятия «дауншифтинг» относится именно к 1990-м гг.⁴, эта версия наиболее распространена и воспроизводима в различных словарях.

Дауншифтинг в западной культуре. Наибольшее распространение дауншифтинг получил в Англии, Франции, Северной Америке и Австралии.

Согласно данным Британского бюро маркетинговых исследований за 2003 г., 25% населения Великобритании в возрасте от 30–59 лет считают себя дауншифтерами. Ключевой вопрос анкеты был следующим: совершали ли респонденты за последние десять лет такие добровольные изменения в собственном жизненном

⁴ <http://www.trendsresearch.com/forecast.html> Официальный сайт The Trends Research Institute in New York.

укладе, которые привели к долговременным последствиям, включая снижение зарплаток, но увеличение свободного времени для отдыха⁵. Подобная цифра не означает, что четверть жителей Великобритании — дауншифтеры, однако достаточно активное стремление респондентов подчеркнуть свою потребность в переменах стиля жизни, даже если они повлекут за собой снижение социального статуса, говорит об актуальности проблемы для населения.

С 2002 по 2005 г. Австралийским институтом⁶ был проведен ряд исследований, касающихся изменений в структуре занятости и ценностных установках австралийцев. По данным 2003 г., 23% австралийцев в возрасте от 30 до 59 лет сознательно решились на снижение своего заработка и пришли к идее о необходимости дауншифтинга в своей жизни⁷. Авторы исследования подчеркивают: мысль о снижении темпа занятости зачастую продиктована осознанием того, что индивид не в состоянии обеспечить все свои потребности, сколько бы он ни зарабатывал. Причиной изменения приоритетов может служить и смена ценностных установок, вызванная разочарованием в идеалах, продиктованных культурой потребления. По данным 2005 г., более 62% населения Австралии уверены в том, что как бы усердно они ни работали, заработать достаточное количество средств на удовлетворение всех нужд им не удастся. Цифры, как видим, достаточно велики, но они говорят не столько о дауншифтинге, сколько о более широком круге явлений, связанных с развитием современных обществ и потребительской культуры, их дифференциацией и усложнением.

Исследователи указывают, что за два года (2003–2005) интерес к дауншифтингу в Австралии заметно вырос, причем как со стороны людей, стремящихся изменить свою жизнь, так и стороны медиа, стремящихся зафиксировать явление и называющих его трендом года⁸. Спрос порождает предложение, поэтому уже в 2004 г. в стране стали появляться фирмы, которые за большие деньги (по словам авторов, более 5000 долл.) готовы помочь в организации плана дауншифтинга.

⁵ British Market Research Bureau (BMRB International), 2003. Исследование проводилось методом телефонного опроса по случайной выборке, в которую вошли более 1100 респондентов.

⁶ http://www.tai.org.au/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1 Официальный сайт Австралийского института.

⁷ Hamilton C., Mail E. Downshifting in Australia. A Sea-change in a Pursuit of Happiness. The Australia Institute, Discussion Paper. 2003. № 50.

⁸ Breakspear Ch., Hamilton C. Getting Life/The Australia University Reports. March 2004. № 38. P. 1–3

Хотя идея дауншифтинга предполагает поиск собственного жизненного пути и индивидуализацию выбора, люди, называющие себя дауншифтерами, часто не стремятся к обособленности и выключению из общественных полей дискуссий. Им необходимо консолидироваться вокруг общей идеи, авторитетной личности, чьему манифесту они готовы следовать и ценности которого разделять. Поэтому складываются целые сообщества дауншифтеров, создаются Интернет-порталы и форумы, где люди могут обмениваться опытом, вдохновляться на изменения собственной жизни или подбадривать тех, кто только задумался о целесообразности внесения перемен в собственный уклад. Обычно в подобном сообществе есть лидер группы, чей путь считается некоторым образцом, рекомендации — руководством к действию, а Интернет-страничка — центром обмена мнениями.

Так, в Великобритании одно из крупнейших по численности Интернет-сообществ (посещаемость страниц сайта составляет около 100 000 просмотров) возглавляет Ричард Кэннон (Richard Cannon). Бывший топ-менеджер компании British Rail, после ухода из компании он создал собственный сайт⁹, на страницах которого приведены тексты «за» и «против» идеи изменения жизни, рассказана история счастливых преобразований в жизни самого автора. Кэннон совершил свой дауншифтинг в 2000-м г. Его история такова: всю жизнь он очень много работал, зарабатывал хорошие деньги, был уважаемым человеком, порядочным семьянином, отцом троих детей. Правда, из-за очень напряженной работы у Кэннона совсем не было времени на общение с семьей. К 50-ти годам у него начались проблемы со здоровьем, а затем произошла автокатастрофа, в которой погибла одна из его дочерей. Тяжелейший жизненный кризис привел к пересмотру жизненных приоритетов, стало ясно, что работа больше не приносит удовлетворения, что самое дорогое — семья, а она остается без должного внимания и заботы. Тогда Кэннон начал планировать свой дауншифтинг. Он пишет, что планировал его заранее, будто побег. Первым делом в саду был разбит огород, потом были заведены цыплята. Кэннон взял отпуск, получил дополнительное пособие, но на работу больше не вышел. Сегодня он не работает пять дней в неделю, а живет временными заработками, написанием статей и не очень

⁹ <http://www.thedownshifter.co.uk>

ответственной и серьезной работой в крикет-клубе, фанатом которого давно являлся. У Кэннона больше нет тех заработков, которые были раньше. И хотя он и говорит о том, что «новая» жизнь оказалась тяжелее, чем можно было предположить, он абсолютно счастлив, так как может проводить большую часть времени с семьей, общаться с внуками и заниматься любимыми делами. Такая история может считаться одним из образцов сценария дауншифтинга.

Во Франции подобным лидером и авторитетом может считаться Трейси Смит (Tracey Smith). Ее история во многом похожа на историю Ричарда Кэннона. Оставив весьма успешную карьеру, не позволявшую проводить время с семьей, Трейси вместе с мужем и детьми переехала в небольшую деревушку на юго-западе Франции, где начала новую жизнь, которую сама характеризует, как «simple green living» (простая жизнь на природе). Со временем, когда семья Трейси поняла, что им удалось справиться с первоначальными трудностями не такой уж простой жизни в непривычных, не столь комфортных, как раньше, условиях и с меньшими деньгами, Трейси решила обобщить свой опыт и помочь тем, кто только решил начать новую жизнь. Она создала манифест дауншифтинга, разработала целую пошаговую систему, как обрести жизненное равновесие, написала книгу советов, создала несколько фильмов о стратегии «зеленого» дауншифтинга. В 2005 г. во Франции прошла первая национальная неделя дауншифтинга, учредителем которой выступила Трейси Смит. Сегодня недели дауншифтинга приобрели международный статус. Трейси Смит стала одним из признанных мировых авторитетов в области дауншифтинга. Знакомство с официальным сайтом международных недель дауншифтинга¹⁰ Трейси Смит дает богатый материал для интерпретаций и осмысления.

Остановлюсь подробнее на тест-опросе, приведенном на стартовой странице сайта, он может прояснить базовые представления о дауншифтинге, заложенные идеологами движения. Приведу предложенные позиции (требовалось выбрать один ответ):

1. Какова Ваша главная мотивация для совершения «небольшого дауншифтинга»?
А) Соображения, касающиеся собственного здоровья.
Б) Проводить больше времени с семьей и любимыми.
В) Я понял, что в жизни есть что-то

большее, чем погоня за деньгами.

- Г) Я хочу лучшую работу и большую сбалансированность жизни.
Д) Мне бы хотелось найти время для общественной жизни (**volunteer in my community**).
Е) Ничего из вышеперечисленного.
2. К чему вы больше всего стремитесь? Что Вам нравится больше всего в Вашем дауншифтинге?
А) Находить время, чтобы готовить, больше используя свежие ингредиенты.
Б) Выращивать что-то съедобное и питаться плодами собственного сада.
В) Просто наслаждаться жизнью, в которой меньше стрессов.
Г) Не реагировать на будильник.
Д) Иметь время для развития собственных творческих замыслов.
Е) Восстановить связи с людьми, с которыми не было возможности увидеться долгое время.
Ж) Ничего из вышеперечисленного.
3. Какие комментарии Вы получали от других по поводу своего дауншифтинга?
А) Ты сошел с ума.
Б) Они думали, что это причуда (прихоть).
В) Они не могли понять, почему я хочу уйти от модели 9–5 (*имеется в виду пятидневная рабочая неделя с восьмичасовым рабочим днем и часом на дорожку*).
Г) Это ненормальное поведение.
Д) Они хотели бы, чтобы у них у самих хватило смелости попробовать это.
Е) Ничего из вышеперечисленного.
4. К какой возрастной группе Вы принадлежите?
А) До 29 лет.
Б) 30–39 лет.
В) 40–49 лет.
Г) 50–59 лет.
Д) 60–69 лет.
Е) 70 или больше.
5. Откуда вы? («Where are you in the world?»)
А) Объединенное королевство (UK).
Б) Другая европейская страна.
В) Африка.
Г) Америки (в оригинале – множественное число).
Д) Азия. Тихоокеанский регион.
Е) Ближний Восток.
Ж) Южная Азия.

В опросе есть еще небольшое выделенное поле для свободных ответов. В нем предлагается добавить при желании еще какие-нибудь

¹⁰ <http://www.downshiftingweek.com>.

детали своего «путешествия к более простой и счастливой жизни!» (цитата).

Что дают предложенные вопросы для конструирования образа изучаемого сообщества? В первом вопросе, касающемся мотиваций, уже содержится оговорка, призванная ободрить и укрепить отвечающего на пути обретения новой идеологии. «What's your primary motivator for doing a little "downshifting"?» (выделено мной – *В.М.*), т.е. для того, чтобы почувствовать себя дауншифтером, необязательно бросать все и уезжать в глухую деревню. Достаточно ощутить потребность в изменениях и сделать хоть какие-то подвижки в этом направлении. Именно такой, еще не «закоренелый» дауншифтер, лишь слегка сбрасывающий скорость (частая метафорика обращенная к автомобильной тематике), может быть наиболее восприимчив к советам и обсуждениям, проводимым сообществом.

Обращает на себя внимание, что в «подсказках» к вопросам явно подчеркнуты негативные характеристики внешнего мира, в котором необходимо «гнаться» за деньгами, где люди не имеют возможности проводить время с семьей и любимыми, теряют контакты с друзьями, не могут развить свои творческие качества и не успевают насладиться жизнью. Причем такая ущербная позиция является нормой для «обычных людей» (недауншифтеров). Они с подчеркнутой агрессивностью («ты сумасшедший», «это лишь прихоть», «это ненормально») реагируют на попытки человека остановиться и попытаться выйти из порочного круга гонок за доходом, статусом и престижем. Таким образом, проводится разграничение между «обычными людьми» (негативные характеристики) и «новыми избранными» – теми, кто уже решился или хотя бы задумался о целесообразности дауншифтинга как единственно верного способа обретения гармонии и личного успеха. Этот механизм конструирования собственной позитивной идентичности и разграничения групп «свои» – «чужие», «мы» – «другие» характерен для организации субкультурных групп.

Второй существенный момент: в ответах о мотивациях, побудивших к дауншифтингу, есть пункт о стремлении выделить время на общественное служение. Этот пункт очень характерен для западной модели дауншифтинга, осваивающего принятые в обществе ценности. В книге Д. Дрейка «Дауншифтинг»¹¹ волонтерскому участию в различных общественных

и религиозных сообществах также уделяется немалое место. Эта ценность стоит в одном ряду с семьей и друзьями (т.е. полем приватности). Интересно проследить, как эти установки могут (и могут ли?) прижиться в России, где принадлежность к общественным объединениям для большинства населения не характерна и многократно уступает значимости семьи, круга близких.

Третья характерная особенность данного опроса – ориентированность на формирование экологического сознания. Экологическая составляющая является важной для западного понимания дауншифтинга как стремления к «простой жизни» (идеал *simple life*). Это явление напоминает поиски новой естественности в эпоху Просвещения, однако специфика современности задает иное понимание того, что считается «естественным» и желанным. Прежде всего, это стремление к снижению стрессов (неизменная составляющая конструкции «жизнь – это гонки»), обретению независимого графика (не реагировать на будильник), потреблению экологически чистых продуктов. Экологическое мировосприятие активно развивается в западной культуре последних десятилетий, постепенно выходя на лидирующие позиции.

Финальный вопрос о месте жительства – «Where are you in the world?» – сформулирован так, чтобы при прочтении отвечающий задумался, какое место ему принадлежит, какая роль отводится и т.д. Таким образом, здесь делается попытка вызвать человека на откровенный разговор, настроить на философский лад. В целом вопросы теста призваны помочь устройителям недель дауншифтинга узнать больше об участниках процесса, понять их мотивации и стремления. Но поскольку вопросы теста имеют уже готовые варианты ответов, инициаторам опроса важно, видимо, не столько получение новой информации о жизненных обстоятельствах, побудивших человека к дауншифтингу и поиску единомышленников (о потребности обретения группы со схожими интересами говорит сам факт поиска по теме в Интернете), сколько подтверждение уже имеющихся установок и оценок, позволяющих сконструировать свой образ дауншифтера, дауншифтинга и общества. Подобные модели призваны стать отправной точкой в представлениях человека, желающего приобщиться к данной культурной группе. Вариант ответа «Ничего из вышеперечисленного» оставляет некоторое поле для маневров и альтернативных сценариев, но подразумевает определенную маргинальность.

¹¹ Дрейк Дж. Дауншифтинг. М.: Добрая книга, 2007.

Культурная легитимация дауншифтинга. Говоря о явлении дауншифтинга, нельзя не упомянуть двух людей, оказавших значительное воздействие на осмысления этого феномена. Это американцы Джон Дрейк и Дэниэл Пинк. Первый — автор книги «Дауншифтинг»¹², это подробное руководство к действию, изобилующее примерами и ориентированное на широкую аудиторию потенциальных последователей. Второй известен книгой «Нация свободных агентов. Как новые независимые работники меняют жизнь Америки»¹³. Работа Дэниэла Пинка объединяет в целостное смысловое поле несколько важных тенденций в развитии современных деловых отношений — стремление к большей свободе действий и перемещений со стороны работника, осознание ценности собственной частной жизни как более высокой, в сравнении с корпоративными ценностями, стремление к творческой реализации. Пинк говорит о тенденции к увеличению дистанции между работодателем и исполнителем (мобильный офис, работа на дому, контрактно-гонорарные проекты, не требующие постоянного прямого контакта между всеми участниками рабочего процесса).

Одна из базовых категорий идеи о свободных агентах — *фриланс* (от английского *free lance* — свободный заработок). Идея фрилансера близка и в определенном плане совпадает с идеей дауншифтинга. Дауншифтинг с фрилансом сближает стремление к большей свободе планирования личного времени, возможность удаленной работы вне офиса с выбором удобного времени и интенсивности рабочей нагрузки. Но вместе с тем работа фрилансером далеко не всегда означает значительное увеличение свободного времени. Человек может так и не высвободить времени для общения с семьей и друзьями и собственной творческой реализации, так как весь день вместо офиса вынужден будет проводить за компьютером в доме, Интернет-кафе или любом другом месте. Кроме того, в дауншифтинге существуют и другие возможные модели, потому фриланс с дауншифтингом нельзя полностью отождествлять. В силу большой общности ценностей, установок, устойчивых сценариев поведения (модель отношений «заказчик — исполнитель», гонорарная основа выполнения частных заказов и т.д.), многие положения, выдвинутые

Д. Пинком при рассуждениях о свободных агентах, могут быть применены при изучении дауншифтинга. Так можно предполагать, что с распространением идеи дауншифтинга происходят изменения в нормативных моделях организации корпоративной культуры как внутренние в компании (для предотвращения радикального ухода ценного сотрудника «на вольные хлеба»), так и ее отношения с внешним миром. В паре «заказчик — свободный исполнитель» заказчик уже не воспринимает одиночку, самостоятельно выстраивающего свой график занятости, как бизнес-аутсайдера и неудачника. Для стратегии «свободного агента» выработано нормативное определение, а значит, он уже как бы легитимирован в своем стремлении работать свободно, будучи не связанным с постоянным нанимателем долгосрочным контрактом.

Такой же механизм легитимации происходит с введением в активный бизнес-лексикон слова «дауншифтер». Первоначально необходимо было обозначить маргинальную среду людей, ведущих себя неадекватно, с точки зрения главенствующей идеологии успеха, карьерного роста и стремления к достижению определенных материальных благ, стиля жизни как маркеров статуса. Появившееся слово не содержит радикального приговора новому явлению (это не «лузер»), в нем нет прямых соотношений с негативными определениями человека как неудачника, не достигшего вершины и сломавшегося на пути. Однако обозначения «дауншифтер», «дауншифтинг», как уже говорилось, все же содержат двойственную оценку, в том числе определенное указание на ориентацию вниз, соскальзывание.

Базовые стратегии. Можно выделить две основные группы стратегий дауншифтинга — «легкий дауншифтинг», не требующий полного разрыва с привычным укладом жизни и окружением, позволяющий даже в случае необходимости восстановить оставленное положение, и условно названный «глубокий дауншифтинг», который предусматривает радикальные изменения стиля жизни, места жительства, рода занятий. Ниже приведена условная схема типов стратегий дауншифтинга, а также базовые оппозиции, сформированные в дискурсе о дауншифтинге:

Схема показывает типы стратегий, предлагаемых всеми традициями дауншифтинга как в западном, так и в российском дискурсах о нем.

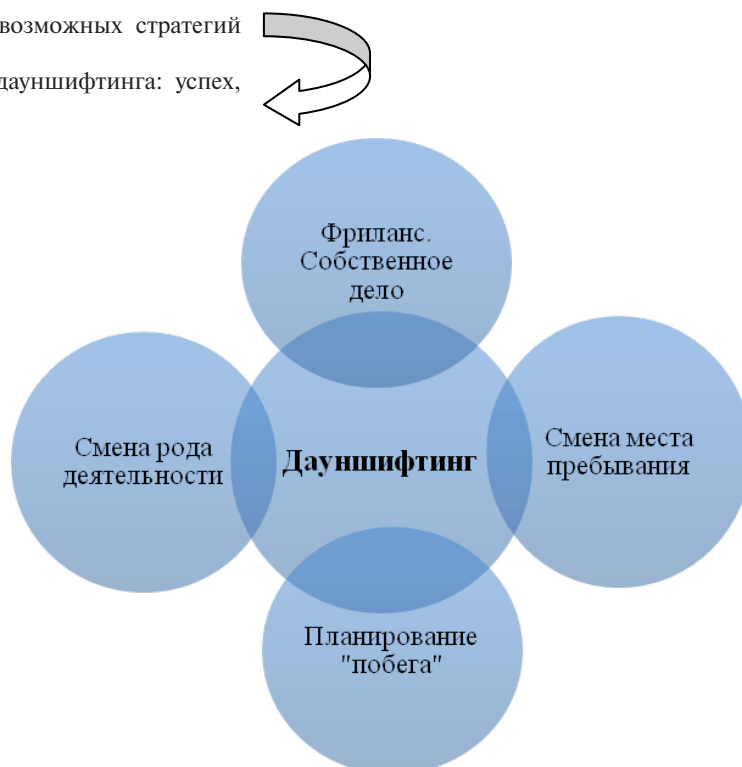
Приобщение к сообществу дауншифтеров происходит по разным сценариям, которые

¹² Дрейк Дж. Дауншифтинг. М.: Добрая книга, 2007.

¹³ Пинк Д. Нация свободных агентов. Как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: ИД «Секрет фирмы», 2005.

Рисунок 1

Следование одной из возможных стратегий дауншифтинга
Концептуальное поле дауншифтинга: успех, свобода, счастье

Корпоративная культура. Образ «Внешнего мира», создаваемого в идеологии дауншифтинга.

Метафоры: «крысиные бега», «работники – рабы», «офисный планктон»

Идея НЕсвободы, пассивности, НЕпуть к успеху. Ложные ценности и иллюзии

можно разбить на следующие группы:

- предполагающие смену места пребывания (например, переезд из города в деревню, жизнь на Гоа или Бали);
- смену рода деятельности (например, оставить карьеру бухгалтера и стать тренером по дайвингу, занимаясь любимым делом);
- изменение времени, затрачиваемого на работу, увеличение свободы в принятии решений (идеология фриланса или создания собственного бизнеса);
- «планирование побега» предполагает, что человек еще не решился на осуществление изменений, но уже почувствовал их необходимость в своей жизни и потребность приобщения к группе дауншифтеров, чтобы получить одобрение собственного жизненного выбора.

Также на рисунке показана схематическая связь между семантическими компонентами понятия «дауншифтинг» и конструкцией «внешнего мира», которому для повышения значимости дауншифтинга придается сверх-

негативная оценка. Примерно по такой схеме строится современный дискурс о дауншифтинге в среде его последователей.

Дауншифтинг в России. В Россию представление о дауншифтинге пришло извне, и это случилось позже, чем в странах Западной Европы, Америке или Австралии. Можно предположить, что распространенность данного феномена пока что ограничивается центральными регионами, а еще точнее – городами-миллионерами в них.

Слово «дауншифтинг» было введено в русский язык в 2004 г. После эры быстрого накопления капитала в 1990-х гг., дававшей практически неограниченные возможности и создававшей столь же большие риски, к началу 2000-х с их относительной стабилизацией в экономике и развитием корпоративной культуры у молодого поколения, людей 25–35 лет, стали появляться более четкие перспективы (вместо авантюрных надежд на сверхбыстрый рост), а у поколения среднего возраста (45–55 лет) начали проявляться усталость и сомнения в правильности избранных жизненных

стратегий и приоритетов. Истории о разочарованных миллионерах, продавших особняки и уехавших в глухие деревни, стали настоящими сенсациями¹⁴. В печати стали появляться статьи про людей, которые, добившись вершин успеха, добровольно отказались от признания и материальных благ, их помещали в раздел курьезов и развлекательной информации. Однако само слово «дауншифтинг» тогда еще не было известно широкой аудитории: до 2006 г. оно употреблялось главным образом в профессионально ориентированных бизнес-изданиях, таких, как газеты «Коммерсантъ», «Ведомости», журналы «Секрет фирмы», «Карьера» и др.¹⁵ В этот период еще не были сформированы ни нормы написания, ни содержание понятия.

Нарастающая потребность продвинутых групп социума в создании принятых и разделяемых в культуре механизмов как горизонтальной, так и вертикальной социальной мобильности постепенно выводят дауншифтинг из поля узкопрофессиональной тематики в зону публичных дискуссий. Помимо бизнес-изданий, про дауншифтинг начинают писать статьи, ориентированные на самый широкий круг читателей, они появляются в «молодежных», «женских» и другие тематических изданиях: от аналитических еженедельников «Огонек» и «Русский Newsweek» до глянцевого «Cosmopolitan»¹⁶. Таким образом, расширяется аудитория людей, осведомленных о явлении и побуждаемых к его восприятию, формированию определенного отношения к нему. К 2007-му г., по итогу ряда рейтингов, проводимых изданиями, слово «дауншифтинг» вошло в списки главных понятий года. Например, рейтинг журнала «Большой город» включил дауншифтинг в список «открытий года» в 2006 г., а в 2007 г. слово было названо «героем-года»¹⁷. Происходило освоение как нового слова, так и новых социальных практик.

¹⁴ Одним из ярких примеров подобной истории может служить биография Германа Стерлигова. Основатель и владелец первых торговых бирж, миллионер продал особняк в престижном районе Подмосковья, отошел от дел и уехал с семьей в северную (архангельскую) деревню. О Стерлигове активно писали. Например, первой о нем в этом статусе написала Н. Архангельская: <http://www.expert.ru/tags/people/sterligov/> Игрок (Новые харизматики); см. также: *Стешин Д.* Бывший олигарх Герман Стерлигов стал отшельником//Комсомольская правда. 2006. 21 сент.

¹⁵ См.: *Фуколова Ю.* Игра на понижение//Секрет фирмы. 2004. № 32.

¹⁶ См.: *Володина О., Ахметова Л.* Идем на снижение//Cosmopolitan. 2007. № 6; *Губин Д.* Статья иным в желаниях//Огонек. 2007. № 8; *Черменский А., Шенгелия В.* Исход. Дауншифтинг. Его нет//Русский Newsweek. 2007. № 13.

¹⁷ *Кронгауз М.* Слово – герой года. Дауншифтер//Большой город. 2007. № 25 [196s] (<http://www.bg.ru/article/7181>).

Проблемы описания группы. Изучение феномена дауншифтинга на материале текстов, циркулирующих в средствах массовой коммуникации по этой тематике, позволяет сделать определенные выводы о ценностных установках, предлагаемых стратегиях и способах формирования собственной позитивной идентичности участниками сообщества. Однако вопрос о количественном и качественном составе группы остается открытым. Описание состава изучаемой группы является одной из сложно решаемых проблем исследования. В то время как в Великобритании или Австралии были проведены специальные социологические опросы, нацеленные на выявление и описание сообщества дауншифтеров, в России подобные масштабные количественные исследования до сих пор не проводились. Кроме того, есть принципиальные трудности в определении самого понятия, которые осложняют задачу статистического описания дауншифтерской группы. К ним, в частности, относится ключевой принцип «индивидуального пути», предполагающий, что человек, на практике реализующий одну из возможных стратегий дауншифтинга, может не именовать себя дауншифтером и не быть им названным со стороны.

В итоге возникает ряд проблем. С одной стороны, существует круг людей, чьи практические действия и поведенческие сценарии могут быть расценены как дауншифтинг, но сам человек по тем или иным причинам так себя не называет: возможно, он не задумывался о необходимости такой номинации, или просто не в курсе слова, или это слово ему не нравится и т.д. С другой стороны, существуют люди, открыто называющие себя дауншифтерами и вступающие в соответствующие тематические сообщества. Но здесь есть своя сложность, поскольку в данную группу попадают как люди, реализующие идеи дауншифтинга на практике и желающие обмениваться опытом, так и те, кто только задумывается о целесообразности изменений и вступает в сообщество, так сказать, «без отрыва от производства», т.е. остается в офисах перед мониторами. Возникает логичный вопрос, кто же из них «настоящий дауншифтер?» На мой взгляд, ответ на этот вопрос не очевиден.

В условиях современной культуры, когда событие конструируется и существует в поле актуальных значений во многом благодаря средствам массовой коммуникации, важно понимать, что явление дауншифтинга существует в той мере, в какой пополняется и транслиру-

ется информация о его существовании и проявлениях. Без интереса со стороны средств массовой коммуникации и стремления участников закрепить собственный опыт в формах групповой идентичности, явление дауншифтинга не сможет стать трендом культуры или претендовать на культурную значимость. Для трансляции и восприятия культурных кодов необходимо, чтобы участники коммуникации (в данном случае дауншифтеры и «внешний мир») обладали хотя бы минимальным уровнем общих разделяемых значений. Говоря о дауншифтинге как о значимом феномене культуры, мы в первую очередь говорим о некоем медийном конструкте, который отображает важные тенденции, складывающиеся в обществе. Привнесенное через средства массовой коммуникации явление другой культуры («российский» дауншифтинг — калька с «западного») функционирует по большей части в границах этих же средств массовой коммуникации. Сообщества дауншифтеров в Интернете могут быть рассмотрены как одни из главных структурообразующих единиц в возможном формировании некоей новой социальной страты. Так как дауншифтинг предполагает сильное варьирование мест жительства, не привязан к профессии и не зависит от социального статуса, фиксируемого доходами и происхождением участника, поле Интернет-дискуссий становится главным местом встречи, обмена мнениями, формирования норм, механизмов инициации и исключения из сообщества.

На сегодняшний день в российском сегменте Интернета существует около десятка крупных порталов, посвященных непосредственно теме дауншифтинга. Сообщества дауншифтеров в живом журнале позволяют выявить примерные масштабы явления в Интернет-пространстве. Так, одно из крупнейших — сообщество «ru_downshift» — насчитывает около 370 участников и более 460 читателей. В «Сообществе дауншифтеров в Живом журнале» состоят на сегодняшний день 211 участников и 260 читателей, а в сообществе «downshift-travel» — порядка 180 читателей и участников.

Можно говорить о появлении лидеров движения, людей, чей опыт является эталонным, а высказывания расцениваются членами сообщества и внешними наблюдателями (например, журналистами) как авторитетные. При этом анализ текстов дискуссий в Интернет-сообществах и комментариев к различным статьям демонстрирует жесткую конкурентную борьбу за статус эксперта в данной проблема-

тике¹⁸. Мотивация к закреплению статуса лидера характерна для большинства социальных общностей и диктуется как минимум стремлением к приращению символического капитала. Однако в данном случае речь идет о группе, члены которой декларируют уход от системы лидерства и разрыв с иерархией статусов. Тем самым в словосочетании «лидер дауншифтинга» заложено идейное противоречие. Чтобы его разрешить, обратимся к конкретным историям таких «лидеров». Одна из ключевых фигур российского сообщества дауншифтеров — Александр Соколов. Его биография вписывается в классический сценарий дауншифтинга: ушел с хорошо оплачиваемой, но не приносящей большого удовольствия работы, создал свою компанию «Dreamco», считает, что у каждого есть шанс воплотить в жизнь свою мечту. Сейчас Александр занимается собственным бизнесом и довольно успешно. Помимо морального удовлетворения от сознания собственного авторитета в сообществе дауншифтеров, статус лидера поднимает индекс цитирования Соколова, раскручивая его персональный бренд. Другой пример: человек, известный под именем Мустафа Ибрагим, его биография также вписывается в классический сценарий. Оставив крупную должность, Мустафа уехал в глухую деревню, однако не прервал связь с внешним миром, а начал активно описывать в Интернете собственный опыт, привлекая внимание в том числе СМИ. Создав себе определенное имя, Ибрагим объявил об открытии собственной гостиницы. Таким образом, статус авторитета повышает эффективность работы бизнеса.

Что касается распространения явления в офф-лайн реальности, получить точные данные о количественном и качественном составе сообщества или сообществ дауншифтеров пока затруднительно. Согласно данным опросов, проведенных Левада-центром в июле 2008 г.¹⁹, в России как будто бы просматриваются те же тенденции, что в аналогичных опросах западных исследовательских центров: ценности семьи, личностной реализации, свободы выходят для населения на первый план (см. рис. 2, 3, 4).

¹⁸ Подобные споры происходят не только в сообществе дауншифтеров, но и среди авторов, создающих тексты внешнего описания. Например, см. дискуссию: http://www.russ.ru/stat_i/daunshifting_kotoryj_my_ne_mozhem_sebe_pozvolit.

¹⁹ Опрос проводился в 10 крупных городах России, среди которых Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Воронеж, Самара, Екатеринбург, Новосибирск и др. В опросе участвовало 600 человек.

Рисунок 2
В КАКОЙ СТЕПЕНИ ДЛЯ ВАС ВАЖНО ПРОВОДИТЬ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ С СЕМЬЕЙ?

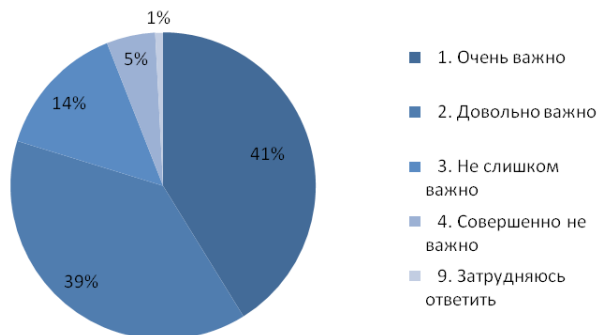

Рисунок 3
В КАКОЙ СТЕПЕНИ ДЛЯ ВАС ВАЖНО РЕАЛИЗОВАТЬСЯ НА РАБОТЕ?

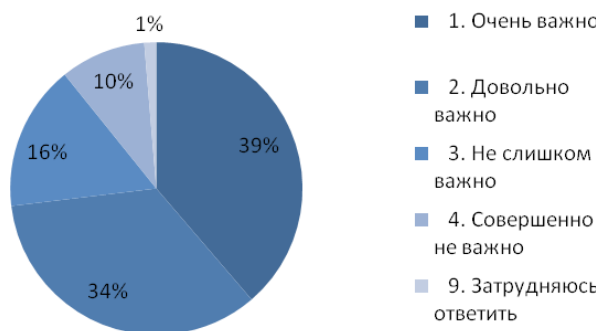
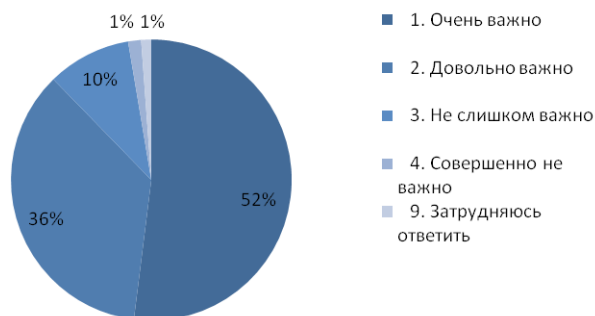

Рисунок 4
В КАКОЙ СТЕПЕНИ ДЛЯ ВАС ВАЖНО ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СВОБОДНЫМ И НЕЗАВИСИМЫМ?

Однако это данные скорее косвенно указывают на возможную актуальность идеи дауншифтинга в России, нежели иллюстрируют ее массовое распространение; к тому же речь здесь идет о декларируемых ценностях и обобщенных нормах принятого отношения к ним, которые

могут вовсе не связываться с конкретными собственными действиями. Также следует учитывать, что с ростом массовости идеи «простой жизни» (идеала западного «simple living») происходит, как при любом культурном переносе, трансформация базовых практик, норм определения, изначально заложенных в данное понятие.

Прежде всего, в России невозможно говорить о массовости «опрошения» как «социального спуска» с вершин финансовых возможностей и успешной карьеры, поскольку сами случаи достижения подобных вершин никак не являются массовыми. Исследователь чаще всего имеет дело с «простотой» жизненного уклада и демонстрацией приверженности ко всему «простому» как формой принудительной адаптации в условиях дефицита или трудности доступности многих благ для большинства населения либо же как стратегией уклонения от сложности, связанных с нею рисков, проблем самостоятельного выбора. Таким образом, если говорить о потенциальных возможностях сообщества дауншифтеров в России, стоит признать, что существуют определенные ограничения для его расширения. То же самое касается другой популярной в России стратегии дауншифтинга – переезд в страны с более благоприятным климатом, главным образом, в Гоа. Классический сценарий предполагает, что жизнь в Гоа будут обеспечивать средства, полученные от сдачи в аренду квартиры в России. Но поскольку цены на недвижимость держатся на высоком уровне только в крупных городах, распространение данной стратегии очень ограничено в территориальном плане.

Тем не менее развитие идей дауншифтинга, а также явлений близкого круга дает возможности для осмысления ценностей и запросов продвинутых групп в современной России. Индивидуальный и групповой поиск альтернативных моделей успешности обладает важной психотерапевтической функцией. Внимание к означенной проблематике и более подробное изучение норм и практик, разделяемых последователями идей дауншифтинга и схожих направлений, позволят исследователям выявлять зоны повышенной напряженности в обществе, профессиональных коллективах, семье, прогнозировать возможные изменения в системе трудовых отношений.

Ольга СТУЧЕВСКАЯ

Харассмент и российские женщины

...Очень трудно в Париже женщине,
если женщина не продается, а служит.

В. Маяковский

Эти строчки очень естественным образом всплыли в памяти автора этого текста в связи с одним небольшим исследованием, проведенным весной прошлого года.

Исследование, о котором идет речь, качественное (4 фокус-группы с молодыми женщинами разных возрастов), с разным уровнем образования, проведенное CSIS (Стратегический центр социальных исследований) совместно с Левада-Центром на средства гранта, выделенные Фондом Форда. Фокус-группы — они проходили в Петербурге — были пилотным исследованием для большого количественного опроса по репрезентативной российской выборке женщин от 16 до 34 лет. Этот большой опрос был проведен в марте этого года; о трудностях, с которыми сталкивались интервьюеры в ходе полевых работ можно прочитать в одном из предыдущих номеров журнала¹.

Исследование — и количественный опрос, и фокус-группы, о которых будет здесь рассказано, — охватывало очень широкий круг вопросов: от «обычных» проблем, возникающих в связи с приемом женщин на работу и тех, что возникают на рабочем месте, до маргинальных, даже криминальных, таких, как проституция или торговля людьми. В этой статье хотелось бы обсудить только ту часть качественного исследования, которая имеет непосредственное отношение к теме харассмента.

Само слово «харассмент» употребляется с большой долей иронии, в том числе и значительной частью нашей либеральной публики, которая склонна видеть в нем и в понятии, им обозначенном, выдумки закомплексованных американских феминисток. Поскольку именно харассмент являлся объектом нашего исследования, имеет смысл сначала определиться с термином.

Определения харассмента. В праве США харассмент формулируется как «преступление, нарушающее неприкосновенность частной жизни лица преследованием (телефонными звонками, письмами, слежкой и пр.), назойливым приставанием, домогательством; совершается обычно с сексуальными мотивами». Хочется обратить внимание на упоминание «частной жизни» в этой формулировке. Сходное можно обнаружить и в законодательстве Европейского сообщества, где харассмент (этот пункт был введен в него в 2002 г.) определяется как «поведение сексуального характера, цель и результат которого затрагивают достоинство другой личности, и/или создание на рабочем месте враждебной, агрессивной или беспокойной обстановки». Опять же привлекает внимание фраза о «достоинстве другой личности». В российских законах ничего аналогичного нет, наиболее близкое в нашем законодательстве — это ст. 133 УК РФ «О понуждении к действиям сексуального характера». О том, что эта статья включает в себя, будет сказано ниже.

Обычно харассмент переводится на русский язык как «сексуальное домогательство» или «приставание», что узко и чересчур прямолинейно. В то же время это делает смысл харассмента ясным, в то время как оперирование понятием «частная жизнь» было бы, следует признать, слишком туманным и декларативным в контексте российской жизни.

Само это слово в английском языке столь же старое, как и проявления «сексуальных домогательств». Однако в публичную дискуссию США оно широко проникло в конце 70-х гг. И это не случайно, так как именно в это время начинается массовый приход женщин в карьеру. Время замужних домохозяек остается позади, такой образ жизни воспринимается обществом как несовременный, получает популярность формула «одна семья — две карьеры». Возникшая вследствие этого конкурентная борьба за хорошие должностные позиции сделала гендерный вопрос особенно актуальным.

¹ Дюк Е. Заметка с поля// Вестник общественного мнения. 2008. № 2. С. 67.

Нам представляется, что есть еще одна причина «возникновения» харассмента в эти годы. Это время зрелости бэби бумеров², поколения, которое, заявив о себе юношеским бунтом в 60-е, радикальным образом изменило жизнь современного западного общества. Помимо многих других вещей, изменились нормы частного поведения. Общество и люди стали более терпимыми, более открытыми, менее сдержанными в проявлении своих чувств, что оказалось особенно непривычным для англосаксонской культуры. Смерть леди Дианы поразила англичан не только трагичностью этого события, но и их собственной очень сильной эмоциональной реакцией на него. Сегодня публичные люди и обычные граждане открыто обсуждают темы, до того запретные, личные, семейные. Лечение от алкоголизма, онкологические заболевания, пластические операции перестают быть тайной. Всевозможные реалити шоу, перенесенные и на нашу почву, суть тоже проявление этих перемен. Маркетологи работают над репозиционированием старых брендов с учетом этого нового тренда «открытости чувств».

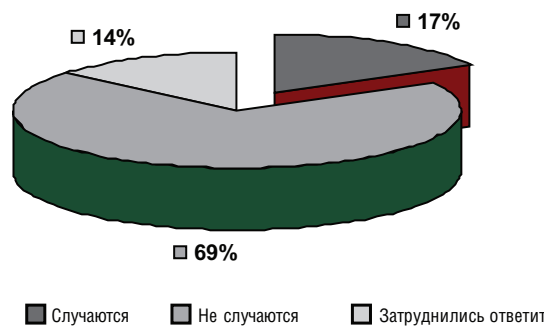
Однако эта значительно большая социальная открытость, вариативность норм частного поведения, тем не менее, не уменьшила в западном обществе ценности частной жизни. В этой ситуации потребовались новые правила — необходимость более четкого определения границ «частной» и «нечастной» жизни. Этому «переделу границ», на наш взгляд, во многом обязана проблематика харассмента (как, впрочем, и политкорректности). Возникнув под большим влиянием феминистского движения, она в настоящее время является частью дискурса о правах человека — мужчин и женщин.

В России. Можно предположить, что гипотеза заказчиков и разработчиков этого исследования состояла в том, что изменения на рынке труда и общая трансформация российского общества должны были бы проявить в России сходные тенденции. И действительно, многочисленные исследования Левада-Центра среди молодежи свидетельствуют об очень сильных установках молодых людей, и девушек в не меньшей мере, на получение высшего образования, самореализацию, построение карьеры и достижение финансовой самостоятельности независимо от того, как сложится их личная, семейная жизнь. Нельзя не отметить произо-

шедшие в последние два десятилетия изменения в целях женского образования: они стали не столько общегуманитарными (пропуск в «интеллигентную» профессию, трансляция культуры детям), сколько инструментальными, совпадающими с мужскими (построение карьеры, высокооплачиваемая работа). Эти сильно выраженные современные достижительские установки молодых женщин должны были бы, по замыслу исследователей, затронуть и явления, обозначаемые термином «харассмент».

О том, насколько для населения России в целом³ актуально «сексуальное домогательство», можно судить по рисунку 1. Трактовать этот разброс мнений можно по-разному; более интересно, на наш взгляд, попытаться разобраться в том, что это понятие обозначает. С этой целью, в частности, и были проведены фокус-группы, о которых речь.

Рисунок 1
СЛУЧАЮТСЯ ЛИ СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРИСТАВАНИЯ ТАМ, ГДЕ ВЫ РАБОТАЕТЕ?

Фокус-группы, состав участников и темы. Как было сказано вначале, участниками групп были женщины двух возрастов: 18–24 и 25–34 лет, внутри каждого из возрастов разделение шло по уровню образования. В итоге были проведены 4 фокус-группы: студентки и не получающие высшего образования девушки, молодые женщины с высшим образованием и женщины того же возраста со средним образованием. В группе образованных женщин оказалось много аспиранток, кандидатов наук, были женщины, получающие второе высшее образование. Фактор образования, как и можно было ожидать, играл большую роль, как, впрочем, и возраст женщины. В итоге группы имели существенные отличия.

Употребляя с известной долей условности определения «традиционность» и «современ-

² Бэби-бумерами принято считать послевоенное поколение, родившееся между 1946 и 1964 гг.

³ Эти и последующие количественные данные взяты из опроса Левада-Центра 2006 г. по репрезентативной российской выборке (N=1600).

ность», в целом можно сказать, что юные студентки демонстрировали наиболее «продвинутый», «европеизированный» взгляд на вещи, в то время как женщины старшего возраста без высшего образования, наоборот, наиболее традиционный. Эти отличия имеют вполне тривиальное объяснение, и на нем не имеет смысла останавливаться. Гораздо интереснее рассмотреть то общее, что объединяло этих, во всех смыслах разных женщин и что составляет, на наш взгляд, современный гендерный дискурс.

Вопросник (гайд) был построен таким образом, чтобы уйти от обсуждения проблем «вообще» и выяснить реакцию участниц групп на «предлагаемые обстоятельства». Демонстрировались клипы из телесериалов соответствующей проблематики, обсуждались жизненные ситуации. «Представьте себе, к вам приходит подруга и просит совета... что делать, если пристаёт начальник, коллега... если коллеги-мужчины вслух обсуждают женщин... если начальник в обход вам продвигает свою любовницу...»

Участницы групп вполне свободно выражали свое мнение; в тех редких случаях, когда возникала некоторая отстраненность, причина была не в деликатности темы, а в сознательном нежелании, в частности, проявлять солидарность с женщиной, попавшей в непростую ситуацию. Казалось бы, почему? Для того чтобы легче было разобраться во всем этом, ниже рассуждениям женщин придана некоторая структурированность. Количество приводимых цитат (выделенных курсивом), возможно, слишком велико, но они, на наш взгляд, хорошо передают суть рассуждения. Итак, «к вам за советом приходит подруга...»

Одобряемые стратегии поведения. Как упоминалось выше, женщины, как правило, неохотно соглашались давать совет подруге, которую «домогаются» ее начальник. Звучало сомнение, что просьба дать совет носит искренний характер:

Я бы сначала спросила ее, чего она сама хочет, действительно ли ей это не нравится, не дает ли она сама повод к этим приставаниям. Или: Я бы сказала ей: сама разбирайся...

Действовать в такой ситуации женщине, по общему мнению, следует следующим образом.

Шаг первый и, возможно, последний: понять, нужно ли тебе это, приятно ли, в твоих ли это интересах. Такие отношения, как правило, не осуждаются, и вообще толерантность по отношению к ним необыкновенно высока. Часто это признается даже очень *хорошим и полезным*, осо-

бенно если начальник *молодой и симпатичный* (и «политически грамотный», хочется пошутить, вспомнив классиков). ... *А может, это любовь? Работа — не работа, какая разница? Хорошо бы еще неженатый, конечно...* Воспользоваться этими отношениями в своих интересах в целом тоже не считается зазорным, но об этом ниже.

Шаг второй, если домогательства действительно неприятны: нужно перевести все в игру, в шутку, *чтобы не задеть мужского самолюбия*. Если этого недостаточно, следует намекнуть на ревнивого мужа, наличие молодого человека.

Шаг третий, когда нежелательные домогательства не прекращаются и начальник «не понимает»: попросить мужа/молодого человека зайти к концу рабочего дня, чтобы проводить домой, т.е. предъявить другого мужчину, обладателя не меньших, чем у начальника, прав. Если у женщины нет молодого человека, то следует попросить любого знакомого сыграть его роль или даже «одолжить на время» у кого-нибудь. Надо сказать, что этот совет — безобидный обман — упоминался на всех группах как отличный выход из положения.

Шаг четвертый, если все бесполезно: придется уволиться с работы. Этот совет также звучал во всех без исключения группах как единственный выход из положения. *Не в РОНО же идти жаловаться в самом деле?* (при обсуждении сценки из сериала, где директор «домогаются» учительницы). Мысль обратиться в какую-то вышестоящую инстанцию, привлечь на свою сторону коллектив или каким-либо другим образом оказать открытое сопротивление вызывала недоумение. Это можно было бы посчитать особой стыдливостью российских женщин или их крайней забитостью, но это не так. Существует твердая уверенность, что в ситуациях такого рода ни вышестоящее начальство, ни коллектив, ни закон женщине не поможет.

Такой совет — это ее дело, пусть сама решает... Если это адекватный человек, то в принципе все можно решить мирным путем, а если он не адекватен... то, естественно, только один вариант — уволиться. Единственное, это если свои люди, муж там придет, скажет, совесть есть... Можно хитренько сказать: «Ой, у меня столько дел! Ой, я так люблю своего мужа!» И сразу выйти, как-то намекнуть, чтобы и его не обидеть. И если нет мужа, пусть кто-то встречает внизу у работы, чтобы показать, что ты не одна... Он (обсуждается сцена из сериала) директор школы, мужчина, и изначально он имеет права на что-то. Мне кажется, что ее уволят... Никакого криминала, кстати. Если бы он там ее начал

раздевать на партах и применять физическую силу, тогда да, а так — ничего страшного. Хотя, а куда у нас обратишься, если бы даже и что-то страшное? Обращаться некуда (18–24, без в/о).

Я просто попросила своего молодого человека, чтобы он за мной на работу зашел. Тут же сработало... Тогда ей, скорее всего, придется уволиться. Очень надо много времени, чтобы наш мозг, мозг мужчины до этого всего дошел. Все начинается с семьи (25–34, с в/о).

Вообще это нормально, мужчина все равно смотрит на женщину как мужчина. Любой босс — он мужчина, и рано или поздно он тебе сделает намеки (18–34, студентки).

Если мой босс не знает, что я замужем, имеет в принципе какое-то... Начальник дает тебе работу, платит тебе деньги.... Если вдруг случилось так, что допустила оплошность, если не помогают уговоры, а он продолжает, то я считаю, что имеет смысл уволиться... Мужчины же — они такие. Проблемы женщины должна решать ее семья, муж, отец, брат, сын (25–34, без в/о).

В большом массиве приведенных цитат, особое внимание привлекают две повторяющиеся мысли: признание того, что начальник (будь то собственник или наемный управленец) имеет какое-то «изначальное» право на незамужнюю сотрудницу, и то, что эта проблема женщины должна решаться мужчинами ее семьи и женской хитростью. Первая мысль очень напоминает средневековый *jus primae noctis* (право первой ночи), а вторая то, как разобрались с этой проблемой Фигаро, граф Альмавива и Сюзанна в комедии нового времени.

Жертвы общественного темперамента? В приведенных выше рассуждениях легче всего увидеть женщину в положении жертвы — «жертвы общественного темперамента», как это называли в позапрошлом веке, или «жертвы мужского господства», если воспользоваться лексикой феминисток. Но такая оценка не кажется нам верной, да и сами женщины никоим образом не видят себя в роли жертв — ни жертв мужчин, ни жертв несправедливого общественного устройства в целом. Что еще показалось нам примечательным в рассуждениях женщин — отсутствует осознание необходимости защиты своих прав, и не только в плане «домогательств», но и в других сторонах жизни, таких, например, как прием женщины, имеющей или не имеющей детей, на работу, требования работодателя к ее внешности и т.д. *Женщин защищать не нужно, защищать нужно детей и стариков.*

Такое отношение объясняется тем, что сек-

суальность женщины воспринимается самими женщинами как мощный жизненный ресурс, в том числе и на рабочем месте, в том числе и в построении карьеры, т.е. как часть тех самых сильных достижительских установок молодых современных женщин, о которых говорилось вначале.

Регламентация в этой сфере (что можно, а что нельзя, ограничения, практикуемые в основном в крупных компаниях западного образца) воспринимается женщинами как посягательство на этот важный ресурс, в сущности, посягательство на свои естественные, «неотчуждаемые права». Одновременно женщине вменяется в обязанность контролировать свой сексуальный ресурс. Таким образом, имеет место своего рода контракт: признаваемое за женщиной право пользоваться этим ресурсом предполагает ее личную, индивидуальную ответственность за его регулирование. Женщина должна грань чувствовать. В том случае, если она с этим не справляется, то это ее личное поражение и она должна принять его последствия (что на практике всегда означает увольнение).

Женщина должна понимать, что она женщина, и если ее интересует эта работа, она должна еще больше ему (начальнику) нравиться. Да, она должна это использовать... Если просто приобнимет, то меня это не раздражает, пусть себе приобнимет. Легкий флирт только. Ведь им можно добиться повышения зарплаты. ...Женщина всегда может найти выход (18–24, студентки).

Дотрагивания, они разные бывают. Потом, бывают разные мужчины, простите. Бывают семидесятилетние, не очень приятные, а бывает молодой, красивый, сексуальный (25–34, с в/о).

Это не всегда правильно, но я такие вещи никогда не осуждаю. Каждый строит свою карьеру как может... Приобнять, потрогать без какого-либо внутреннего намека... Если нестарый и симпатичный. С которым и так можно. А тут еще и бонусы за это получишь. Смотри, в какой форме все это. Если — ну что, поехали, дорогая, то да, это неприятно. А если он бы сводил в кафе, а потом как бы невзначай сказал, ну, тут вот место такое есть для тебя... (18–24, без в/о).

Участницы групп всячески демонстрировали свою толерантность, неосуждение чужого поведения, способов достижения поставленных целей, и это заметно отличало их от знакомых нам установок предыдущих поколений женщин. Такую толерантность можно было бы трактовать как повышение ценности частной жизни, если бы в ней не отсутствовала какая бы то ни было моральная оценка.

Это хорошо демонстрирует отношение женщин к еще одной обсуждаемой теме — продвижение по службе в обход других любовницы начальника, получение ею других бонусов в виде более высокой зарплаты, льготного режима и т.д. Очень редко это вызывало возмущение, желание побороться за свои права. Наоборот, такое положение вещей признавалось справедливым, *не с точки зрения высокой морали*, по признанию участниц групп, но с точки зрения обычного права, бытовой справедливости.

Просто для этой женщины, любовницы, для нее именно такой путь достижения... Как могла, так и заработала (18–24, студентки).

Ну, понимаете, все по-разному двигаются по карьерной лестнице. Значит, она умнее меня, что пошла и переспала с ним, ну что поделаешь, значит, у нее то лучше... Я считаю, что это мужски, и их не исправишь (25–34, без в/о).

Если начальник спит с ней, то у нее прав... больше, чем у меня. Потому что получается, что ты не хочешь выполнять это, но хочешь иметь такие же льготы. ...В принципе это справедливо, ведь любовница выполняет для него больше функций, чем я... это должно как-то компенсироваться... Всегда было, что «ночная кукушка дневную перекукует» (25–34, с в/о).

Уметь правильно развести мужчину, это такая наука, талант, да! С кем-то спать, с кем-то нет. Это еще надо уметь правильно переспать (18–24, без в/о).

В этих представлениях есть очень большая доля цинизма, и участницы фокус-групп не могли этого не чувствовать, ведь эти отношения подразумевают взаимную манипуляцию и очень малое уважение к «достоинству другой личности». Разумеется, часто подчеркивалось, что «я не такая», что это путь «других женщин». Звучали высказывания, что женщина может добиться успеха исключительно благодаря собственным способностям, труду, характеру. Наиболее часто такие слова можно было услышать от самых юных женщин-студенток. Можно было бы предположить, что мы здесь сталкиваемся с взглядами, которые станут определяющими в будущем. Однако нам представляется (это, правда, нельзя доказать), что здесь мы в большей степени имеем дело с фактором стадии жизни, чем с новыми социальными тенденциями. Ведь вхождение в жизнь женщин старшего возраста (в основном тоже очень молодых) происходило уже в новых социальных обстоятельствах.

Территория харассмента, по данным массового опроса. Дополнить картину хотелось бы данными количественного опроса 2006 г. (ссылку

на него см. выше). Графики даны в такой последовательности, чтобы представить общественное мнение о том, что есть сексуальное приставание, по нарастающей. Порог (свыше 50%) преодолен только на рисунке 8.

Рисунок 2
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ НАЧАЛЬНИК-МУЖЧИНА ГОВОРIT СВОЕЙ ПОДЧИНЕННОЙ, ЧТО СЕГОДНЯ ОНА ВЫГЛЯДИТ ОЧЕНЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНО?

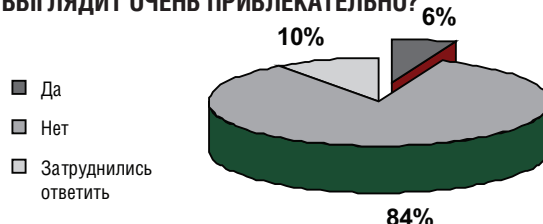

Рисунок 3
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ МУЖЧИНА НАЗЫВАЕТ МУЖЧИН СВОЕГО ВОЗРАСТА «МУЖЧИНЫ», А НЕ «МАЛЬЧИКИ», А ЖЕНЩИН СВОЕГО ВОЗРАСТА «ДЕВОЧКИ», А НЕ «ЖЕНЩИНЫ»?

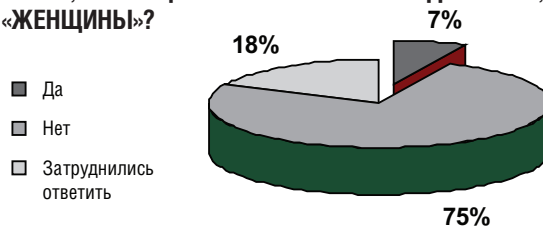

Рисунок 4
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ МУЖЧИНЫ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ОБСУЖДАЮТ МЕЖДУ СОБОЙ ВНЕШНОСТЬ ЖЕНЩИН, С КОТОРЫМИ ОНИ РАБОТАЮТ?

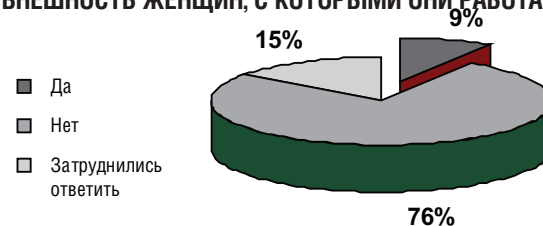

Рисунок 5
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ МУЖЧИНЫ ОСМАТРИВАЮТ ЖЕНЩИНУ С ГОЛОВЫ ДО НОГ И ПРОВОЖАЮТ ЕЕ ВЗГЛЯДОМ?

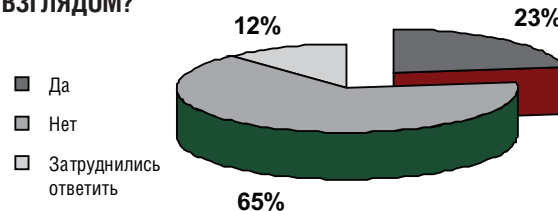

Рисунок 6

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ НАЧАЛЬНИК-МУЖЧИНА НАЗЫВАЕТ СВОЮ ПОДЧИНЕННУЮ «МАЛЫШКА», «МИЛАЯ» ИЛИ «РАДОСТЬ МОЯ»?

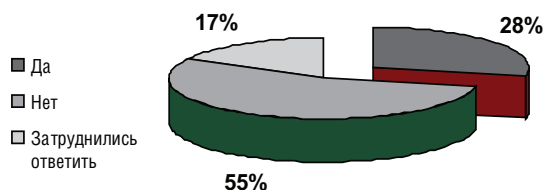

Рисунок 7

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ НАЧАЛЬНИК-МУЖЧИНА РАССКАЗЫВАЕТ СВОЕЙ ПОДЧИНЕННОЙ О СВОЕЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И СЕКСУАЛЬНЫХ ПРИСТРАСТИЯХ?

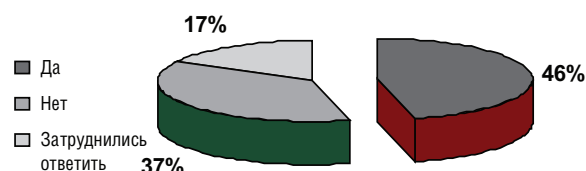

Рисунок 8

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ НАЧАЛЬНИК-МУЖЧИНА СПРАШИВАЕТ У СВОЕЙ ПОДЧИНЕННОЙ, НЕ МОГЛИ БЫ ОНИ ВСТРЕТИТЬСЯ?

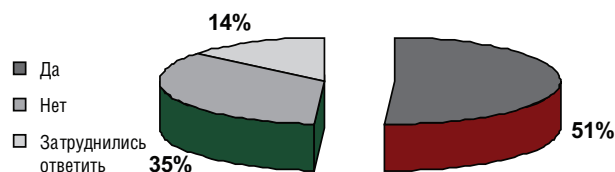

Рисунок 9

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ НАЧАЛЬНИК-МУЖЧИНА ДЕЛАЕТ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ, ЧТОБЫ НАХОДИТЬСЯ С ПОДЧИНЕННОЙ В ТЕСНОМ КОНТАКТЕ И УЕДИНЕНИИ, ДАЖЕ ЕСЛИ В ЭТОМ НЕТ ДЕЛОВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ?

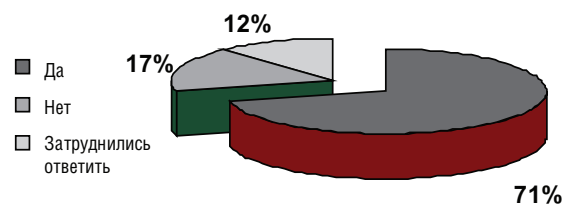
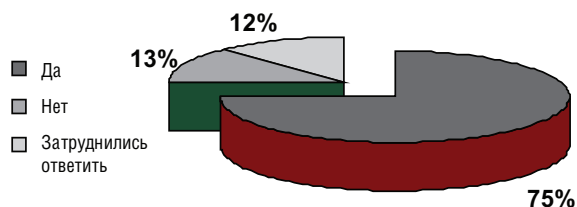

Рисунок 10

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕКСУАЛЬНЫМ ПРИСТАВАНИЕМ, ДОМОГАТЕЛЬСТВОМ, ЕСЛИ МУЖЧИНА ПОСТОЯННО НАЗНАЧАЕТ СВИДАНИЕ СВОЕЙ ПОДЧИНЕННОЙ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНА В ПРОШЛОМ УЖЕ ОТКАЗЫВАЛА ЕМУ?

Территория харассмента в определении участниц фокус-групп. Согласованная формулировка того, что считать сексуальным домогательством, звучала следующим образом: «домогательство с применением физического воздействия после неоднократных отказов женщины».

Когда вторая, третья попытка, после того, когда ты дала понять, что тебе это не надо, а он при этом увеличивает свою... Когда он знает, что тебе не нравится, но при этом домогается. Навязывание своей симпатии с применением силы.

Все остальное – флирт. Безобидные служебные ласки описывались глаголом *приобнять* – словом, не обнаруженным автором ни в одном из словарей, но употреблявшимся на всех фокус-группах, как, впрочем, и в текстах (в Интернете), посвященных харассменту. Флирт не предосудителен, даже желателен, так как улучшает настроение, дает возможность продвижения по службе.

Иногда это даже поощряет работницу, ей это приятно. Иногда женщине стоит пофлиртовать, вспомнить, что она женщина. Дома дети, муж злой, кастрюльки... Легкий флирт ни к чему не обязывающий, от тебя только лишь зависящий, приведет он к чему-то или нет. Это очень хорошо для женщины.

Территория харассмента в определении закона. Наиболее близкая к теме харассмента ст.133 УК РФ «О понуждении к действиям сексуального характера» (по мнению экспертов, работающая очень плохо) дает такое определение: «...Понуждение лица к половому сношению или совершению иных действий сексуального характера... путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества...» Здесь, как мы видим, не место таким тонкостям, как «нарушение неприкосновенности частной жизни» в законодательстве США, уже цитированное нами.

Можно только констатировать, что норма российского законодательства вполне соответствует уровню порога предосудительного поведения в общественном мнении.

«У них в Америке». При обсуждении харассмента у участниц фокус-групп естественным образом возникали образы Америки и американок. В основном это были стереотипы, одновременно непростая смесь разных представлений и чувств. Разумеется, ссылки на чуждый менталитет. *Ну, это в Америке, у нас такого, слава богу, нет. Там у них немного по-другому менталитет работает.*

Звучало сожаление, что женщины в России лишены подобной защиты своих прав, и признание того, что возможность для женщины использовать в трудовых отношениях свой сексуальный ресурс является неплохой компенсацией за несовершенство российской жизни.

Американки, они более агрессивно на это настроены, и у них есть, насколько я понимаю, правовая база. Законов больше. Они себя чувствуют более защищенными женщинами. Хотелось бы что-то похожее на то, что есть в Америке, чтобы не было сексуальных домогательств на работе, ситуаций с любовницами начальника. Мне хочется, чтобы были реально какие-то законы, чтобы не просто я сама с этим всем разбиралась, а чтобы было какое-то законодательство (18–24, студентки).

Американки, они теряют те преимущества, которые имеем мы. Но там можно добиться этого другими путями. Люди там по-другому воспитаны, другие порядки, у них же чуть что — так суд, любую проблему ты можешь решить через суд, они защищены своим государством, может быть, в этом разница. Более высокий уровень жизни, в связи с этим у них другие запросы, они постоянно в ожидании бороться за свои права (18–24, без в/о).

Подводя итоги. Можно сделать вывод о том, что современный гендерный дискурс в России является соединением модернизационных и традиционных, даже архаических пластов. Как и в других областях общественного сознания, имеет место не столько сосуществование различных тенденций (что было бы естественно), сколько наличие целостного «неклассического» комплекса, который самими носителями воспринимается как вполне органичный и бесконфликтный. Этот комплекс имеет следующие черты:

- сильные достижительские установки (на образование, самореализацию, построение карьеры); согласно данным массовых опросов,

женщин готовы видеть в политике, бизнесе, на ключевых постах государства, в том числе на посту президента страны;

- толерантность как готовность принять широкий диапазон нормы частного поведения и одновременно как отказ от нравственных оценок способов достижения новой цели, «успешности», цинизм как следствие;

- отсутствие групповой солидарности (жалобы на сексуальное домогательство, как правило, не вызывают поддержки в кругу коллег и друзей, а объявления типа «приглашается на работу молодая женщина без детей» воспринимаются не как дискриминация, но как возможность использовать свое конкурентное преимущество теми, кто этим требованиям соответствуют.

Особое внимание обращают на себя элементы архаики, неотделенность семейного, сексуального в трудовых отношениях. Формальная регламентация трудовых отношений прописана только в больших компаниях западного образца, работа в которых привлекательна, но зачастую эта этика воспринимается как «чужое», в плане харассмента в том числе. Во всех остальных случаях имеет место смешение частного и публичного, простые связи зачастую более удобны для обеих сторон (работодателя и работника). Последний часто оказывается в полной зависимости от первого, в то же время эти простые связи дают очень простой и доступный канал мобильности в реализации карьеры, получении других бонусов, в комфортном проживании жизненного цикла.

Возможно, исторически гораздо более раннее, чем в развитых странах, включение российских женщин в общественное производство способствовало сохранению в трудовых отношениях черт архаики, свойственных эпохе традиционного аграрного, домануфактурного, производства.

От редакции

Наш «Вестник общественного мнения» изначально задумывался как журнал определенной научной программы — мониторинга социальных, экономических, культурных и ценностных трансформаций в постсоветском обществе. Исследования и журнал делали одни и те же люди, составлявшие единый коллектив. Все теоретические или содержательные дискуссии проходили внутри Центра и не выносились на печатные страницы: главной задачей было описание самих изменений, изложение результатов работы. Но с течением времени задачи усложнились, постепенно расширился круг авторов. К обсуждению методологии в нашем журнале Юрий Александрович Левада относился сдержанно: он, конечно, не отрицал саму идею, но на данном этапе, когда, как он говорил, «приходится щупать пульс у больного», Юрий Александрович не считал методологическое направление главным.

Однако за последнее время у нас накопилось некоторое количество собственных теоретико-методологических проблем, образовался ряд вопросов, которые требуют внимания коллег. Мы крайне заинтересованы и в открытом обсуждении характера ведущихся в нашем Центре исследований, и в анализе сложившихся подходов, выявлении границ тех или иных методов, теоретических позиций, обусловленных различием познавательных ценностей и установок. Поэтому мы посчитали не только возможным, но и очень важным поместить на страницах данного номера ряд статей дискуссионного и критического характера. В них обсуждаются принципиальные проблемы понимания и объяснения природы российского общества, рассматриваются накопленный опыт и подходы социологов Центра.

Поскольку в номер включены работы, критически анализирующие наши собственные способы работы и позиции, мы не сочли возможным что-либо менять в предложенных текстах. Они публикуются в авторских редакциях. Надеемся, что начатое обсуждение будет продолжено.

Михаил ГАБОВИЧ

К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады

Первый — немецкий — вариант настоящего текста был написан для берлинского журнала «Osteuropa». Он стал реакцией на подборку статей, опубликованных к первой годовщине смерти Юрия Левады. Биографическая зарисовка Алексея Левинсона о Леваде стала для главного редактора издания Манфреда Заппера поводом обвинить германских коллег в недостаточном внимании к работам Левады, а также Льва Гудкова и Бориса Дубина, а в результате — непонимании происходящих в России общественных процессов в их совокупности. Главной проблемой, актуализированной смертью Юрия

Левады, Заппер объявил трудности транснационального научного диалога. При этом в обоих опубликованных текстах почти напрочь отсутствовало какое-либо обсуждение или даже изложение содержательной стороны работы Левады (либо его учеников), его (их) позиций в научных спорах, методов и результатов его (их) работ, особенностей его (их) подхода к исследуемым предметам.

Алексей Левинсон в тексте, написанном и впервые опубликованном по-русски еще при жизни Левады, написал, что оригинальность его работ в начале 1960-х состояла в анализе

данных опросов, а также в обращении к понятию культуры. Сплоченный им коллектив задал «принципы позиционирования исследователя в... поле», «принципы столь же этические, сколь технические, столь же теоретически обоснованы, сколь практически обкатаны». Существование этих принципов, по Левинсону, хорошо известно, хотя «они никогда и нигде не формулировались»¹. О нонконформизме левадовского стиля одежды читатель из статьи узнает больше, чем о содержании его социологических исследований. Заппер же, если не считать ссылок на междисциплинарность и «требование тотального охвата», посвящает методам Левады/Дубина/Гудкова ровно одну, довольно загадочную, фразу: «В их мысли и работах фундаментальное эмпирико-критическое осознание того, что любое высказывание в социальных науках должно быть верифицируемо при помощи данных, опросов и других количественно измеримых источников, сливается с другим основополагающим теоретическим убеждением: принципом понимающей социологии, социологии объясняющей, по которой видно, что эти авторы проработали и продуктивно развили Макса Вебера, Ханса-Георга Гадамера и Эдмунда Гуссерля»².

Таким образом, непосвященному читателю остается совершенно непонятно, зачем же ему читать Леваду (а также его учеников) — по крайней мере, если, помимо стойкой этической позиции, такой читатель интересуется еще и собственно научной стороной деятельности ученого. К сожалению, такой недостаток присущ не только текстам, представленным немецкому читателю, но и многим посмертным статьям о Леваде, которые мне довелось читать в российской периодике³. Мне такая позиция

представляется контрпродуктивной: отсутствие содержательной и, главное, критической проработки — это скорее признак отсутствия реального интереса, нежели дань уважения. Отказ от спора — верный путь к интеллектуальной мумификации. Я же, напротив, исхожу из того, что (особенно в области теоретической социологии) читать интересно тех, с кем хочется (и есть о чем) спорить. Поэтому, пользуясь любезным приглашением Льва Гудкова, ниже представляю уже русскому читателю некоторые (весьма фрагментарные) критические соображения о «методе Левады» и теоретических построениях его школы. При этом я отдаю себе отчет в том, что многие коллеги могли бы изложить подобные соображения гораздо лучше меня. Однако они предпочитают не делать этого публично. Причины такого отказа сами по себе достойны рассмотрения, и потому начну с некоторых наблюдений о статусе и возможности критической дискуссии в российских социальных науках, а также о том, существует ли вообще «школа Левады».

Сразу оговорюсь, что я ни в коей мере не считаю себя специалистом в области истории советской или постсоветской социологии. В настоящем тексте я опираюсь исключительно на опыт чтения (а также редактирования, издания и перевода на другие языки) текстов Левады и ряда его сотрудников и на сравнительно немногие устные выступления, которые мне доводилось слышать. Это важная оговорка, поскольку, в особенности в текстах давних сотрудников Юрия Левады, часто присутствует мотив особого статуса «устной социологии» советского времени и «общеизвестности» некоторых содержательных принципов работы, которые вместе с тем объявляются чуть ли не недоступными людям, лишенным «того» поколенческого опыта. Однако научное наследие, не эксплицируемое в письменном виде, лишено практической ценности для тех, кто не входит в узкий круг посвященных, оставаясь недоступным для открытого обсуждения и, в конечном счете, обреченным на увядание. Поэтому настоящий текст я прошу рассматривать, помимо прочего, как приглашение к содержательной дискуссии и более подробному изложению становления «левадовской школы».

О «школе Левады» и сложностях внутри-российской и транснациональной дискуссии. Агиографическое отношение к Леваде вредно не только потому, что умалчивает о содержательной стороне его работы. Оно также

¹ Русский оригинал статьи: Левинсон А. Держатель нормы. Юрий Александрович Левада (1930—2006) // Отечественные записки. 2006. № 6.

² Sapper M. Dialogstörung. Warum Levada & Co. nicht gelesen werden // Osteuropa. 2007. № 10. S. 102.

³ Ограничусь здесь перечнем наиболее содержательных статей, в которых, однако, исторический рассказ и изложение работ Левады тоже преобладают над их содержательным обсуждением, см.: Гудков Л. Социология Юрия Левады (опыт систематизации) // Вестник общественного мнения. 2007. № 4. С. 8–27, www.polit.ru/research/2007/09/13/gudkov.html; Шляпентох В. Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // Новое литературное обозрение. 2007. № 87. С. 230–236. <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/sh13.html>; Дубин Б. От традиции к игре: культура в социологическом проекте Юрия Левады // Там же. С. 237–247; <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/du14.html>; Он же. Традиция, культура, игра в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 31–38; Гудков Л. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Там же. С. 16–30.

равнозначно отказу от проблематизации общественной роли Левады и его школы. Это тем более прискорбно, что большое достоинство обсуждаемых авторов — в их способности к самокритике, точнее, в готовности рассматривать самих себя как часть исследуемой и критикуемой реальности. Представители Левада-Центра регулярно — и вполне оправданно — жалуются на отсутствие публичного обсуждения их идей. Но вполне возможно, что одной из причин такого положения дел является их сознательная установка на сопряжение критериев научности, этики и общественного влияния. Обращаясь сразу ко всем — к обществу в целом, к средствам массовой информации, «интеллектуальному» или «образованному сообществу» и, наконец, к другим социологам, они сознательно отказываются абсолютизировать автономию научной сферы. У такой установки есть свои минусы: в известном смысле она осложняет содержательную и доброжелательную критику, поскольку — особенно в условиях свертывания гражданских свобод и конкретно разгрома старого ВЦИОМ — такая критика почти неизбежно воспринимается как нарушение солидарности: становится труднее провести четкую грань между личными и/или политическими нападками и научным диалогом. Проблема эта, связанная в том числе и с общим климатом нетерпимости ко всему, что отдает «идеями 90-х», усугубляется тем, что и многие либерально настроенные авторы поддерживают смешение этических, политических и профессиональных критериев. Лев Гудков даже возвел такое смешение в ранг программной установки⁴. Противникам либеральных и демократических ценностей (а ведь в российской социологии немало тех, кто определяет себя исключительно через такие политические категории, не соотнося с тем или иным научным подходом) в таких условиях легче отказаться от всякой содержательной критики.

Если в тексте Манфреда Заппера восхваление Левады как одновременно ученого и общественного деятеля вписывается в поиск морально стойких борцов с несправедным режимом

⁴ Согласно Гудкову, раскрытие собственных ценностных предпочтений позволяет вернуться к научной объективности в условиях отсутствия коллективных конвенций, способных такую объективность обосновать. Оценочные термины становятся аналитическими понятиями, потому что в них «зафиксирован опыт существования в условиях репрессивного режима». (Гудков Л. Предисловие автора // Он же. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 17; Он же. Метафора и рациональность. М. 1994. С. 12 и 278 след.)

(наподобие того, как за пределами России высказывания, например, Гарри Каспарова или покойной Анны Политковской могут восприниматься как истина в последней инстанции просто в силу их политической позиции), то в российском случае все сложнее. Научные институции (не только российские) испытывают вполне закономерную потребность в подчеркивании собственной легитимности и оригинальности через ссылку на уникальную фигуру отца-основателя. Поэтому в стремлении Льва Гудкова и других сотрудников Левада-Центра к систематизации и кодификации наследия Левады нет ничего удивительного: это позволяет обосновать претензию на теоретическую актуальность и закрепить за институтом особый статус — между социологией и общественной саморефлексией. Именно институциональное положение Левада-Центра позволяет осуществлять уникальное соединение социологии, социальной и культурной критики и присутствия в СМИ. Не будь ощущения угрозы, до сих пор сохранившегося после разгрома старого ВЦИОМа, возможно, посмертные отзывы коллег о Леваде были бы больше похожими на критические замечания о работах Пьера Бурдьё, высказанные после его смерти рядом его коллег и учеников⁵.

Остается ответить на вопрос, существует ли вообще в содержательном плане «школа Левады» и не является ли она конструкцией внешнего наблюдателя. Алексей Левинсон начинает свою статью о Леваде утверждением о том, что такой школы нет, а есть только группа сотрудников. Это неожиданное высказывание, ведь Гудков, Дубин и Левинсон в прошлом признавали себя учениками Левады⁶. Все они явно используют в качестве важных ориентиров в своей работе заданные Левадой теоретические рамки, а систематизирующими наследие учителя посмертными текстами, очевидно, встали на путь закрепления своего исследовательского коллектива в форме, которая соответствует даже довольно строгому определению «научной школы». Так, Фердинанд Колегар в 1974 г. определил «социологические школы» как «непрерывно работающие центры активности, ор-

⁵ P. Bourdieu. Sociologue / sous la direction de Louis Pinto, Gisèle Sapiro et Patrick Champagne; avec la collaboration de Marie-Christine Rivière. Paris: Fayard, 2004.

⁶ См., например: Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. От составителей // Левада Ю. Статьи по социологии. М. 1993. С. 5–12. Стоит ли уточнять, что, естественно, все они — гораздо больше, чем только ученики Левады? Но ведь то же самое можно сказать и о других упоминаемых мной социологических школах.

ганизованные вокруг признанных «мастеров» и занятые методичной разработкой и передачей их учений», констатируя, что к тому времени существовало всего пять таких школ: «школа Дюркгейма во Франции, Чикагская школа Парка и Берджесса в Соединенных Штатах, Франкфуртская школа в Германии, связанная с именем Флориана Знанецкого Познаньская школа в Польше и руководимая Арноштом Блахой Брновская школа в Чехословакии»⁷. На сегодняшний день можно продолжить список, добавив, например, социоанализ, сознательно разработанный Пьером Бурдьё именно как научная школа, или французский прагматизм, связанный с именами Люка Болтански и Лорана Тевено. От них следует отличать социологов, оказавших большое влияние на социальные науки своих стран как преподаватели, переводчики и/или теоретики, но не создавшие крупномасштабного, долгосрочного и коллективного исследовательского проекта вроде «Человека советского», творчество которых не стало предметом опытов систематизации наподобие тех, которым сейчас подвергается наследие Левады.

В этом смысле, насколько я понимаю, на советскую социологию гораздо большее влияние, чем Левада, оказали, например, ленинградцы Владимир Ядов и Андрей Здравомыслов, привнесшие в институциональное пространство американские исследовательские методы и обучившие несколько поколений социологов⁸. Но полузапрещенный и ставший легендарным семинар, развитие функционалистской теории модернизации и масштабный проект изучения «человека советского» сделали именно Леваду основателем школы в строгом смысле слова. При этом несущественно, был ли «основатель» сам заинтересован в разработке своих построений как «теории» и «учения». Судя по всему, Левада был полностью лишен такого интереса, и в его случае систематизация происходит по инициативе учеников. Даже при жизни Левады почти все издания его работ отдельными книгами были инициированы его более молодыми сотрудниками. В посмертных изложениях его идей, опубликованных сотрудниками Левада-Центра, полностью отсутствует критика даже

отдельных положений левадовской социологии, что позволяет говорить именно о кодификации.

Другая характерная черта, общая для группы Левады и семи упомянутых социологических школ, — однозначная установка на этическую направленность общественных наук, понимание социологии как инструмента критики и реформы общества — как правило, «своего» общества, социума своей страны. В этой связи имеет смысл обратиться к критериям рецепции российской социологии в других странах (опускаю здесь подробности о российском контексте, изложенные в немецком варианте статьи). Чтобы добиться международного признания, социологическое направление, особенно возникшее за пределами большой англоязычной, средней французской и маленькой немецкой научных метрополий, должно, прежде всего, соответствовать двум взаимосвязанным критериям. С одной стороны, необходим высокий уровень обобщения, т.е. абстрагирования от конкретного, чаще всего национального контекста, в котором почерпнут материал для исследований. С другой стороны, по содержанию и используемым когнитивным критериям это направление должно вписываться в интеллектуальную повестку дня «принимающей» страны.

Иначе говоря, чтобы быть прочитанной иностранными читателями, включая неспециалистов по России, российская работа из области гуманитарных или социальных наук либо должна быть посвящена парадигмальной для международной историографии Западной Европе (и сказать о ней что-то оригинальное), либо должна заниматься созданием как можно более абстрактной теории на другом материале. Решающим здесь может стать выбор в качестве материала такой эпохи, страны или темы, которая привлекает интерес обществоведов и историков вне зависимости от национального происхождения и считается основополагающей: позднее западноевропейское Средневековье, эпоха Возрождения, Французская революция, классический русский роман. Наиболее успешной «экспортной продукцией» русской гуманитаристики не случайно оказались формалисты, Михаил Бахтин и тартуско-московская школа семиотики — авторы, в силу различных причин разработавшие крайне абстрактный теоретический язык, оказавшийся «применимым» к самым разным контекстам.

Рассматривая российскую социологию с точки зрения этих закономерностей, можно попытаться объяснить трудности вписания работ Левада-Центра в международный диалог.

⁷ Kolegar F. Рецензия на кн.: Martin Jay: The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923–1950. Boston, 1973 // Contemporary Sociology. 1974. № 5. P. 395.

⁸ Напомним, что, как пишет Гудков, «ни у него, ни у сотрудников... не было серьезного опыта эмпирических социологических исследований». (Гудков Л. Социология Юрия Левады...).

Производимые им исследования общественного мнения цитируются иностранными авторами в тех случаях, когда оказываются востребованными такого рода количественные данные — причем, как правило, упоминаются отдельные результаты опросов (например, число поддержавших лозунг «Россия для русских»). Что же касается теоретических работ сотрудников Левады, то они интересуют прежде всего тех, кто пытается на максимально обобщенном уровне объяснить особенности российской действительности в негативно оценочном ключе, как патологии. Завоевать популярность у более широкой социологической аудитории им мешает то, что их тексты одновременно слишком локальны и слишком глобальны. Локальны потому, что их предметом становится российское общество и только оно, и они, очевидно, не очень заинтересованы в проверке и уточнении собственных концептуальных построений на материале других стран. Глобальны же потому, что общество это почти всегда рассматривается в целом, а его составляющие — элиты, интеллектуалы, государственные институты вроде армии и школы — изучаются (пусть даже очень подробно и масштабно) постольку, поскольку они выполняют некую функцию в развитии общества в целом. Такой макросоциологический и почти что телеологический в своем функционализме подход контрастирует с «теориями среднего уровня», задающими тон, например, в современной англоязычной социологии. Последние стремятся при помощи точечных исследовательских программ проверять локальные гипотезы о конкретных общественных явлениях, отказываясь от потенциально всеобъясняющих теорий наподобие «модернизационной». Для того же, чтобы на рынке мирового научного внимания конкурировать с такими макротеоретиками, как Энтони Гидденс, Чарльз Тилли, Ульрих Бек, Пьер Бурдьё или Люк Болтански, Леваде и его школе все же недостает как претензии на планетарный охват, так и оригинальности теоретических построений, по сравнению с такими классиками, как Толкотт Парсонс. В известном смысле это судьба большинства обществоведов в западных странах: не располагая ресурсами для изучения собственного общества как всего лишь отдельного «кейса», им легко поддаться искушению опровергнуть применимость глобальных, «западных» теорий к собственному, совсем особому случаю. В этом смысле в российских дебатах о (не)возможности использования «их» понятий просто находит свое специфическое выражение обще-

мировая проблема институциональной асимметрии. К этому (опять же, не только в России) добавляется слабость «своих» теоретических дискуссий, без которых вряд ли возможна полноценная рецепция за границей.

В России вновь и вновь можно услышать жалобы на невозможность здесь «настоящей» теоретической дискуссии в гуманитарных и социальных науках. Александр Филиппов регулярно утверждает, что спор о методе и теории здесь невозможен, потому что социальных наук в России просто нет⁹. Николай Копосов констатирует, что такие дискуссии иногда возникают, но в большинстве случаев «сводятся к обмену резкостью»¹⁰. Он это положение вещей объясняет «структурной деформацией отечественной культуры». Лев Гудков в связи с отсутствием содержательного обсуждения работ Левады сетует на «интеллектуальную неспособность социологического сообщества к рецепции сложных идей или на невозможность в России критической дискуссии, на бессмысленное следование интеллектуальным модам, эпигонство и т.п.»¹¹

Действительно, такие дискуссии по-прежнему остаются рискованным делом — достаточно привести пример увольнения из Института социологии РАН Александра Бикбова за публикацию критической статьи о генезисе российской социологии¹². Характерно, что споры о состоянии социологии зачастую ведутся не в профессиональных журналах, а в «общеинтеллектуальных» изданиях вроде «Логоса» или «НЗ» — гонорарных и относительно нейтральных по отношению к сложившимся школам, группам и институтам. Однако мне представляются неудовлетворительными эссенциалистские объяснения нехватки дискуссий «деформацией культуры» или первородным грехом «homo sovieticus». Гораздо убедительнее указание на институциональные факторы и, в частности, бедность (в прямом смысле) российских обществоведов: работая одновременно в трех-четыре исследовательских проектах и/или преподавая сразу в нескольких университетах, мало кто может себе позволить вести спо-

⁹ См.: Филиппов А. Теоретическая социология // Теория общества. Под ред. А.Ф. Филиппова. М. 1999. С. 7–33; Он же. Спор о методе невозможен // Неприкосновенный запас. 2004. № 3. С. 41–45.

¹⁰ См.: Иоффе Д. Философия от истории или Филология от социальной хабикулогии? [Беседа с Николаем Копосовым]. www.netslova.ru/ioffe/koposov.html.

¹¹ Гудков Л. Социология Юрия Левады... С. 8

¹² Бикбов А., Гавриленко С. Российская социология: автономия под вопросом // Логос. 2003. № 1, 2.

койные теоретические дискуссии или подробно реагировать на тексты коллег¹³. К тому же содержательная критика зачастую приравнивается к соперничеству за деньги фондов. В такой атмосфере содержательные разногласия зачастую остаются невысказанными — не дай бог, они будут восприняты как личное нападение. Так, коллеги моего поколения в частных беседах нередко жалуются на излишнюю, по их мнению, публицистичность текстов Левада-Центра или их теоретическую неудовлетворительность, но мне как редактору пока ни разу не удалось подвинуть кого-либо из них на письменное изложение подобных сомнений. В этих условиях проще говорить о великом моральном авторитете Левады, чем реагировать на его тезисы.

Такая ситуация способствует своего рода интеллектуальному солипсизму: собственные концепции редко удается оттачивать в споре с коллегами, находящимися за пределами собственного круга. Адресат социологических текстов остается неопределенным: вместо разговора с конкретным собеседником мы имеем (зачастую весьма резкие) обращения к «русской публике» или «социологическому сообществу». Наконец, постоянная «текучка» приводит к тому, что вместо монографий чаще всего появляются сборники. Это сильно осложняет в том числе и осмысление теоретических основ работ Левада-Центра, ни разу не изложенных в подробной и связной монографической форме. Поэтому позволю себе вкратце изложить некоторые противоречия этих методологических основ, какими они мне представляются на основе чтения текстов разных лет. Мое изложение не претендует на систематичность, однако выделенные ниже элементы «теории Левады» встречаются в стольких статьях разных лет и разных авторов его круга, что их вполне можно воспринимать как константы.

Цивилизационный дискурс и российская самобытность. Стержнем «левадовского метода» стала идея о «советском человеке» как «культурно-антропологическом типе». Это понятие позволяет Леваде навести мост между своими теоретическими текстами и эмпирическим изучением общественного мнения. Однако определение, а тем самым и методологическая функция «*homo sovieticus*» изначально является неоднозначной. То эта кон-

струкция призвана служить исследователю своего рода идеальным типом, то он представляется (также идеал-типическим) «нормативным ориентиром» из перспективы самого общества. «... Человек советский, — пишет Левада, — не просто пропагандистский феномен. Он приобрел черты универсально значимого идеального типа, характерные черты которого определились в зрелый, “классический” период советского развития (примерно, в 30-е — 50-е годы)»¹⁴. В этом отношении «*homo sovieticus*» предстает преемником «человека революционного»¹⁵ и предшественником «человека постсоветского»¹⁶. Иногда «человек советский» описывается как выражение культурной самобытности российско-советской цивилизации и сравнивается с «человеком Эллады и человеком Рима, человеком французского классицизма и человеком современного западного (европейски-американского) мира»¹⁷. Порой же он ставится в один ряд с такими транснациональными и надвременными типами, как «авторитарная личность», возникшими как когнитивные конструкции, но не понимаемые их авторами как сознательно принятые обществом идеал-типические образы поведения.

В отличие от исследований авторитарной личности, доля «*homo sovieticus*» среди населения не устанавливается эмпирически¹⁸: общество заведомо объявляется складывающимся на основе данного «антропологического типа». Предметом эмпирического исследования, таким образом, становится не вопрос о существовании и относительном значении, «удельном весе» этого типа, а всего лишь его конкретные контуры. Определение «человека

¹⁴ Левада Ю. Советский человек и западное общество: проблема альтернативы // Он же. Статьи по социологии. М. 1993. С. 177–178.

¹⁵ Там же. С. 179.

¹⁶ Гудков Л. Социология Юрия Левады...

¹⁷ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 6.

¹⁸ В этом ничего не меняет и указание на то, что, «согласно нашим опросным данным, значительная часть населения Союза СССР осознавала себя прежде всего как “советские люди”» (Левада Ю. Советский человек и западное общество... С. 183), поскольку «советский человек» как «антропологический тип» в данных построениях представляет общество в целом: других типов просто нет. Левада указывает на то, что доминирующим может стать и мнение меньшинства, если оно навязывается большинству как образец (См.: Советский простой человек... С. 7). Механизмом такого внедрения миноритарных оценок в теории Левады служит сознательное стремление «*homo sovieticus*» к посредственности, его приспособленчество. Но остается непонятным, зачем такое стремление абсолютизировать, объявляя его атрибутом некоего «антропологического типа».

¹³ Соколов М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной» науки // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2008. № 1. В печати.

советского» укоренено в цивилизационном дискурсе, постулирующем особую роль Советского Союза (России). Это примечательно хотя бы потому, что подобный цивилизационный дискурс в российских дискуссиях обычно — но, как видим, необоснованно — ассоциируется с националистическими позициями либо с далекой от эмпирических исследований историософией.

Таким образом, концепция Левады изначально испытывает напряжение между идеал-типом и эмпирикой. Если человек советский — это идеал-типическая конструкция, общественный ориентир, то как он может обладать собственным «сознанием», поддающимся эмпирическому исследованию?¹⁹ Складывается впечатление, что мы имеем дело с некоторой рационализацией метода количественного изучения общественного мнения, ставшего доступным команде социологов-теоретиков: единственный предмет, поддающийся изучению методами демоскопии, возвышается, становясь атрибутом некоего «антропологического типа».

Понятие тоталитаризма призвано разрешить это противоречие, представляя советское общество парадигматическим, но географически локализованным «случаем» определенной структуры сознания и поведения. «По мысли Левады, — пишет Гудков, — этот тип человека должен находиться в ряду таких моделей, как "человек играющий", "человек экономический", "авторитарная личность" и т.п., а не этнических образов или характеров, поскольку этот тип имеет парадигмальное значение для целых эпох незападных вариантов модернизации и разложения тоталитарных режимов»²⁰.

Такое концептуальное соединение национально-специфической и транснациональной моделей проблематично, поскольку исходит из наличия на Западе разнообразия личностных структур, в то время как в советском/россий-

ском случае постулируется доминирование некоей единой модели. В любом случае подобный подход требует проведения сравнительных исследований. Если «*homo sovieticus*» действительно представляет весь незападный мир, по крайней мере «тоталитарную» его часть, то это (ключевое для всей конструкции) утверждение следует доказать эмпирическим путем. Однако подобных компаративных исследований, насколько мне известно, «школа Левады», вопреки ей же сформулированному требованию²¹, так и не произвела. Сотрудники Левада-Центра изучили самые разные аспекты российского общества, но не вышли за его рамки. Попытки вписать российский «случай» в международный ряд, как правило, делаются лишь в сносках и кратких отступлениях, оставаясь на удивление общими. В отличие от многих российских коллег, в данном случае россиецентричность исследовательской перспективы трудно списать на ограниченный горизонт авторов этих текстов. Стоит ли напомнить, что Юрий Левада посвятил свою первую социологическую работу Китаю, Алексей Левинсон и Леонид Седов по специальности — историки Юго-Восточной Азии, Лев Гудков — блестящий знаток германской социологии, а Борис Дубин — один из наиболее продуктивных в России переводчиков и критиков восточно- и западноевропейской литературы? И, тем не менее, почти все, что они (в контексте разговора о российском обществе) пишут о других странах, сводится к подчеркиванию уникальности России²². Так,

²¹ Там же: «Другим [теоретико-методологическим] требованием было помещение рассматриваемого явления в нескольких социальных пространствах — соотношения центра и периферии (их различного функционального значения), России и ближнего зарубежья, России и западноевропейских стран, России и США, России и ООН, внутрисоветских и мировых событий и т.п.» Характерно здесь то, что в качестве элементов для сравнения опять же названы только бывший Советский Союз, Запад или же весь мир, но не упомянуты западные страны, хотя по теории Левады они наряду с Россией должны рассматриваться как общества «запоздалой модернизации», придающие концепции «человека советского» универсальное значение.

²² Отдельные «международные» наблюдения озвучивает Алексей Левинсон, сравнивая Россию с Индонезией («...Меня занимает внешняя сторона вещей». www.nir.ru/sj/sj2-02lev.html). Он же вкратце обращается к другим азиатским странам в статье «Демография террора» (Неприкосновенный запас. 2002. № 5. С. 45–50). Гудков особенно интересуется параллелями между Россией и Германией (см. в особенности статью «"Тоталитаризм" как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия» // Гудков Л. Негативная идентичность... С. 362–446). Однако эти попытки сравнения остаются изолированными или фрагментарными и отступают на задний план, по сравнению с подчеркиванием особого статуса России. Мне неизвестны какие-либо исследования Левада-Центра, посвященные изучению хотя бы других постсоветских стран со степенью детализации, сравнимой с текстами о России, или хотя бы ссылки на подобные исследования других авторов

¹⁹ В этом отношении крайне любопытен рассказ Бориса Грушина о сознательном отстаивании понятия «массовое сознание» группой исследователей общественного мнения из Института конкретных социальных исследований в противовес официальной марксистско-ленинской догме о верховенстве сознания классового. (Грушин Б. Генеральный проект «Общественное мнение» (ПОМ). Институт философии и ИКСИ АН СССР (1967–1974) // Вестник общественного мнения. 2006. № 55–62). Вопрос в том, что делать с этим понятием в условиях, когда отпала необходимость борьбы с марксистским подходом: теперь проблематичной представляется сама (унаследованная от отвергнутого подхода) идея наличия общего «сознания» у некоего, пусть меняющегося по составу, коллектива людей. Характерно, что широкое распространение в научной литературе (а не эзотерике) это понятие, насколько мне известно, получило только в посткоммунистических странах.

²⁰ Гудков Л. Социология Юрия Левады...

Левада пишет: «Конечно, процессы модернизационного типа, особенно в условиях поздней модернизации, нигде не свободны от осложнений и трансформаций (недавние примеры — мусульманские общества Ближнего и Среднего Востока)». Однако, продолжает он, «на этом фоне Россия отличается масштабами инертной массы и многообразием конструкций парадигмы противостояния»²³. Трудно поверить, что это утверждение основано на подробном изучении хотя бы тех же мусульманских обществ, парадигмы антизападничества в которых при пристальном взгляде обнаруживают удивительное богатство.

Потому вряд ли стоит удивляться тому, что Дубин и Гудков в своих текстах о России прибегают к шпенглеровскому понятию «псевдоморфофаза»²⁴, постулирующему абсолютную взаимную непроницаемость цивилизаций²⁵. Вполне закономерно и то, что все вышеперечисленные авторы говорят о «западном обществе» в единственном числе, противопоставляя его России. Последняя же не ставится в один ряд с другими незападными обществами, или, по крайней мере, делается это далеко не последовательно. Лев Гудков даже возводит это традиционное противопоставление в ранг методологического принципа, объявляя — правда, с серьезными оговорками — подходы западных социальных наук неприменимыми к России²⁶.

в любых других «незападных» странах. Известным исключением можно считать статьи Бориса Дубина о восточноевропейском идентитарном дискурсе, которые, однако, относятся скорее к области истории литературы (см., например: Дубин Б. Европа — «виртуальная» и «другая». Глобальное и локальное в самоидентификации восточноевропейских интеллектуалов после Второй мировой войны // Он же. Интеллектуальные группы и символические формы. М.: Новое издательство, 2004).

²³ Левада Ю. Советский человек и западное общество... С. 181.

²⁴ Например: Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма. Почему в нем отсутствует мобилизующее, модернизационное начало // Pro et contra. 2005. № 2. С. 11; Дубин Б. Война, власть, новые распорядители // Интеллектуальные группы...

²⁵ Шпенглер заимствовал это понятие из минералогии, где оно применяется к горным породам, приобретающим облик другой породы, не меняя при этом своей внутренней структуры. В «Закате Европы» он назвал Россию главным примером цивилизации, перенявшей западные формы лишь внешне: возможность изменения внутренней «цивилизационной» сути для него была заведомо исключена. Интересно, что мода на национал-консерватора Шпенглера, характерная для России начала 1990-х и во многом сформировавшая впоследствии «культурологию», не прошла и мимо авторов, противоположных ему как по идеологии, так и по исследовательской перспективе.

²⁶ См.: Гудков Л. Предисловие автора // Он же. Негативная идентичность. С. 5–6. Автор здесь проводит различие между понятиями, имеющими «фантомный и идеологический характер» (к которому он относит, например, «стратификацию» и «средний класс») и «более эффективными» понятиями (такими, как аномия и монополия на наси-

При последовательном применении такого принципа российская самобытность становится едва поддающимся фальсификации символом веры. И действительно, почти каждое указание на сопоставимость России с другими странами по тем или иным конкретным параметрам отмечается со ссылкой на несущественность такого сравнения для целого. Такая позиция неизбежно сопряжена с идеализацией «Запада» как царства «нормы», выступающего эталоном для России²⁷. Интересно, что наиболее пронизательную критику подобного подхода можно найти у самих обсуждаемых авторов. Так, Левада пишет: «...Мифологема противостояния "Запада" и России по определению претендует на то, чтобы быть абсолютной, универсальной, неизменной. Как и любая иная мифологема, она не исходит из эмпирического материала, но накладывается на него и тем формирует культурный код восприятия реальности»²⁸. Как подчеркивает Левада, это относится и к тем, кто отказывается воспринимать отношения с Западом как конфронтационные: «Либеральные и прочие модернизаторские течения, вплоть до новейших, отстаивая идею разнообразия исторического развития, прогресса, общечеловеческих ценностей и т.д., тем не менее, оказывается в зависимости от того же культурного кода, воспроизводя в своих концепциях схемы противостояния в трансформированном и "разбавленном" благими намерениями виде»²⁹.

Гудков с откровенностью, заслуживающей самого высокого уважения, пишет об интеллектуальной атмосфере 1970-х и 80-х гг., в которой (и в противовес которой) возникла его наиболее сложная теоретическая работа:

лие). Тем не менее главным аргументом против применения отвергаемых понятий остается их западное происхождение. При этом утверждение автора о том, что «западные» понятия возникли в «нормальных обществах» Запада, вряд ли является оправданным: достаточно указать на центральное для возникновения «западных» понятий значение этнографических, культурно-антропологических и исторических работ Бенедикта Андерсена, Пьера Бурдьё, Клиффорда Гирца или Эрнеста Гелнера, посвященных Северной Африке или Юго-Восточной Азии. Вряд ли «инакость» этих регионов так уж сильно уступает российской. Да и такие понятия, как «средний класс», в некоторых случаях оказались вполне продуктивными для описания процессов деколонизации или революций в «незападных» странах.

²⁷ Обоснованию различия между Россией и «нормальными» странами служит и теория Бориса Дубина о перманентном чрезвычайном положении, о «чрезвычайном» как «привычном». См.: Дубин Б. О привычном и чрезвычайном // Интеллектуальные группы...; Он же. Война, власть...

²⁸ Левада Ю. Человек советский... С. 180.

²⁹ Там же. С. 181.

«Вся умственная работа в интеллигентских кругах укладывалась в рамки невротического сравнения своей реальной жизни и смутно представляемой, но казавшейся разумной и упорядоченной жизни "там", в "нормальном обществе". При этом одной отказывалось в осмысленности и полноте (это была отложенная жизнь, пребывание вне событий), другая, напротив, обретала признаки идеальности, плодотворности, рафинированности переживаний и мыслей»³⁰.

Эта идеализация, как мне кажется, так и осталась непреодоленной в социологии Левады и его сотрудников, в том числе и потому, что «Запад» как идеал-типическая конструкция остается главным ориентиром их аналитической работы и продолжает восприниматься как «нормальное общество», т.е. как абсолютная норма³¹. Задачей социологического анализа в таком случае становится доказательство недо-модернизации России, давая ей разглядеть саму себя в зеркале «homo sovieticus».

Одним из проблематичных последствий данной позиции становится осложнение международной научной коммуникации. По только что описанной логике социальные исследования в России проводятся не с целью проверить понятия универсальных социальных наук на прочность, совершенствовать их, опираясь на полученные эмпирическим путем результаты и впоследствии возвращать в оборот теоретической дискуссии. Напротив, речь идет о науке о России и для России, адресатом которой является не международное социологическое сообщество (естественно, существующее в значительной мере как идеал), а российское общество. Такому представлению в точности соответствует постулат Бориса Дубина о том, что «любой серьезный социологический проект, включая концептуальные разработки самого высокого уровня абстракции, всегда обращен к окружающему социолога обществу и к его настоящим сегодняшним проблемам»³².

Подобное же представление побуждает Алексея Левинсона назвать Леваду «совестью нации»³³; оно же обуславливает раздражение Гудкова и Дубина «интеллектуальным сообществом», неспособным адекватно воспринять их дискурс³⁴. Иными словами, пусть не научное,

а более широкое (т.е. не профессионально социологическое) «интеллектуальное» сообщество внутри страны является более значимым адресатом, чем сообщество коллег-профессионалов, но транснациональное.

Конечно же, в подобном восприятии социальных наук как средства критики своего общества нет ничего специфически российского — в той или иной степени оно распространено во всем мире. Однако оно ставит под вопрос статус «homo sovieticus» как «антропологического типа», имеющего универсальное теоретическое значение. К тому же такая социология, которая обращается в первую очередь к собственной стране, закономерно вызывает ограниченный интерес у иностранных коллег. Этим, похоже, обусловлен тот факт, что теоретические тексты Левады, Дубина и Гудкова за пределами России востребованы прежде всего в контексте стремления объяснить загадочную «особость» России, но не в более отвлеченной социологической дискуссии.

Функционализм и западные образцы. Насколько удастся судить по основным теоретическим текстам, «левадовский» подход основными своими чертами обязан структурному функционализму, укорененному в американской теории модернизации 1950-х гг.³⁵ Леваде интересен макроуровень, общество в целом, а компонентами последнего являются социальные группы (такие, как элиты, интеллигенция) или подсистемы. Эти группы исследуются на предмет того, разрабатывают ли они «ценности» и «ориентиры», становящиеся образцами для других групп. Признаком развитого или «модернизированного» общества являются, с одной стороны, высокий уровень функциональной дифференциации между разными группами и, с другой стороны, преобладание ценностей, считающихся «современными» и «продвинутыми»: в самом широком смысле это универсализм, ориентация на успех и специализация.

Толкотт Парсонс, воспринимаемый и выступающий к тому времени как классик функционализма, активно обсуждался в советской

³⁰ Гудков Л. Метафора и рациональность. М., 1994. С. 6.

³¹ Об этом же пишет Соня Марголина в статье из цикла текстов о Леваде в журнале «Osteuropa». См.: Margolina S. Dialogstörung als Norm. Levada & Co. als einsame Rufer in der Wüste // Osteuropa. 2008. № 1. P. 9.

³² Дубин Б. От традиции... С. 238.

³³ См.: Левинсон А. Держатель нормы...

³⁴ Например, см.: Гудков Л. Социология Юрия Левады...

³⁵ Именно так еще в советское время Леваду воспринимали американские социологи. К примеру, Х. Кент Гейгер в своей рецензии на сборник работ советских социологов писал: «В теоретической части американских читателей впечатлит (или озаботит — у кого какие пристрастия) концептуальная виртуозность, продемонстрированная Юрием Левадой в статье о "социальной структуре", предлагающей функционалистское описание на уровне обобщения, сопоставимом с Парсонсом или Эйзенштадтом». Geiger H.K. Рецензия на кн.: Murray Yanowitch, Wesley A. Fisher (eds.): Social Stratification and Mobility in the USSR. White Plains/N.Y., 1973 // Contemporary Sociology. 1975. № 2. P. 163.

социологии 1960-х гг., в чем, очевидно, не последнюю роль сыграл Юрий Левада. Сам Парсонс был весьма заинтересован в контактах с Советским Союзом, поскольку считал его «модернизацию» (главным образом посредством бюрократизации и индустриализации) признаком конвергенции с Соединенными Штатами³⁶. В 1964 и 1967 он посетил СССР и выступал на семинаре Левады.

Повторяю, что я не специалист по истории советской идеологии, но счел нужным указать на роль Парсонса и других теоретиков модернизации, поверивших в сближение СССР и США, поскольку они позволяют вписать метод Левады в международный и советский контекст. Проект изучения «человека советского» в какой-то степени был советским кейс-стади, продолжающим «модернизационные» проекты вроде «Становления современного человека» Алекса Инкельса и вместе с тем не представлял собой радикального разрыва с советскими общественными науками. Последние еще с 1960-х гг. пытались при помощи количественных исследований изучать формирование (городской) советской идентичности и, соответственно, растворение старых — этнических и социальных — форм самоидентификации. Иными словами, обществоведы пытались эмпирическим путем проверить на соответствие реальности официальные идеологические декларации³⁷. Интеллектуальному оплодотворению американской социологией 50-х и 60-х функционализм левадовского типа обязан как минимум двумя характерными чертами: отсутствием систематического интереса к специфике микроуровня общества и продолжающейся идеализацией Запада.

Американская социология, по крайней мере, с начала 1960-х гг. пыталась высвободиться из смиренной рубашки «системы Парсонса», рассматривающей индивидов прежде всего как более или менее успешных носителей нормативно определяемой роли. Разнообразие и

неопределенность человеческого действия подчеркивали, в первую очередь, исследования Эрвина Гофмана по социальному взаимодействию в повседневных ситуациях, не порывая при этом полностью с верой Парсонса в заданные обществом роли³⁸. Похожие соображения, пусть во фрагментарной форме, изложены в статье Левады «Игровые структуры в системах социального действия»³⁹, которую сам он объявил своим главной теоретическим текстом. Кратко говоря, Левада писал о том, что действия, имеющие «игровую» структуру, создают своего рода пространство свободы, внутри которого общесоциальные нормы могут по-разному сопрягаться с прагматическими мотивами, предоставляя, таким образом, выбор между разными путями смыслообразования и различными возможностями действия, каждая из которых может быть воспринята как рациональная.

Однако подобное уточнение функционализма остается заявкой, поскольку не сопряжено с эмпирическим изучением реальных микросоциологических ситуаций, а просто постулирует наличие определенных игровых структур в советском обществе, точнее, выводит их из собственного опыта или же из результатов опросов общественного мнения. О сложности человеческого действия, не поддающейся статистическому подсчету, этот метод не способен сказать ничего особо «научного»: ведь действия людей определяются множеством факторов, помимо звучащих в специфической ситуации опроса высказываний о собственных мотивациях и ценностях. Но эти факторы остаются в «мертвом углу» социологического зеркала, отображающего лишь макросоциальные трансформационные процессы⁴⁰. Таким образом, метод, которому авторы ставят в заслугу «твердую» эмпирическую базу, оказывается именно как метод достаточно бедным, поскольку питается только из источника опросов общественного мнения, скудность которого компенсируется (внушительным, но не производным от используемого метода) богатством воображения и жизненного опыта толкователей. Собственный жизненный опыт становится источником

³⁶ Об этих контактах см.: *Engerman D.C.* To Moscow and Back. American Social Scientists and the Concept of Convergence // Nelson Lichtenstein (ed.): *American Capitalism: Social Thought and Political Economy in the Twentieth Century*. Philadelphia 2006. P. 47–68. — С российской точки зрения (очевидно, с неточностями): *С. Белановский* [интервью]: «Юрий Левада прожил долгую и богатую событиями жизнь. Он был одним из первых социологов советского поколения и прославил себя в области социологической теории» // *Русский журнал*. 17.11.2006. www.viperson.ru/wind.php?ID=397403&soch=1.

³⁷ Среди прочих здесь можно назвать и некоторые работы НИИ Культуры при Министерстве культуры РСФСР, и зарождавшуюся с начала 1970-х гг. в Институте этнографии «этносоциологию».

³⁸ *Goffmann E.* Interaction Ritual. Essays in Face to Face Behaviour. Chicago, 1967.

³⁹ *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993. С. 99–119.

⁴⁰ Так, для объяснения соответствия опросных данных официальным результатам думских выборов в таких регионах, как Ингушетия, где выборы, очевидно, не были честными, Борис Дубин вынужден прибегнуть к весьма огрубленному понятию «приспособление». См.: *Babich D.* Suspiciously Accurate // *Russia Profile*, 21.2.2008. www.russiaprofile.org/page.php?pageid=Politics&articleid=a1203604061.

«типичных» примеров, иллюстрацией и подтверждением которого воспринимаются количественные данные⁴¹. Именно поэтому авторы «школы Левады» постоянно прибегают к «репрезентативным» случаям, цитатам и персонажам, именно этим обусловлены бесконечные перечисления с «и т.д., и т.п.», особенно в текстах Льва Гудкова и Бориса Дубина.

По той же причине поколенческий фактор в восприятии «левадовских» работ играет гораздо большую роль, чем следовало бы ожидать, исходя из заявки на «количественную» объективность. Ведь еще одной особенностью является уже упомянутый взгляд на «Запад» как постоянный ориентир и точку сравнения. Эта установка, конечно же, вырастает из опыта поколений, социализированных в советское время. Теоретическое же обоснование он получает опять же через американскую теорию модернизации, определившую якобы торжествующую во всем мире «современность» через идеализированное описание общества Соединенных Штатов 1950-х гг.⁴². И действительно, США, особенно непосредственно послевоенных десятилетий, в текстах Левады и его сотрудников регулярно выступают своего рода нормативной планкой для оценки России: так, например, Левада для классификации стратификационных процессов обращается к классическому исследованию супругами Линд «анонимного» американского города «Миддлтаун», опубликованного в 1929 г. (!).

Дубин противопоставляет скудость, по его мнению, литературных и интеллектуальных журналов в постсоветской России с их разнообразием в США 1960-х гг. При этом он умалчивает о том, что кризис данной формы периодического издания сегодня в Германии или Соединенных Штатах отмечается отнюдь не реже, чем в России, и не обсуждает различия между, с одной стороны, географически централизованными издательскими ландшафтами таких стран, как Франция или Россия, и, с другой, децентрализованными пространствами США или Германии⁴³. Гудкову, в свою очередь,

США служат нормативной планкой для критического анализа российского высшего образования⁴⁴.

Роль, аналогичную статусу США как воплощению современного общества, в области этики и в особенности преодоления тоталитаризма играет (Западная) Германия⁴⁵. Однако и в том, и в другом случае речь идет не просто о сравнении России с какой-то одной другой страной: поскольку Левада и его сотрудники исходят из существования единого западного общества, любая позитивная черта, наличествующая где-нибудь на Западе, записывается на счет всего западного общества. К примеру, участие Хосе Ортега-и-Гассета в западноевропейской дискуссии об этическом значении Второй мировой войны позволяет Гудкову и Дубину рассматривать его наряду с Теодором Адорно, Карлом Ясперсом и Жан-Полем Сартром как доказательство большей этической зрелости послевоенного «Запада», по сравнению с постсоветской Россией, хотя испанское общество тех лет вряд ли представляет собой образец стремительного осмысления и преодоления авторитарного прошлого⁴⁶.

Таким образом, России приходится состязаться не с одним «конкурентом», а со всеми сразу, а такой вызов любой отдельно взятой стране заведомо не по плечу. Такая перспектива заставляет игнорировать позитивные изменения в отдельно взятых областях, поскольку от них целое не приближается к идеалу. В результате развитие общества рассматривается не как набор пересекающихся сфер и уровней действия, а (метафорически и антропоморфно) как выбор определенного «пути». В таком случае, естественно, помимо якобы единого «западного» пути, остается только (очевидно тупиковый) «собственный» путь. Подобная перспектива также осложняет восприятие работ Левада-Центра международным социологическим сообществом, которое, хоть и интересуется наследием советских образцов поведения, все меньше изучает общественные системы отдельно взятых государств и «пути развития» и все больше — глобализацию и транснационализацию.

⁴¹ Это всегда происходит при интерпретации статистического материала и, в частности, при первичной классификации «сырых» опросных данных, как экспериментальным путем доказали Люк Болтански и Лоран Тевено, см.: *Boltanski L., Thévenot L. Finding One's Way in Social Space: a Study Based on Games // Social Science Information. 1983. № 4–5. P. 631–680.*

⁴² См.: *Gilman N. Mandarins of the Future. Modernization Theory in Cold War America. Baltimore, 2004; Behrmann G.C. Globale Modernisierung – Ein American Dream? // Welttrends. 2004. № 44. S. 86–99.*

⁴³ См.: *Дубин Б. Интеллектуальные группы...*

⁴⁴ См.: *Гудков Л. Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Он же. Негативная идентичность... С. 687–736.*

⁴⁵ См.: *Гудков Л. Тоталитаризм...*

⁴⁶ Здесь я ссылаюсь на совместное выступление Льва Гудкова, Бориса Дубина и Алексея Левинсона на московских Банных чтениях 2 апреля 2005 г., озаглавленное «Молитва перед зеркалом: к структуре и функциям российского интеллектуального канона».

Заключение. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в настоящей статье я рассмотрел только некоторые из (ключевых, как мне кажется) аспектов «макротеоретического» обоснования работ «школы Левады». Мои замечания вовсе не отменяют исключительной ценности того огромного множества конкретных исследований, проведенных «под шапкой» проекта «Человек советский» или смежных проектов, таких, как недавнее исследование российских политических элит. Они также не имеют ничего общего со звучащими иногда со стороны «качественников» призывами объявить всю количественную социологию (или конкретно

опросы общественного мнения) «вне закона». Однако мне представляется полезным задаться вопросом, насколько для обоснования ценности этих результатов необходима та теория, которую можно получить путем «систематизации» наследия Левады. Вполне возможно, что ключом к наиболее плодотворному развитию этого наследия может стать именно отказ от теоретических схем наиболее высокого уровня обобщения. В любом случае мне кажется, что после появления множества некрологов и мемуарных текстов уже пора перейти к содержательной дискуссии. Юрий Левада это заслужил.

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ЖИЗНИ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ, ГДЕ В 70-е-80-е ГОДЫ ОНА БЫЛА ЛУЧШЕ... (в % к числу опрошенных)

	В СССР		На Западе		На одном уровне		Затруднились ответить	
	2000	2008	2000	2008	2000	2008	2000	2008
Система образования	70	66	14	11	4	8	12	16
Система здравоохранения	56	52	28	23	3	8	13	17
Система трудоустройства	78	61	11	14	3	8	9	17
Социальное обеспечение	51	44	29	28	3	8	17	20
Положение в области науки	64	55	16	14	6	14	14	18
Положение в области культуры и искусства	61	54	16	14	6	13	15	19
Положение в области соблюдения гражданских прав	35	29	41	37	4	10	20	24
Жизнь простых людей в целом	49	38	29	30	6	10	16	23

N=1600

Татьяна ВОРОЖЕЙКИНА

Ценностные установки или границы метода?

Современная социальная наука в России унаследовала от своей советской предшественницы ее важнейший изъян — уход от анализа, в том числе теоретического, важнейших проблем социетального развития страны: типа государства и его трансформации, характера власти и правящих групп, механизмов и типа социальной интеграции, характера социальных отношений, типа экономического развития и его взаимосвязи с развитием социальным и политическим и т.п. За двадцать лет, прошедших с начала реформ (и формальной отмены научной цензуры), в стране появилось очень мало теоретических работ, авторы которых пытались бы осмыслить причины провала реформ и объяснить очередной срыв попыток модернизации российского общества. Важнейшими и наиболее серьезными из тех немногих усилий, которые предпринимаются в этом направлении, мне представляются работы Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина. Посвященные как общим проблемам социального и политического развития, так и отдельным его аспектам (институтам, культуре, морали, средствам массовой информации, праву и правоохранительной практике, повседневности), эти работы создают целостную картину нынешнего российского «общества», его трансформации и неизменности его социокультурных и исторических оснований. Эта картина опирается на столь же целостную теоретическую концепцию авторов, которая представляется наиболее глубокой и плодотворной из известных мне попыток объяснения происходящего.

Концепция Гудкова и Дубина, будучи очень убедительной (и привлекательной) как внутренне непротиворечивая теоретическая схема, все блоки и компоненты которой плотно пригнаны и взаимно объясняют и подкрепляют друг друга, не является, конечно, бесспорной. В данной статье я попытаюсь поставить некоторые ключевые вопросы и высказать сомнения или несогласие по ряду общих положений концепции¹.

¹ Свое несогласие по более частным проблемам, таким, как оценка политических институтов, складывавшихся в России в 1990-е гг., и отношение к процессам самоорганизации в гражданском обществе, я сформулировала в другом месте. См.: *Ворожейкина Т.* Несбывающаяся политика. // Отечественные записки. № 6. 2007. С. 29–40; *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности // *Pro et Contra*. Vol. 12 (2–3). 2008. Март–июнь. С. 6–23.

Не претендуя, естественно, на сколько-нибудь полную ее критику, я думаю, что обсуждение идей Гудкова и Дубина, могло бы положить начало дискуссии по узловым проблемам российского развития, благо их концепция задает высокий теоретический уровень и дает первоклассный материал для такого обсуждения.

Разложение тоталитаризма. Центральным звеном (исходным пунктом) теоретической схемы, предложенной Гудковым и Дубиным, является идея разложения тоталитаризма как теоретическая рамка для понимания и объяснения процессов, происходящих в российском социуме на протяжении последних десятилетий. «То, что происходит, — отмечает Л.Д. Гудков, — правильнее было бы описывать как *разложение* советской тоталитарной системы и отпадение от прежней жесткой централизованной структуры контроля и управления целых областей социальной жизни — процесс, который, предположительно затянется на два-три поколения»². При таком подходе распад советской системы выглядит не как ее радикальная трансформация и/или реформирование в конце 1980 — первой половине 1990-х гг., а как результат «действия длительных тенденций децентрализации тоталитарного режима и невозможности воспроизводства (при ограничении массового террора и сужении зоны номенклатурного контроля над социальной структурой и мобильностью) его ключевых институтов, прежде всего *организации власти и ее передачи от одной группы к другой*»³.

Процесс разложения (в отличие от трансформации) развивается при сохранении центральных символических структур власти как главного, по словам Ю.А. Левады, «осевого» общественного института⁴. «Основные институты, — структуры власти, армия, суды, прокуратуры, политическая полиция, системы образования и пр. — сохранились или очень мало изменились по своей принципиальной органи-

² *Гудков Л.* Итоги путинского правления // *Вестник общественного мнения*. 2007. № 5. С. 25.

³ *Гудков Л., Дубин Б.* Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс. // *Пути российского посткоммунизма* / Под ред. М. Липман и А. Рябова. М.: Изд-во Р. Элинина. 2007. С. 15.

⁴ См.: *Левада Ю.* Феномен власти в общественном сознании: парадоксы и стереотипы восприятия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1998. № 5. С. 9.

зации и функциям. А главное — осталась практически неизменной сама их организация или конституция, устройство. Власть по-прежнему остается ничем не уравновешиваемой, не контролируемой никакими общественными силами или институтами, руководствующейся лишь собственными материальными интересами и стремлением к самосохранению»⁵. В таких условиях насилие не только остается важнейшим средством властного контроля, пронизывающим все уровни и сферы социальной жизни, но и воспринимается населением как нормальная практика интеграции социума⁶.

Такой подход позволяет в принципе понять и, как уже говорилось, создать целостную непротиворечивую концепцию, объясняющую внутреннюю взаимосвязь отдельных явлений в политической, социальной, культурной и экономической сферах. Центральным звеном структурирования социума неизменно выступает «принцип номенклатурной организации государственной власти "сверху вниз", когда высшая власть конституирует не только структуру управления, но и пытается задать обществу такие параметры его организации, которые соответствовали бы интересам самой власти, ее самосохранению и воспроизводству»⁷. Такая схема существенно расходится с господствующими в либеральной среде представлениями, в соответствии с которыми Россия или осуществляет переход к демократии, или же совершает попятное движение к авторитаризму. Взгляд с точки зрения разложения тоталитаризма позволяет, как справедливо считают авторы, уйти от главного методологического изъяна транзитологических концепций — предопределенности конечного результата «перехода от тоталитаризма к демократии». «При таком подходе меняется модальность рассмотрения социальной реальности: от того, как «должно быть», внимание переносится на сохраняющиеся институциональные структуры и соответственно на механизмы их воспроизводства»⁸.

Признавая, что концепция разложения тоталитаризма позволяет сконцентрировать внимание на наиболее существенных характеристиках и специфике конституирования российского социума, я хотела бы высказать вместе с тем ряд возражений (или сомнений) принципиального характера. Соглашаясь с разложением тоталитаризма как с генеральной объяснительной схемой, мы, как мне кажется, по сути дела «выключаем» Россию из мирового развития и мировой истории и тем самым соглашаемся и с ее особостью (обособленностью), особым путем развития, хотя и со знаком «минус»⁹. Разложение тоталитаризма, тоталитарной целостности представляет собой *единичный* случай в мировой истории. Ни один из тоталитарных режимов, возникших в других странах (Германии и — с оговорками — Италии), не трансформировался в результате внутреннего разложения, все они были разрушены извне, что предполагало принудительный поиск и конструирование иных способов социальной интеграции, отличных от всепроникающего государственного контроля «сверху вниз». Военная интервенция существенно облегчала такой поиск, поскольку уничтожению подвергались именно структуры власти и репрессивные институты на всех уровнях. Даже если согласиться с тем, что случай России в этом смысле единичен, то в любом случае возникает вопрос о том, *уникален* ли он?

На мой взгляд, представление об уникальности советского тоталитаризма и процесса его разложения порождает определенные методологические проблемы. Во-первых, складывание тоталитарной системы (как, по-видимому, и процесс ее разложения) это все-таки «эпизод» в российской истории. Этот эпизод сугубо не случаен: он в концентрированном виде выразил тенденции предшествующего исторического развития, типа организации общества «сверху вниз»: неподконтрольной, самодержавной власти; слабости процессов институциональной и структурно-функциональной дифференциации и как следствие аморфности общества; властного произвола и насилия как центрального института национально-государственной и социальной интеграции. Поэтому, считая уникальным советский тоталитаризм, мы должны и предшествующую российскую историю признать уникальной и не подпадающей под действие универсальных закономерностей становления современного (модерного) общества. В таком случае приложение к российской ситуации

литературы как с генеральной объяснительной схемой, мы, как мне кажется, по сути дела «выключаем» Россию из мирового развития и мировой истории и тем самым соглашаемся и с ее особостью (обособленностью), особым путем развития, хотя и со знаком «минус»⁹. Разложение тоталитаризма, тоталитарной целостности представляет собой *единичный* случай в мировой истории. Ни один из тоталитарных режимов, возникших в других странах (Германии и — с оговорками — Италии), не трансформировался в результате внутреннего разложения, все они были разрушены извне, что предполагало принудительный поиск и конструирование иных способов социальной интеграции, отличных от всепроникающего государственного контроля «сверху вниз». Военная интервенция существенно облегчала такой поиск, поскольку уничтожению подвергались именно структуры власти и репрессивные институты на всех уровнях. Даже если согласиться с тем, что случай России в этом смысле единичен, то в любом случае возникает вопрос о том, *уникален* ли он?

⁹ Это противоречит, на мой взгляд, тому принципу, о котором Л.Д. Гудков говорит как об определявшем своеобразие способа работы Ю.А. Левады: «Стремлении обнаружить многообразие мотивов и образцов действия, (...) признании сложности социальной материи в конкретных российских обстоятельствах и ситуациях современной жизни, выявлении такой же равноценности российской реальности, что и в других зонах мировой истории». — (Гудков Л. Социология Юрия Левады (опыт систематизации) // Вестник общественного мнения. 2007. № 4. С. 9)..

⁵ Гудков Л. Итоги путинского правления. С. 26–27.

⁶ См.: Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 23, 29.

⁷ Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром... С. 27.

⁸ Там же. С. 14.

идеально-типических образцов модернизации, извлеченных из западного опыта — процессов структурно-функциональной дифференциации социально-групповой и институциональной систем, ведущих к формированию автономной субъективности¹⁰ и общества, основанного на синтезе «принципов самостоятельности, со-
стоятельности и солидарности»¹¹, становится в принципе проблематичным.

Во-вторых, многие ключевые характеристики и процессы и, главное, их *взаимобусловленность*, которые в концепции Гудкова и Дубина выглядят как особенности социетального развития России, присутствуют в сегодняшней действительности и историческом опыте других стран: Турции, Китая и, в особенности, ведущих стран Латинской Америки (Мексики, Бразилии, Аргентины). Речь идет о доминирующем типе властных отношений, при котором власть (государство) является центральным и, как правило, единственным организующим обществом фактором. Такая система отношений господства замыкает формирующие общество связи на властные структуры, в которых формальные институты прикрывают¹² системы частной власти, приватизирующей государственные функции. Тем самым существенно ослабляется, а иногда и блокируется развитие горизонтальных связей и становление гражданского общества. Для всех перечисленных стран характерны (или были характерны) авторитарные политические режимы, авторитарный, патерналистский тип политической культуры и преобладание зависимого от власти и подчиненного ей типа человека. Конечно, говоря об общих характеристиках, сближающих Россию с этими странами, следует помнить и о важных отличиях ее в этом ряду. В своей совокупности эти отличия сводимы или восходят к двум существенным вещам: к имперскому прошлому и имперскому наследию России, имперской мифологии как важнейшей константе, удерживающей общество вместе; и к исключительности тоталитарного прошлого России — по масштабам, длительности и систематичности террора, по глубине и всеохватности государственного контроля над обществом и человеком ни одна из перечисленных стран не достигала такой, предельной ситуации.

Вместе с тем по отдельным характеристикам каждая из упомянутых стран может быть поставлена в один ряд с Россией. Имперская традиция в Турции, казалось бы, радикально прерванная в результате кемалистских реформ, несомненно, сохраняется в политике по отношению к курдам и в подавлении их сепаратистских и автономистских движений. В силу этого и ряда других факторов, порожденных процессом догоняющей модернизации в исламском обществе, насилие (так же, как и в России) является «доминантным кодом социальной организации населения»¹³. С некоторыми оговорками это можно отнести и к Китаю: хотя имперское величие осталось здесь в очень далеком и весьма туманном прошлом, имперская мифология и великодержавная идеология являются одним из центральных интегрирующих общество факторов, а по масштабам насилия «великая пролетарская культурная революция» сопоставима с отдельными периодами сталинского террора. В Латинской Америке, лишенной имперских комплексов и «фантомных» болей, насилие и властный произвол были на протяжении двух столетий независимого существования важнейшим и зачастую единственным средством социального контроля. Переход к ускоренной модернизации экономики в наиболее развитых странах континента — Аргентина, Бразилии, Чили — осуществлялся с применением систематического государственного насилия и террора в отношении целых социальных групп и слоев населения. Кроме того, экономическая модернизация и либерализация в 1970–1980-е гг. сопровождалась попытками военных диктатур — относительно успешными в Чили, и провальными в Аргентине — превратить репрессивное государство в орудие радикальной перестройки общества «сверху вниз», восстановления иерархических структур и моделей поведения, которые отвечали бы представлениям военных о правильной организации общества¹⁴.

С моей точки зрения, отмеченные характеристики типа развития, сближающие Россию с другими историческими и социо-культурными ситуациями, позволяют включить ее в более общий типологический и ситуационный ряд. Такой подход мне кажется более продуктив-

¹⁰ См.: Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью. С. 9, 32.

¹¹ Дубин Б. Цена жизни и границы права: россияне о смертной казни, российском законе и суде // Вестник общественного мнения. 2007. № 6. С. 23.

¹² Или до недавнего времени прикрывали, как в латиноамериканских странах.

¹³ Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью. С. 29. Ярким художественным свидетельством той роли, которую насилие играет в структурировании социальных отношений в Турции, являются произведения Орхана Памука.

¹⁴ См.: Ворожейкина Т. Как стать гражданами: власть и общество в Аргентине // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 94–96.

ным для понимания происходящего в России и ее перспектив, чем рассмотрение российского случая как исключительного и соотносимого в концепции Гудкова и Дубина только с идеально-типическими образцами современного общества, а не с реальными его воплощениями, будь то в «западном» или «незападном» контексте. *Типологически* можно было бы говорить о государственно-центричной матрице¹⁵, или модели развития, по отношению к которой тоталитаризм выступает как частный, хотя и предельный случай. *Ситуационно* речь может идти о разложении этой, государственно-центричной модели – процессе, который с 1970-х гг. развивается в Турции и латиноамериканских странах (хотя и с серьезными возвратными движениями, как это происходит в случае Венесуэлы) и в который с неизбежностью, как представляется, вступает современный Китай. Начало этого процесса в России также может быть отнесено к середине 1970-х гг., когда оказались исчерпанными как социальные и экономические ресурсы дальнейшего развития этой модели, так и механизмы политической и социальной интеграции общества. При таком взгляде специфические характеристики российской ситуации («разложение тоталитаризма») выступают как различия по степени, а не по качеству. В то же время сохраняется тот исследовательский подход («отслеживание воздействия предшествующих структур на процессы трансформации»), о необходимости которого совершенно справедливо говорят авторы¹⁶.

Характер и способ разложения тоталитаризма. Следующий комплекс проблем, на который мне хотелось бы обратить внимание, связан представлениями о характере и способе разложения тоталитаризма. По мнению Л.Д. Гудкова, «мы можем говорить о неодинаковых темпах изменений в разных подсистемах разлагающегося тоталитарного общества-государства». Скорость изменений сегментов "постсоветской" институциональной системы (равно как и сама вероятность трансформации институтов) возрастает по мере удаления от централь-

ных, символических структур власти. Наиболее заметны (существенны, значительны) и изменения в системе адаптации и целедостижения (изменения в экономической системе, в потребительском поведении, заимствовании техники – одним словом, все, что связано с инструментальными типами действия). Напротив, изменения в системах организации власти и институтов, на которые она опирается (политическая полиция, армия, МВД, прокуратура), не просто минимальны, они либо декоративны, поскольку нацелены на редуцирование "избыточной" для нынешней клановой структуры власти сложности, комплексности¹⁷. Такой тип разложения тоталитарной целостности – отпадение «кусков», структур, институтов, наименее связанных с символическими структурами власти – не только не приводит, по мнению авторов, к усилению процессов «структурно-функциональной дифференциации социально-групповой и институциональной систем и появлению более сложных систем интеграции и обмена, коммуникаций между отдельными подсистемами», но, напротив, оборачивается упрощением социальной системы, «сбросом» накапливающейся сложности¹⁸.

Соглашаясь в принципе с тем, что «система неконтролируемой власти, все время пытающейся быть тотальной или стремящейся восстановить прежний свой статус и роль, блокирует перманентно возникающие импульсы специализации и "разделения труда", ценностных, нормативных и ролевых систем действия»¹⁹, я думаю, что не следует преувеличивать успешность этих попыток. Мне кажется, что по целому ряду важнейших параметров процессы внутренней дифференциации прежде единых институтов тоталитарной системы все-таки происходят, хотя пока неясно, насколько необратимый характер они приняли.

Важнейшим из таких измерений является экономическое. Конечно, собственность в России по-прежнему функционально связана с властью²⁰, а экономические отношения, по справедливому замечанию Л.Д. Гудкова, носят квазирыночный характер²¹, без необходимой для нормального функционирования рынка институциональной среды и гарантий прав собственности. Вместе с тем при всех дефектах

¹⁵ Это понятие было предложено аргентинским исследователем М. Каваросси для характеристики типа общественного развития, при котором государство (власть) играет центральную роль в формировании экономических, социальных и политических отношений, в противоположность классическим («западоцентристским») либерально-позитивистскому и марксистскому подходам, в соответствии главным структурообразующим фактором является экономика. (См.: *Ворожейкина Т.* Государство и общество в России и Латинской Америке// *Общественные науки и современность.* 2001. № 6. С. 5–26.

¹⁶ См.: *Гудков Л., Дубин Б.* Посттоталитарный синдром. С. 13.

¹⁷ *Гудков Л.* Итоги путинского правления. С. 28–29.

¹⁸ См.: *Гудков Л.* Общество с ограниченной вмняемостью. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Очевидно, что в период путинского режима эта связь существенно укрепились.

²¹ См.: *Гудков Л.* Итоги путинского правления. С. 1..

изменения в экономике принесли то, чего не было в советской системе — *право и возможность выбора* для отдельного человека в важнейшей сфере, обеспечивающей независимость его существования, в сфере занятости. Это выбор между государственными предприятиями и частными фирмами, выбор внутри частного сектора. Реальность такого выбора для отдельного человека усиливается в ситуации растущего дефицита работников, в особенности квалифицированных. Можно предположить, что на «капиллярном» уровне социальных отношений изменения, вносимые рынком: боязнь предпринимателя потерять ценного работника и неизбежная в условиях конкуренции ориентация на потребителя, — ослабляют и подрывают традиционалистские, вертикальные институты власти. Так же и на уровне общества: рынок, какой бы убогой и коррумпированной ни была институциональная среда его функционирования, вынужденно меняет основы поведения людей, размывая властный контроль в прежних формах. С моей точки зрения, сдвиги в экономической системе и потребительском поведении, хотя и не затрагивают напрямую центральные символические институты власти, существенно изменяют условия их функционирования, заставляя власть адаптироваться к ситуации, когда у отдельного человека и населения в целом появились разнообразные экономические возможности ухода от государственного, властного контроля. Появившаяся возможность выбора умножает многообразие индивидуальных и групповых жизненных стратегий и, как мне представляется, не может не приводить к многообразию форм их институционального закрепления, все менее связанных со структурами государственной власти. Я думаю, что в этом смысле можно говорить об увеличивающейся социальной дифференциации, о появлении интересов и их постепенном институциональном оформлении.

Вопрос о том, являются ли произошедшие экономические изменения («переход к рынку») и вызванные ими институциональные сдвиги необратимыми, на мой взгляд, остается пока открытым. Сами по себе, т.е. понимаемые как «логика экономического развития», неизбежно ведущие к формированию автономных социальных акторов («средние слои»), они таковыми не являются. Пока сохраняется доминирование традиционалистских в основе своей властных структур, действующих в собственной, неэкономической логике, процессы экономической дифференциации могут быть обернуты вспять,

хотя следует признать, что сделать это в открытой, включенной в мировые связи экономике достаточно трудно, но возможно.

Однако, как мне кажется, в России уже не осталось властных институтов, которые бы действовали в такой, неэкономической логике. Процесс клановой приватизации государственных функций, о котором также упоминают Гудков и Дубин, глубоко затронул центральные институты государственной власти в России. Начавшись на рубеже 1980 — 1990-х гг., этот процесс приобретал все большие масштабы и глубину в 1990-е гг. и достиг невиданного размаха в путинскую эпоху. Его результатом является системная коррупция, пронизывающая все уровни государственного управления в России. Коррупция, т.е. использование государственных функций и средств в личных и групповых целях, здесь представляет собой не отклонение от нормы, а норму, подчас единственную, функционирования государственных институтов. Они все больше действуют в соответствии с партикуляристскими принципами и логикой, что, несомненно, ведет к демодернизации социальных отношений и разрушению государства как системы публичных институтов. Иначе говоря, коррупция, приватизация государственных функций, утрата государством публичного характера блокируют процесс становления современных институтов и структурно-функциональную дифференциацию общества.

Однако те же самые процессы, как представляется, одновременно разлагают несущие конструкции тоталитарной государственной машины и, прежде всего, главную из них — репрессивные структуры. Они не могут эффективно выполнять управленческие и полицейские функции, функции устрашения и контроля, будучи обремененными личными, групповыми и клановыми экономическими интересами. Эти интересы неизбежно начинают превалировать над непосредственными профессиональными задачами и институциональными целями соответствующих органов, как только они берут на себя экономические функции, даже в случае формально государственной экономики. Тем более это верно для экономики приватизированной. Это правило не знает исключений ни в одной из развивающихся стран, где репрессивные структуры вовлекались в управление экономикой или получали доступ к крупной собственности. В этом смысле приход к власти в 2000-е гг. «чекистской корпорации» и пересмотр в ее пользу итогов приватизации явля-

ется пирровой победой Путина с точки зрения сохранения спецслужб в качестве станового хребта государственной власти в России. Эта опасность осознается и самими представителями спецслужб, о чем свидетельствует нашумевшая публикация главы федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, генерала В. Черкесова²². Представляется, однако, что повернуть вспять процесс приватизации «чекистской корпорации» и ее раздробления на множество конкурирующих между собой экономических корпораций уже очень трудно и вряд ли вообще возможно.

Разложение главной из оставшихся несущих конструкций тоталитарного государства позволяет по-другому взглянуть на ход процессов дифференциации и, главное, их перспективу. Вопрос заключается в следующем: в каком направлении воздействует разложение структур государственной власти на процессы институциональной дифференциации в обществе? Отмечая нарастающую слабость власти в России, прогрессирующую утерю ею социального контроля и исчерпание ресурсов пассивной адаптации к ней населения, Гудков и Дубин вместе с тем считают, что «деятельность населения, разных его групп и слоев по обживанию распада не создает ни новых социальных образований, ни новых коллективных представлений о себе и значимых других, о настоящем и будущем коллективного существования. Исключительно партикуляристские формы, которые принимает реализация [массовых] интересов, сдерживают переход к обобщенным и универсализованным публичным отношениям и их пониманию. (...) общество в России во многих отношениях и в решающем смысле формируется, осознает себя по-прежнему как патерналистское и зависимое: это сообщество подопечных»²³.

С этим выводом трудно спорить: опираясь на данные массовых опросов, авторы, без сомнения, адекватно описывают сегодняшнее состояние и представления большинства российского населения. Однако, с моей точки зрения, слабость подобного вывода коренится именно в уровне обобщения, на котором невозможно учесть и проанализировать явления и процессы, которые по каким-либо причинам не вписываются в общую теоретическую схему. Мне думается, что реальность в этом отношении гораздо сложнее и многообразнее. Российское «псевдо-

государство», пронизанное частными интересами и лишенное публичного измерения, на мой взгляд, все больше становится крышей²⁴, под которой идут многообразные процессы социальной дифференциации. Они хаотичны и разнонаправлены, часть из них противоположна императивам модернизации, другая часть амбивалентна по отношению к ним; в любом случае они существенно отличаются от процессов становления современного общества, известных из опыта других, в особенности западных стран. Будущее направление этих процессов или, по крайней мере, части из них зависит и от субъективного действия тех сил и акторов, которые выступают за модернизацию отношений государства и общества в России.

Источники и характер изменений. Проблема наличия или отсутствия процессов социальной и институциональной дифференциации в обществе непосредственно связана с вопросом об источниках и характере изменений. Порождает ли процесс разложения тоталитарной системы изменения, обладают ли разлагающиеся тоталитарные структуры способностью к изменениям как *внутри* отпадающих от нее институтов, так и помимо них, *на периферии* системы? Авторы обсуждаемой концепции дают на этот вопрос однозначно отрицательный ответ. С известной долей огрубления его можно резюмировать следующим образом: разлагаясь, распадаясь на отдельные анклавы и элементы, тоталитарная система не только не порождает источники изменений, но и лишает эти элементы возможности внутренней трансформации. «Изменения возможны, — как отмечает Л. Гудков, — только в результате конфликтов в высшем эшелоне власти, только при очередной смене власти»²⁵. Главный способ и механизм, который гасит возможность изменений, порождающих новые институты и новые представления в обществе, — это постоянный возврат к упрощению, редукции сложности, блокирующий разнообразные — социальные, культурные, институциональные — процессы дифференциации. Центральным институтом, блокирующим изменения, а с ними и возможную модернизацию общества, выступает власть²⁶.

Полностью соглашаясь с последним, я, тем не менее, считаю, что такая жесткость в ответе

²² Черкесов В. «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев» // Коммерсант. 2007. 9 окт.

²³ Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром. С. 62–63.

²⁴ Или скорлупой, обручем, удерживающим рассыхающуюся и разваливающуюся бочку.

²⁵ Гудков Л. Итоги путинского правления. С. 29.

²⁶ См.: Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью. С. 32.

на вопрос о возможностях и источниках изменений представляет собой главную слабость теоретической схемы Гудкова и Дубина. Концепция и соответствующий ей анализ реальности построены таким образом, что в ней не только нет источников изменений, но она их принципиально не допускает, в ней не предусмотрено теоретического пространства и времени для таких изменений. Даже если допустить, что в сегодняшней российской действительности процессы разложения тоталитаризма развиваются исключительно как процессы гниения, стагнации, это не означает, что в будущем они не могут породить источников обновления. Последние же полностью оказываются в «слепом пятне» данной теоретической схемы, которая под этим углом зрения оказывается полностью закрытой, «герметичной». Концепция, на мой взгляд, не только отторгает саму возможность изменений изнутри системы, но в ней не поддаются объяснению ни социальные феномены, которые происходят (или могут происходить) на ее периферии, и в принципе не рассматриваются возможные альтернативные варианты, развилки истории, которые могли бы вывести ее за пределы траектории предшествующего развития.

Между тем, такие альтернативные варианты существовали в прошлом, во второй половине 1980 – первой половине 1990-х гг. Возможности для их появления существуют, как мне кажется, и в настоящее время. Они связаны, на мой взгляд, с попытками коллективного действия и самоорганизации снизу, которые возникли в России начиная с 2005 г. Речь идет о многообразных протестных движениях и гражданских инициативах: выступлениях против монетизации льгот, движениях в защиту жилищных прав и экологической среды обитания, выступлениях автомобилистов, новых профсоюзах и нарастающем в последние два-три года числе забастовок, а также поднявшихся в самое последнее время протестах против милицейского произвола²⁷. Эти движения не только возникают снизу (как «grass roots»), но и зарождаются в социальном «низу», точнее, в «середине» российского общества – среди тех примерно 50% населения, которые находятся между бедными в собственном смысле слова (около 30%) и теми, кого по

²⁷ Часть этих «новых неформальных» движений исследована в докладе Е.Ш. Гонтмахера «Общественные объединения нового типа: создание банка данных, анализ и перспективы дальнейшего развития». Обсуждение этого доклада опубликовано на сайте «Либеральной миссии» (www.liberal.ru).

доходам и статусу можно отнести к средним слоям (15-20%). Новые социальные движения и ассоциации появляются в наиболее массовых слоях, среди людей, «чьи доходы позволяют им сводить концы с концами до тех пор, пока в их ситуации не случаются существенные перемены (внезапное лишение социальных гарантий, риск потерять свое жилье, свое малое предприятие и т.д.). Эти люди, ежедневно сталкивающиеся с социальными рисками, составляют большинство населения, по меньшей мере, в больших и средних городах»²⁸.

По мнению Б.В. Дубина²⁹, то обстоятельство, что это движения и ассоциации представляют социально ущемленных людей, снижает их значимость или вообще выступает как негативный элемент, препятствие для формирования гражданского общества. С его точки зрения, это социально стигматизированные слои, они занимаются только самозащитой и дальше этого не идут. Мне этот аргумент не кажется убедительным. Напротив, я думаю, что, отстаивая свои непосредственные жизненные интересы от угроз, так или иначе связанных с властным произволом, эти люди защищают и свои права³⁰. Обманутые дольщики защищают свое право собственности: выдав лицензии строительным фирмам, государство гарантировало определенные правила их функционирования и, в частности, то, что их владельцы не скроются с деньгами клиентов. Так же, как и солдатские матери отстаивают право – элементарное право на жизнь детей в мирное время. Защищая свои права, участники этих движений в большинстве случаев апеллируют к закону, требуя от государства соблюдения им самим установленных правил и норм. Мне это представляется очень важным шагом вперед в становлении правовой культуры российского общества. Характерно, что именно организации и объединения «обиженных» (стигматизированных) групп населения являются фактически единственными, кто отстаивает в России закон и право. Именно они утверждают в нашем обществе такие ценности, как «права граждан», «равен-

²⁸ Клеман К. Подъем гражданских протестных движений в закрытой политической системе: потенциальный вызов господствующим властным отношениям? <http://ikd.ru/node/78/>.

²⁹ См.: Дубин Б. Институты, сети, ритуалы// Pro et Contra. Vol. 12 (2–3). 2008. Март–июнь. С. 32–33.

³⁰ Ущемление социальных прав практически всегда упирается во властный произвол. Даже в случаях уплотнительной застройки или сноса ветхого жилья осуществляющие их коммерческие структуры, как правило, связаны с интересами какого-нибудь власть предержащего лица или чиновника.

ство всех перед законом», «достоинство», и все больше формулируют свои цели именно в этих терминах. Утверждение более общих («горизонтальных») форм солидарности, чем те, которые ограничиваются только «своими», может происходить (и реально происходит в среде этих движений) на основе защиты *своих* интересов, *своих* прав, *своего* достоинства. По-иному это не происходило и не происходит нигде: люди не могут проникнуться ценностью горизонтальных связей и солидарностей между группами с разными требованиями только потому, что они внезапно осознали ценность таких связей. Особое значение новых форм организации заключается, на мой взгляд, в том, что впервые в постсоветской истории защитой прав занимается движение «снизу», т.е. те самые люди, которых это непосредственно касается. При всем уважении к «старым» правозащитным организациям они в своем подавляющем большин-

стве — организации клиентские, они работают с клиентами, которые обращаются к ним со своими проблемами. Новые ассоциации и движения представляются, с этой точки зрения, несомненным шагом вперед в формировании гражданского общества.

С моей точки зрения, становление современного, т.е. структурированного на основе горизонтальных связей и взаимодействий, общества в России необходимо связано, наряду с другими факторами, с развитием именно низовых движений самозащиты, социального протеста и их неизбежной в условиях приватизированного государства политизацией. Без этого патерналистские тенденции «низов» будут постоянно и неизбежно смыкаться с авторитарными тенденциями власти и питать их, блокируя гражданские формы солидарности, разрушая политическую демократию и, соответственно, перспективы модернизации в России.

ПРОШЛО 15 ЛЕТ С ТЕХ ПОР, КАК ПРОТИВОСТОЯНИЕ СТОРОННИКОВ ПРЕЗИДЕНТА ЕЛЬЦИНА И ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИИ ПРИВЕЛО К КРОВАВЫМ СТОЛКНОВЕНИЯМ 3-4 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА В МОСКВЕ. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КТО БЫЛ ПРАВ В ТЕ ДНИ? (приведены также данные предыдущих опросов Левада-Центра; в % к числу опрошенных в каждом исследовании)

Вариант ответа	2006	2007	2008
Сторонники Ельцина	9	8	9
Сторонники Верховного Совета	10	11	11
В какой-то мере и те, и другие	20	16	19
Ни те, ни другие	39	38	29
Затрудняюсь ответить	22	27	32

N=1600

Дмитрий Н. ШАЛИН

Феноменологические основы теоретической практики: био критические заметки о Ю.А. Леваде

Он не просто чувствовал время —
он его воплощал.

Б. Дубин

Введение. В своей основополагающей работе «Бытие и время» Мартин Хайдеггер указывает на интимную связь между теорией и настроением: «Именно когда мы видим "мир" согласно нашим зыбким и спорадичным настроениям, наличная данность раскрывается нам в своей специфической, постоянно меняющемся настроенности... Самая чистая теория несвободна от настроения... С онтологической точки зрения — и это момент принципиальный — первооткрытие мира должно быть отдано на откуп "голым настроениям"»¹. Эмоции, согласно Хайдеггеру, присущи не только обыденному сознанию; они подпитывают наши концептуальные предпочтения, и если мы хотим докопаться до истоков собственных убеждений, то должны отразмышлеть аффект, погружающий субъекта теории в конкретный мир истории. При этом было бы не правильно рассматривать настроение как предрассудок или предвзятость, подчеркивает Хайдеггер, как нечто такое, что мы должны преодолеть на пути к чистому знанию. Настроение возвращает теоретическое сознание к самому себе, ведет познание по кругу, но «круг этот нельзя рассматривать как порочный, как неизбежное зло, которое приходится терпеть, [поскольку] в круге этом заложена возможность самого первоуродного знания, доступного человеку»².

Под влиянием лингвистической философии Хайдеггер отойдет от экзистенциальных установок своих ранних работ, но идея герменевтического круга, включающего в себя озабоченного мирскими проблемами исследователя, получит свое развитие в философии и социологии прагматизма³. Биокритическая герме-

невтика находит свой предмет на пересечении биографии, культуры и теории. Она изучает эмоционально-соматическую составляющую дискурсивных практик, воплощение знаков в индивидуальном бытии, (рас)согласование слова, дела и аффекта в жизни исторических субъектов, конструирование и использование (авто)биографических нарративов в различных исторических формациях⁴. Настоящие заметки — это попытка биокритического исследования жизнедеятельности Юрия Левады.

Биокритика широко использует мемуарную и автобиографическую литературу, а так же архивные материалы — переписку, дневники, документы. Объем мемуарной литературы о Леваде к настоящему времени весьма ограничен, но можно предположить, что он будет расти⁵.

⁴ См.: *Shalin D. Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics. Sociological Theory. 2007. Vol. 25. P. 193–224*, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/levada_sapov.html; *Shalin D. Goffman's Biography and Interaction Order: A Study in Biocritical Hermeneutics. Paper Presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association. Boston. August 1. 2008*, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/interactionism/comments/shalin_goffman_intro.html.

⁵ После смерти Левады 16 ноября 2006 г. появились публикации с ценными мемуарными и биографическими данными о нем. Среди них можно отметить следующие материалы: *Левинсон А. Держатель нормы. Юрий Александрович Левада (1930–2006) // Отечественные записки. 2006. № 6*, <http://www.strana-oz.ru/?numid=33&article=1390#s4> (далее цитируется как «Левинсон ДН»); *Дубин Б. Образ и образец: Памяти Юрия Левады (1929–2006) // Социологический журнал. 2007. № 1*, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/dubin_levada.html (далее цитируется как «Дубин ОО»); *Гудков Л. Социология Юрия Левады. Опыт систематизации // Вестник общественного мнения. 2007. № 4*, <http://www.polit.ru/research/2007/09/13/gudkov.html> (цитируется как «Гудков СЮЛ»); *Докторов Б. Юрий Левада: К изучению биографии и судьбы // Социальная реальность. 2007. № 6*, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/levada_doktorov.html; *Головаха Е. Научная школа Юрия Левады о социокультурных изменениях в постсоветском обществе*, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/levada_golovakha.html (цитируется как «Головаха НШ»); *Сапов Г. Немного о Ю.А. Леваде*, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/levada_sapov.html (далее цитируется как «Сапов НЮЛ»). Во втором номере «Социологического журнала» за 2008 г. появятся воспоминания и оценки научной деятельности Левады, связанные с публикацией

¹ *Heidegger M. Being and Time. L.: SCM Press 1962. P. 177.*

² *Ibid. P. 195.*

³ *Joas H. The Creativity of Action. Chicago: The University of Chicago Press, 1996; Denzin N. The Logic of Naturalistic Inquiry // Social Forces. 1971. Vol. 50. P. 166–182; Shalin D. Pragmatism and Social Interactionism // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. P. 9–30.*

Среди автобиографических материалов, на которых основывается данное исследование, следует особо отметить интервью с Левадой 1990-го и 1996-го гг., а также его телевизионную беседу 2005-го г.⁶ За исключением протоколов обсуждения крамольных «Лекций» Левады, архивные материалы были недоступны автору данной работы, что значительно сузило возможности интерпретации. Вот почему настоящий опус следует рассматривать лишь как предварительные заметки, а не как полноценный опыт биокритического исследования.

Я начинаю с образа Левады, сложившегося ко времени его смерти и отраженного в воспоминаниях-оценках его коллег по цеху, и элементов канонизации, присутствующих в поминальном ритуале. После этого я разбираю, как Левада видит свой жизненный путь, конструирует собственное «Я» и формулирует свое творческое кредо. Далее я анализирую, как теоретические предпочтения Левады изменялись с его личным опытом включенного наблюдателя в советском обществе, рассматриваю его ответ на вызовы постсоветской системы и пытаюсь понять Леваду как явление русской культуры. В заключение я поделюсь несколькими соображениями о перспективах биокритической герменевтики.

Коллеги о Леваде. Мемориальный жанр имеет свои законы, восходящие к античной

его гарвардского интервью 1990-го г. (см.: *Шалин Д.* Человек общественный: гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал. 2008. № 1, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/levada_shalin_intro.pdf). В этом номере можно найти воспоминания А. Левинсона, И. Кона, В. Ядова, В. Шейниса, А. Назимовой, В. Шляпентоха, Б. Фирсова, А. Алексеева, и Б. Докторовы (цитируемые ниже материалы из этой подборки выделены как «СЖ»). Очень информативна расшифровка беседы с Л. Гудковым, Б. Дубинным и А. Левинсоном, прошедшей на «Эхо Москвы» 21 ноября 2006 г., <http://www.echo.msk.ru/programs/figure/525381-echo/> (высказывания участников этого разговора далее идентифицируются как «ЭХО»). Подборку из этих и ряда других материалов о Ю. Леваде можно найти на сайте «Международная Биографическая Инициатива», <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html> (выдержки из мемориальных телеграмм и соболезнований по случаю смерти Левады размещены в разделе In memoriam, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriament/levada.html>, и далее обозначены как «МО6»).

⁶ См.: *Левада Ю.* Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008. № 1, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html (далее цитируется как Левада 1990); *Левада Ю. А.* Научная жизнь – была семинарская жизнь // Социологический журнал. 1996. № 7, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada.html>; *Левада Ю.* Ю. Левада в передаче школа злословия 7 ноября, 2005 г., http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_tolstaya.html. (далее в тексте эти интервью соответственно помечены как «Л90, Л96, и Л05»).

древности. О покойнике принято говорить хорошо или ничего, заслуги перед обществом выдвигаются на первый план, личность усопшего связывается с его достижениями, братья по оружию вспоминают характерные эпизоды из жизни приснопамятного и разъясняют его наследие грядущим поколениям. Посмертный портрет приобретает новые штрихи по мере того, как историки уточняют детали биографии и проверяют достоверность источников. Со временем оценки становятся более дифференцированными, а репутация достопамятного индивида претерпевает изменения, иногда существенные. Когда поминальная церемония касается основателя движения или школы, то она становится частью рутинизации харизмы.

Свидетельства о жизни и творчестве Юрия Александровича Левады, появившееся в печати со времени его смерти 16 ноября 2006-го года, отражают особенности мемориального жанра. Они являются частью ритуала, обнажающего ключевые моменты профессиональной этики и обеспечивающего преемственность научной традиции. Даже беглое знакомство с потоком выступлений на смерть Левады указывает на неординарность и даже исключительность того, что коллеги назовут «феноменом Левады» (Левинсон ДН).

Можно выделить несколько смысловых пластов в корпусе свидетельств, появившихся по случаю смерти этого выдающегося деятеля русской науки и культуры: (1) научные достижения, (2) гражданская роль, (3) личность человека и (4) наследие ученого.

1. Научные достижения. По свидетельству его близких сотрудников, Левада занимает ведущее положение в российской социологии второй половины XX-го и начала XXI-го вв. Согласно Льву Гудкову (СЮЛ), возглавившему Левада-центр после смерти своего учителя и коллеги, Юрий Александрович является «наиболее ярким и даже самым крупным социологом в российской социологии. В этом сходились и те, кого он удостоивал своего уважения, и те, кому бы он никогда не подал руки». Алексей Левинсон (ЭХО), один из ближайших сотрудников Левады, утверждает, что «Юрий Левада – основоположник современной отечественной социологии». Борис Дубин (ОО), многолетний соратник Левады, развивает мысль об особом вкладе Левады в отечественную социологию: «[О]н был теоретиком, что называется, от бога:

его считанные, но так и не прочитанные научным сообществом статьи как будто бы немого десятилетия 1974–1984 гг. в конспективном наброске представляют единственный на тот момент в России, да и по сей день, теоретический проект социологии как самостоятельной дисциплины».

Коллеги по цеху, не имевшие повседневного опыта работы с ним, подтверждают статус Левады-ученого. По словам Владимира Паниотто (М06), Левада был одним из «отцов-основателей социологии в СССР». «По моему глубокому убеждению, он был самым теоретически образованным и талантливым человеком в нашей когорте», отмечает Игорь Кон (СЖ). Владимир Ядов (М06) вторит этому суждению: «Его компетентность в области теории, вероятно, не уступала познаниям моего близкого друга Игоря Кона. Но различие заключалось в том, что Игорь — историк, для которого труды Дюркгейма или Парсонса были предметом изучения, а Левада относился к теоретическим концепциям как к исследовательскому инструментарию». Отмечая его «высочайший авторитет в нашем профессиональном сообществе», Борис Докторов (СЖ) ставит Леваду в один ряд с самыми известными именами в российской социологической науке: «Назову здесь лишь Татьяну Заславскую и одного из друзей Левады еще со студенческих лет Бориса Грушина».

Общие оценки обрастают конкретными деталями. Так мы узнаем, что Левада «читал первый в Советском Союзе курс лекций по социологии» (Гудков ЭХО), что он «великолепный лектор», что он «открывал поразительное окно в мир» (Сапов НЮЛ), что его отличали «высочайшая культура мысли и речи» (Алексеев СЖ). Левадой «была привнесена в эту область [изучения общественного мнения] высокая культура социального философа и феноменолога» (Докторов 2008). «Не цифры были важны — важно было суждение Левады по поводу этих цифр» (Архангельский)⁷. В научном плане Левада — явление не только национальное. Под его влиянием, утверждает Дубин (ОО), «оформилась разновидность социологии, которой, кажется, нет аналогов ни у нас в стране, ни за рубежом».

Анекдоты из личного опыта обогащают коллективный нарратив Левады-ученого. Ядов (СЖ) вспоминает, как обсуждалась его докторская диссертация на семинаре Левады, который

был официальным оппонентом на защите. Левада задал несколько вопросов, из коих Ядов заключил, что «пыл следует умерить. Длительное обсуждение убедило соискателя в необходимости кое-что продумать заново. Я расстроился, и кто-то сказал: брось, ты должен гордиться тем, что обсуждали работу у Левады. Знаешь, физики говорили, что выступить и быть выруганным на семинаре Ландау — это немалая честь». Ядова (СЖ) поражает «его [Левады] отчаянная работоспособность. Я сам работоголик и умею отдыхать лишь в период отпуска на эстонском хуторе. Юрий вообще не был способен к свободному времяпровождению. В субботу и воскресенье в любое время до полуночи (позже я его не беспокоил) он через пару секунд отвечал на телефонный звонок: "Привет, старик, как дела?" Заметьте — не как себя чувствуешь, а как работается?»

В своих воспоминаниях о Леваде Игорь Кон (СЖ) обращает внимание на близость профессиональных интересов и отношения к делу у него и Левады: «Интеллектуально нас сближали общие теоретические интересы, в том числе — к западной социологии. Большинство наших коллег-социологов читали преимущественно то, что относилось к сфере их узких профессиональных занятий, Леваду же интересовали общие, в том числе междисциплинарные, тенденции. Кажется, он был единственным московским социологом, который регулярно посещал выставку новых поступлений в ИНИОН». Тот, кто знает взгляды Кона на необходимость свободно ориентироваться в новейшей отечественной и иностранной литературе, оценит этот жест по поводу профессионализма Левады.

Значение Левады-ученого отмечают не только его коллеги и друзья, но и российская общественность в целом. В телеграмме по случаю смерти Левады президент Владимир Путин отмечает, что тот «пользовался огромным авторитетом как эксперт в области аналитики». Вице-премьер Дмитрий Медведев акцентирует в своем послании, что «благодаря Леваде социология стала наукой»⁸. Владимир Жириновский «гордится, что такой ученый, как Левада, появился и работал в России»⁹. А Геннадий Зюганов доверительно сообщает: «Мы всегда изучали его прогнозы»¹⁰.

⁸ Савина Е. Первый социолог России не дождался отпуска // Коммерсантъ. 2006. 21 нояб.

⁹ Москва сегодня прощалась с известным российским социологом Юрием Левадой // «Эхо Москвы». 2006. 20 нояб.

¹⁰ Коммерсантъ. 2006. 17 нояб.

⁷ Архангельский А., <http://www.history.perm.ru/modules/news/article.php?storyid=645>.

В российской прессе появилось множество свидетельств, где Левада предстает как «эталон профессиональной честности», человек, который «не служил никогда и никому — ни властям, ни "народу своему"»¹¹. Егор Гайдар «видит в Леваде больше, чем социолога. По его мнению, этот человек изменил Россию»¹². Но здесь мы выходим за пределы профессиональных признаний и переходим к оценкам Левады как общественного феномена.

2. Гражданская роль. Нет недостатка в знаменитых ученых, чей моральный профиль вызывает сомнения, но лишь в редких случаях рассогласование между этикой ученого и его научными успехами оказывается в центре внимания поминальных упражнений. Попытка связать достижения выдающегося ученого с его личными, человеческими качествами — стандартный троп мемориального жанра, а когда мы имеем дело с общественными науками, акцент заметно смещается от чисто научных достижений к их этическим корням. Мемориализация Юрия Левады тому пример — масштаб Левады-гражданина затмевает значение Левады-ученого. Те из коллег Левады, кто отмолчался по поводу его научных достижений (а есть и такие), находят теплые слова о Леваде-гражданине.

Для его коллег Левада прежде всего явление общественное, личность, воплощающая не только этические стандарты науки, но и моральные принципы самой высокой пробы. «А был он подлинным русским интеллигентом — таким, каких очень мало в обществе, где интеллигентность сознательно, целеустремленно и долго вытраивалась. Он был равнодушен ко всякого рода "пряникам", которыми начальство соблазняло слабых: почестям, регалиям, званиям, наградам, заграникомандировкам и т.п. Зато он твердо знал свою роль в науке и обществе и делал то, что, как он полагал, другие сделать вряд ли сумеют» (Шейнис и Назимова СЖ). Юрий Левада был «высоко нравственным русским интеллигентом» (Ядов СЖ), «эталонем научной и человеческой порядочности» (Гудков М06), одним из «редких представителей духовной элиты, которых нельзя ни купить, ни согнуть, ни сломать» (Головаха НШ). «Он был человек высокопрофессиональный, он был человек высоко общественный, что в тогдашнем кругу просто было чрезвычайной редкостью. И он, наконец, был человек моральный. Соединение

этих трех вещей во многом определило и его сегодняшнее значение, пусть оно даже сейчас не всем понятно» (Дубин ЭХО). Левада совершил «ратный гражданский подвиг» (Лапин М06) и «погиб на посту» (Шайдарова М06). «Нравственный императив независимой науки всегда значил для Левады и его единомышленников гораздо больше, чем политические каноны режима, принудительно навязываемые властью» (Фирсов СЖ). Левада был «живой легендой и моральным лидером не только для социологов, но и для всех мыслящих и демократически настроенных граждан» (Головаха НШ). «[П]од естественностью поведения, — поясняет Кон (СЖ), — Левада понимал не только следование им принципам русской интеллигенции по отношению к власти и тем, кто был не согласен с проводившейся в стране политикой, но и его стремление сохранить свободу». «Когда вы видели Леваду, слышали его, читали — вас не покидало ощущение, что перед вами, рядом с вами, внутри вашей современности живет и действует человек исторический. Который смотрит на быстротекущие события изнутри вечности, про которую молчит, потому что слишком хорошо ее знает»¹³.

Отмечу и иную интерпретацию событий, связанных с делом Левады, предложенную одним из его коллег по ИКСИ. В еще не полностью обработанном интервью Бориса Раббота о социологии 60–70-х гг. есть такое наблюдение: «К разговору о "Лекциях" Левады это имеет непосредственное отношение: я говорю о сомнении их автора. Тут вы правильно цитируете Юру — он считал, что, как парторг, он мог сделать много хорошего для социологии, кому-то помочь в научной работе, кого-то не дать в обиду и так далее. К сожалению, Юра был человеком, мягко говоря, не политичным, хотя теоретически он понимал, что есть такая сфера человеческой деятельности, где нужна тактика, умение защищаться, не дразнить быков и идти на компромиссы. Но, по-видимому, в глубине души он ставил себя выше этого. Мне кажется, что публикация "Лекций" стала для него идеей фикс и одновременно видом эпатажа против советского истеблишмента»¹⁴.

¹³ Архангельский А. <http://www.history.perm.ru/modules/news/article.php?storyid=645>.

¹⁴ Раббот Б. Интервью, 5 августа 2008 г. Борис Семенович Раббот, бывший Ученый секретарь президиума АН СССР по общественным наукам, помощник вице-президента и члена ЦК А.М. Румянцевца. По совместительству заведовал в ИКСИ сектором экспериментальных ситуаций с 1968 по 1971 гг.

¹¹ Он держал перед нами зеркало // Новая газета. 2006. 20 нояб.

¹² Москва сегодня прощалась с известным российским социологом Юрием Левадой // Эхо Москвы. 2006. 20 нояб.

Человеку, не знакомому с историей советской социологии (и, как показывает предыдущая цитата, кому-то из людей того времени), дифирамбы в адрес Левады могут показаться чрезмерными, но многим участникам тех событий и людям, осведомленным о зачистке социологического поля в конце 60-х и 70-х гг., щедрость оценок поведения Юрия Александровича будет понятна. Стойкость и порядочность, проявленные Левадой во время проработки его крамольных «Лекций по социологии» и последующей профессиональной изоляции (о них речь пойдет позже), дает понять, почему «Владимир Рыжков сравнил Юрия Леваду с "флагманом эскадры", если "эскадра — это гражданское общество"»¹⁵. «[Д]ля меня Ю.А. был фигурой скорее легендарной, чем из плоти и крови», — свидетельствует Алексеев (СЖ).

Некоторые из его коллег видят в Леваде инакомыслящего, бросившего вызов советским властям. Шляпентох (М06) считает, что Левада был «единственным диссидентом среди социологов первой волны, [способным на] мужественное противостояние давлению тоталитарного государства». «Читая сегодня, как Левада отвечал на собрания своим гонителям, не перестаешь восхищаться его мужеством и самообладанием. Он не побоялся издеваться над многими ораторами, характеризуя их как бездельников и невежественных людей, критика которых мотивируется "вовсе не научными соображениями"» (Шляпентох СЖ). С этим согласен Юрий Самодуров: «Мне кажется, что Юрий был настоящим диссидентом»¹⁶. Иной точки зрения придерживается Левинсон (ЭХО). По его мнению, Левада «не был диссидентом, как его хотят представить. Дело не в этом. У него другое понимание было своей роли и своей задачи, своего долга. Он в этом смысле кантовский человек. Если ты должен, значит, ты можешь. У него было мужество додумывать до конца».

Шейнис и Назимова (СЖ) поясняют, почему Левада вошел в конфликт с властями и как ему удалось сохранить себя и свое достоинство в постхрущевскую эпоху: «Он был гордым и слишком независимым человеком, чтобы те, кому надлежало насаждать и поддерживать "идеологическую дисциплину", могли не заметить, что он инороден охраняемому ими режиму. Во времена чуть более ранние такой человек был бы неминуемо обречен. Но 50–70-е гг., на

которые пришлось наиболее продолжительная часть его сознательной жизни и карьеры, были, к счастью, не предельно каннибальскими».

Если статус Левады как диссидента дает неоднозначные толкования, то его общечеловеческая порядочность и личное мужество сомнений не вызывают. Вспоминает Шляпентох (СЖ): «[К] ак только стало ясно, что я оказался в числе "неприкасаемых", он стал бывать в моем доме почти ежедневно, полностью игнорируя, что все его посетители — таково было тогда всеобщее мнение — регистрируются соответствующими службами. Когда у меня возникали неприятности, я ждал его прихода с нетерпением для совета и успокоения». Здесь гражданская позиция Левады подтверждена действиями, на которые в советские времена были способны далеко не все.

Поведение Левады в постсоветское время подтверждает его готовность отстаивать свою позицию, бросить вызов властям. Пример тому, на который указывают многие обозреватели, — уход Левады из ВЦИОМа, когда российское правительство решило сместить его с поста директора. «Ученые нашего поколения не могли активно сопротивляться власти, все находилось в руках государства, несогласный мог только уйти, в крайнем случае — хлопнув дверью. У Юры этот опыт был. Когда в 2003 г. власть начала зачистку информационного поля, он пригодился. Левада не стал ни писать слезных писем президенту, ни устраивать шумные митинги протеста, все и так было ясно. Но он ушел не один, а со всем своим творческим коллективом. Другого такого опыта я не знаю. Я горжусь тем, что этот нравственный почин в очередное тяжелое время осуществили мои коллеги социологи»¹⁷.

Созданный впоследствии «Центр Юрия Левады стал небольшим островком свободы», отмечает Михаил Касьянов¹⁸. Лидер российских коммунистов согласен с такой оценкой: «В сложное время, когда режим сломал всех, Юрий Левада не согнулся... Сейчас основные политические центры выполняют политические заказы власти, а Левада действительно узнавал мнение народа»¹⁹.

3. Личность человека. Мнения о Леваде-коллеге, учителе, руководителе во многом сходятся. Особенно теплые свидетельства поступают от ближайших сотрудников Левады,

¹⁵ Коммерсант. 2006. 17 нояб.

¹⁶ Там же.

¹⁷ И. Кон (СЖ). См. так же: Фирсов (СЖ), Алексеев (СЖ), Ядов (СЖ), Левинсон, Гудков и Дубин (ЭХО).

¹⁸ М. Касьянов. Коммерсант. 2006. 17 нояб.

¹⁹ Г. Зюганов. Там же.

которые подчеркивают, что «он любил собирать людей. И умел их сохранять (охранять, хранить)» (Дубин ОО). «Для всех нас Юрий Александрович Левада был безусловным лидером — и формальным, и неформальным. Его идеи мгновенно подхватывались в коллективе» (Гудков М06). Его «индивидуальный склад, помноженный к тому же на безукоризненную научную честность и человеческую порядочность, об обаянии личности не говорю, составлял чрезвычайную редкость и притягивал к нему многих» (Дубин ОО). Левада «не опускался до ненависти... говорил: надо работать независимо ни от чего, надо работать. Душа обязана трудиться» (Левинсон ЭХО). Лев Гудков (СЮЛ) предлагает следующую развернутую оценку неординарного стиля руководства Левады:

«Его полное равнодушие к школьной социологии имело, как мне кажется, несколько причин. Первая — отвращение к внешней, витринной стороне своей деятельности (и своей личности, это не скромность, а экзистенциально укоренное отношение к природности, случайности своего существования), вторая, связанная с первой, — он очень торопился схватить принципиальные особенности происходящего, зафиксировать какие-то общие черты постсоветской системы, не отвлекаясь на "мелочи" академического теоретического оформления своих взглядов... Третья — он действительно был лидером, но не авторитарным учителем. В коллективной работе он задавал ценностный и эмоциональный тон, но никогда и никому не навязывал конкретных схем анализа и объяснения, не разжевывал своих идей, рассчитывая (иногда без должного основания) на то, что другие схватят его замысел и подходы. Мы — его ближайшее окружение и сотрудники — часто не "тянули", с трудом понимая общие рамки его замысла и параметры проекта, соответственно, лишь ощупью подыскивая требуемую для реализации технику концептуальной работы и интерпретации материала. В этом смысле он, конечно, был одинок, но как ученый и руководитель относился к такой ограниченности "контекста" с неизбежным смирением или скорее с терпеливой грустью».

О необычайной притягательности Левады учителя свидетельствует ленинградский социолог Эдуард Беляев, познакомившийся с Левадой в ходе работы над кандидатской диссертацией. «Мои оппоненты были Левада и Андреева. Левада производил на меня очень хорошее впечатление. Колоссальное впечатление! В первую очередь потому, что я видел в нем че-

ловека, который понимает, что происходит на свете и умеет это социологически осмыслить. Понимаешь, Дима, мне всю жизнь — и до сих пор — не хватает человека, который был бы на моем уровне или выше меня и с которым я мог бы свободно общаться, говорить на темы, которые меня интересуют, которые меня волнуют. И Левада мне первое время казался именно таким человеком»²⁰.

Обращает на себя внимание эмоциональная сбалансированность Левады, его способность совмещать мягкость манеры и твердость характера, отмечаемая многими комментаторами. Этот человек «не любил ни жаловаться, ни качать права, ни обременять других своими заботами [и] принадлежал к редкому типу мягких мужчин, у которых мягкость является проявлением не слабости, а спокойной, свободной от агрессивности и показухи, силы» (Кон СЖ). «Его суждения, как правило, сдержанны. Он толерантен: не судит, а старается понять. Ни эйфория, ни обличительный пафос перестроечных лет его не захватили. Он и тут проходит "по лезвию бритвы" — естественно, как жил и раньше, и впредь» (Фирсов СЖ). «Неприятие лжи делало удивительно твердым в принципиальных вопросах этого доброго, деликатного человека, интеллектуала с широкими взглядами и отзывчивым сердцем»²¹. В то же время Левада избегал славословия и не любил обременять других своими заботами. Характерный эпизод запомнился Кону (СЖ):

«У Юры давно было плохое здоровье. Помню, как однажды, когда мы были на какой-то конференции в Сан-Франциско, перед самым отлетом ему внезапно стало очень плохо, но он сказал, что все пройдет, вызывать врача не надо. С помощью моего друга психолога Филиппа Зимбардо я с трудом посадил его в машину, а потом в аэропорту мы всей командой везли грузного Леваду на багажной тележке, а он нас уговаривал не волноваться. Между прочим, в это время он был не только всемирно известным ученым, но и членом Президентского совета... Он не любил ни жаловаться, ни качать права, ни обременять других своими заботами, хотя сам на чужие беды всегда откликнулся» (Кон СЖ).

²⁰ Интервью с Эдуардом Беляевым, 6 августа 2008 г. В настоящее время это интервью находится в обработке, после завершения которой оно будет вывешено на сайте «Международная Биографическая Инициатива», <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

²¹ В. Головачев. Незаменимые — есть! Как будет развиваться социология после Юрия Левады // Труд. 2006. 21 нояб.

Темперамент Левады в описании близких людей вызывает в памяти образ древних мудрецов. Гудков (СЮЛ) видит в Леваде «брата Пифагора, Монтеня или Гераклита». Для Левинсона (ДН) Левада — «праведник, без которого не стоит село». В воспоминаниях, собранных в «Социологическом журнале», Левада предстает как человек, которого отличали «интеллектуальная терпимость» (Кон), «мужество и самообладание» (Шляпентох), «именно самостояние, а не противостояние» (Алексеев), «присутствие мысли во всех делах — победа умной силы» (Фирсов), «умный и все понимающий человек, [который] был не склонен сурово судить своих "приятелей"» (Шейнис и Назимова). И на работе, и в быту Юрия Александровича выделяли «антибюрократические» установки, его «несуетность или мудрость: Левада никогда не путал важное и неважное. И никогда не тратил на неважное ни внимание, ни чувства. Соразмеряться с его масштабом бывало нелегко, то с чем ты носился, в его присутствии вдруг теряло значение» (Левинсон СЖ). В то же время Левада не обращал особого внимания на бытовые детали, оставаясь демонстративно антибюрократическим и в своих повседневных привычках. «Левада надевает галстук вряд ли больше трех раз в году, а если и надевает, то так, что лучше бы не надевал» (Левинсон ДН). Еще одна вариация на тему Левады как личности сократической:

«[Он] мудрец библейского типа. Мудрец не буддийский — отстраненный и просто наблюдающий и немного равнодушный, но мудрец пронизательный, невероятно глубокий и страдающий. Еще всегда думала — он так много знает обо мне. Обо всех. Знает — не спрашивая, просто видит, какая я, какие мы все. Знает, и понимает, и прощает, и любит. И, конечно, этот особый левадинский взгляд — он так смотрел и на страну, и на общество, на то, что здесь было и есть. Об этом, конечно, еще хорошо и точно скажут другие — его лучшие, прекрасные, чудные ученики и коллеги — Гудков, Дубин, Левинсон»²².

Этот пассаж симптоматичен. Он указывает на связь канонизации с необходимостью передать харизму учителя-основателя последователям-ученикам. Тут есть опасность того, что процесс канонизации перерастет в процесс мифологизации с его тенденцией очистить сакральный образ от частного, призем-

ленного, профанного. Не удивительно, что канонизаторы спешат добавить реалистические детали, отметить сложность личности канонизируемого человека.

«Юрий, будучи добросердечно расположенным к тем, кого причислял к "своим", не отличался излишней откровенностью» (Ядов СЖ). «Ю. Левада был скуп на слова, разговаривать его, тем более с целью подробно объяснить свое научное и нравственное кредо, было трудно» (Фирсов СЖ). Шейнис и Назимова (СЖ) говорят, что в Леваду выделяла «зоркость и некоторая эмоциональная отстраненность в оценках людей». Шляпентох (СЖ) признает, что «Левада, вообще очень сдержанный и даже суховатый человек, не был моим другом, только добрым коллегой». Вспоминает Владимир Ядов (СЖ): «Он, как правило, начинал говорить о своём представлении обсуждаемого, но всегда заканчивал фразой: а ты как думаешь? И дальше спокойно и убежденно отстаивал свою позицию. Переубедить его было очень трудно. В крайнем случае он говорил: «Ну, посмотрим». У Ядова же можно найти несколько амбивалентные воспоминания о Леваде как руководителе семинара: «На семинарах Левады, в которых мне — ленинградцу — случалось присутствовать довольно редко, Юрий держался как профессор в среде первокурсников. И имел к тому все основания» (СЖ). Последнее предложение звучит не совсем убедительно, учитывая, что семинар собирал сотрудников и коллег Левады (возможно, Ядов здесь возвращается в памяти к обсуждению его диссертации на семинаре Левады)²³. Еще одно заземляющее образ Левады свидетельство Кона (СЖ):

«Интеллектуальная терпимость не делала его всеядным, иногда он быть даже жестким. Помню, как на одном из семинаров в Кяэрику он резко оборвал рассуждения Г.П. Щедровицкого. Я в тот раз видел Щедровицкого впервые, он мне понравился, и я спросил Юру: "Чего ты так на него окрылся?" "В малых дозах это действительно интересно, но в больших дозах несовместимо с предметным исследованием,

²² UPD, <http://european-jay.livejournal.com/9703.html>.

²³ Там же Ядов указывает на внутреннюю сосредоточенность Левады: «У меня было ощущение, что он сейчас обдумывает какую-то проблему (может быть текст, для публикации) и не способен вот так сходу переключиться на болтовню... Если же речь шла о научных проблемах, он немедленно включался, и более заинтересованного собеседника в среде коллег социологов, если не считать Геннадия Батыгина, Игоря Кона и Николая Лапина, я не встречал». Готовность войти в чужую проблему и вести диалог отличает Леваду от Пьера Бурдьё, «с которым у меня было две встречи, в которых я едва ли мог вставить пару слов» (Ядов СЖ).

а мы слушаем это постоянно», — ответил он. Кстати, со Щедровицким у них были хорошие личные отношения, тот к любой критике относился спокойно и готов был объяснять непонятное много раз. Что же касается подонков и неучей, то с ними Левада спорить не любил и говорить о них — тоже. Ему это было просто неинтересно»²⁴.

Следует подчеркнуть, что приведенные выше свидетельства принадлежат главным образом сотрудникам или друзьям Левады. Несомненно, есть и другие оценки людей не столь близких, не во всем симпатизирующих или антагонистично настроенных к Юрию Александровичу. Трудно сказать, как велика совокупность оценок того или иного рода. Приведу мнение Бориса Раббота, человека хорошо знавшего Леваду и во многом ему симпатизирующего, но предлагающего более отстраненную оценку его личности:

«К Юре Леваде я относился с симпатией и уважением, но друзьями мы не были. Знакомство наше состоялось еще на философском факультете МГУ, где он учился на курс старше моего. Потом, через пять-шесть лет, он издал книгу о религии и предложил статью на эту тему в редакции журнала "Наука и религия", где я заведовал отделом с 1959-го года. Откровенно говоря, мне его книга не понравилась из-за своей поверхностности. По характеру мы были разными людьми: он внешне казался флегматичным, но временами позволял себе явное ехидство по адресу тех, кто ему не нравился. А я отношусь к ироничным людям настороженно, считая их недобрыми. Кроме того, Юра был окружен сотрудниками, которые им восхищались, а мне не нравится власть над людьми даже с помощью идей в такой же мере, как и идолопоклонники этой власти»²⁵.

Левада не является кандидатом в святые, и я не беру на себя роль адвоката дьявола. Замечу лишь, что будущие биографы Левады должны будут отдать должное впечатлениям людей разного типа, круга и убеждений. Важно подчеркнуть, что и близкие Леваде люди отмечают сложность его характера и отдают себе отчет о негативном впечатлении, которое он мог производить окружающих. Левада мог быть не-

сговорчивым, он «суровый человек», говорит Гудков, но тут же добавляют, «прежде всего, в отношении к себе». Образ Левады «притягивал к нему многих. Но многих — а их было куда больше! — отталкивал» (Дубин М06). «Он был, конечно, человеком чрезвычайно неудобным для многих. Просто самой своей самостоятельностью, абсолютной неподкупностью, последовательностью, ну, он много раз называл себя упрямым человеком, старым упрямым, ну, когда уже стал немолод. И это было правда» (Дубин ЭХО). По мнению его соратников, отрешенность Левады — сознательная установка. «Одиночество, следующее из принятия такого рода позиции, было совершенно осмысленным, этически и, видимо, экзистенциально мотивированным. Оно открывало ему пространство внутренней свободы, ощущаемой окружающими, устанавливало дистанцию по отношению к событиям внешнего мира, а также — давало неповседневную меру житейской и человеческой суеты» (Гудков СЮЛ). Левинсон (СЖ) вспоминает эпизод из советских времен, когда друг Левады попал на допросы в КГБ и пошли слухи об инкриминирующих показаниях этого человека: «Этот слух принес Леваде, в частности, я. Я помню каменную жесткость, с которой Левада сказал: "Этого не может быть". Я что-то изрекал насчет того, что "там" с человеком может сделаться всё, что угодно... Левада еще жестче оборвал: "Не все". Его правота, облыженность подозрений и обвинений были доказаны через несколько недель».

Отзывчивость и отстраненность, редкая терпимость и каменная жесткость, экзистенциальное одиночество и тяга к коллективной работе, мудрость в больших делах и рассеянность в повседневной жизни — бинарные оппозиции такого рода указывают на процесс канонизации образа и рутинизации харизмы. В какой степени эти семантические пары отражают действительное бытие Левады-человека, решать историкам. Что не вызывает сомнений — это аффективно-соматическая заряженность Юрия Левады, эмоциональная напряженность, страстность его природы. Очень точно подмечают это важное измерение левадовской природы его коллеги. «Глубоко спрятанная страстность Левады внешне почти никак не выражалась. Людей он делил на "хороших" и "неинтересных", считая, что настоящее дело может делаться лишь со страстью (когда ему что-то нравилось, он с чувством повторял *что-то* выражение: "увлекает увлеченность")» (Гудков СЮЛ). «Я не умею работать без интереса», —

²⁴ Там же Кон добавляет: «Он был для многих образцом и учителем, но в нем не было ни капли мессианства. Юра был исключительно обязательным и доброжелательным человеком. Когда он руководил ВЦИОМом, я часто обращался к нему за данными, и не было случая, чтобы он просьбу забыл или не выполнил» (Кон СЖ).

²⁵ Раббот Б. Интервью. 2008. 5 авг.

сказал он однажды в интервью (а само понятие повторял не раз, иногда, применительно к другим, еще называя его словом "страсть")» (Дубин ОО). Озабоченность, озадаченность, опечаленность, очарованность и озаренность Левады мирскими проблемами напоминают нам о значении того, что Хайдеггер обозначил термином «Sorge» — забота как неперемное условие экзистенции исторического человека, будь он усредненным обывателем, профессиональным исследователем или абстрактным философом.

4. Наследие ученого. Человек, оставивший неизгладимый след в науке, не только первооткрыватель, локомотив прогресса. Это также продолжатель традиции, чьи достижения стали возможны благодаря непрерывному труду его предшественников и современников, чьи успехи должны вдохновлять будущие поколения. Подведение итогов жизни ученого, особенно личности масштаба Левады, дает возможность профессиональному содружеству укрепить свои ряды и подтвердить значение собственной дисциплины в обществе. Это ритуал в дюркгеймовском смысле слова, и как всякий ритуал он кодифицирует этические нормы, заряжает эмоционально членов сообщества, призывает собратьев по оружию следовать отцам-основателям и готовиться к ратному подвигу.

Оценки Левады начинаются с его чисто научных достижений. «Юрий создал великолепную научную школу, и тем самым остается в российской социологии и после ухода из жизни» (Ядов М). «Его проект "Homo soveticus" навсегда войдет в отечественную социологию как образец инструмента исключительной точности и чувствительности... Его идеи и труды всегда будут с нами» (Елисеева М06). Благодаря Леваде «оформилась разнородность социологии, которой, кажется, нет аналогов ни у нас в стране, ни за рубежом. Она основывается на гигантских массивах эмпирических данных, полученных в ходе регулярных по ритму, но постоянно меняющихся по содержанию, к тому же, как правило, заказных опросов общественного мнения, и, вместе с тем, ставит задачу описания и понимания социальных, экономических, политических, культурных, национальных, электоральных процессов, которые составляют нынешнее российское общество, происходят в его "низах" и "верхах"» (Дубин ОО). Эти цеховые сводки непременно переходят в нравственные оценки роли Левады как выдающегося представителя русской интеллигенции, человека редких гражданских добродетелей.

«[К]огда остановилось его сердце, он олицетворял в моем сознании образ человека, чьим девизом была борьба за свободу мысли» (Фирсов СЖ). «[П]усть поднятая Юрием Левадой профессиональная, общественная и моральная планка и остается для нас недостижимой. Но важно, что планка эта существует» (Алексеев СЖ). «Уход из жизни Юрия Левады — это потеря не только для нашей науки, но и для всех людей, кому дороги те общечеловеческие ценности, которые отстаивал этот большой ученый» (Елисеева М06). «Тема опроса: состоялся ли Юрий Александрович Левада? Ответ: да. Результат: сто процентов. Интерпретация: интерпретировать нечего. Факт» (Архангельский). Левада — «беспорная модель поведения [и потому он] так ценен для российской социологии, особенно теперь, когда ее представители находятся под сильным давлением рыночных и нерыночных механизмов, требующих от них данных и анализа, полезных для тех, у кого политическая и экономическая власть. Так и хочется воскликнуть: "Коллеги, memento Levada"» (Шляпентох СЖ). А вот свидетельство обществоведа, которой не довелось встретиться с Левадой:

«Я не встречалась с Юрием Александровичем и знакома только с его деятельностью, с его работами. Но всегда казалось, что Левада — это величина постоянная — константа! Есть Левада — значит, есть будущее у демократии, у социологии, у гражданского общества. Казалось, нет конца его мужеству, его энергии, его идеям. Есть такой маяк — Левада, по которому сверяют курсы и многие социологи тех далеких 60-х, и молодые — люди нового века. Левада — это имя уже давно стало нарицательным, мерой истины и надежности в социологии. Надеюсь, что и дальше мы, оставшиеся на посту российские социологи, будем измерять истину в "левадах"» (Шайдарова М06).

Особо нужно выделить оценки наследников левадовской традиции, для которых смерть основателя дает повод свести старые счеты, указать на необходимость продолжения общего дела, освятить себя харизмой учителя. Традиция Левады, по мнению его учеников, остается невостребованной. «[С]татьи Левады за ничтожным исключением его ближайшего окружения не нашли отзвуков. Та глубина анализа, тот язык, на котором они были написаны, просто не имели на тот момент соответствующих читателей, компетентной аудитории. Эти статьи ждут своего читателя среди современных социологов» (Левинсон ДН). Наиболее «важная

причина игнорирования работ Левады, равнодушия или отсутствия интереса к тому, о чем он писал, заключается в отторжении российской социологической наукой той ценностно-этической позиции исследователя, которую он занимал, соответственно, нежелания признавать его подходы, оценки и выводы. Парадокс, однако, заключался в том, что — по законам нечистой совести — эта глухота, дистанцирование, отчуждение были вынуждены принимать характер декларативного почитания, тем самым, вытесняя из поля сознания то, что являлось самым важным для Левады как человека и ученого» (Гудков СЮЛ). Его «индивидуальный склад, помноженный к тому же на безукоризненную научную честность и человеческую порядочность, многих — а их было куда больше! — отталкивал. Давайте осознаем, насколько он противоречил всей антропологии советского общества и человека» (Дубин ОО)²⁶.

Завещанная Левадой программа представляет социологию как ангажированную науку, в которой чисто исследовательские цели тесно переплетаются с задачей трансформации посттоталитарной России в демократическое общество. Отсюда акцент на активистской составляющей жизненного проекта Левады — Левады-ученого и Левады-гражданина: «[О]н не просто понимал, он свое понимание предъявлял и предлагал обществу. Он в этом смысле был как бы не академическим ученым. Его мысли остались не только в книгах. Они выходят на поверхность. А какая у этого функция? А это функция превращения собрания людей, которых мы опросили, которых можно называть "население", может быть, народ, вот, превращение их в общество» (Левинсон ЭХО). Последователи Левады готовы продолжать его дело, но осуществление его программы в полной мере зависит от готовности научного сообщества в целом пересмотреть свои установки, изучить наследие Левады, проникнуться его харизмой и коллективными усилиями осуществить его этические, научные и общественные идеалы.

Левада о себе. Одна из центральных проблем биографического и автобиографического нарратива — проблема выборки. Генеральная совокупность событий-действий, в которых объект (авто)биографического сказа принимал

участие и в которых воплощалось его историческое бытие, невозможно определить с какой бы то ни было точностью. А если добавить к этому массиву переживания, авторефлексию, потаенные мысли и поступки и возможные свидетельства участников каждого события, то эта совокупность оказывается практически бесконечной²⁷. Бионаративная практика позволяет сказителю отобрать эпизоды из жизни человека и расположить их в соответствии с некоей нарративной дугой, но она же ставит вопрос о репрезентативности, о недосчитанных или вовсе не учтенных событиях, предполагающих альтернативные интерпретации²⁸. Сама трансформация развертывающегося в пространстве и времени события в дискурсивный факт проблематизируется в биокритической герменевтике. Биокритический анализ уделяет особое внимание ошибкам самовыборки, лакунам био- и автобиографического нарратива, (рас)согласованию вербальных, эмоциональных и поведенческих знаковых систем. В целях минимизации ошибок выборки биокритическая герменевтика использует метод обратного редактирования, нацеленный на воплощенные значения, не вошедшие в официальный нарратив и указывающие на альтернативные возможности нарративизации и жизнеосмысления.

Насколько мне известно, Левада автобиографии не писал. В интервью 1996-го г., данном Геннадию Батыгиным в рамках проекта «Социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах» (Л96), Левада приводит несколько ключевых фактов и событий своей профессиональной биографии и описывает свою реакцию на них, но эти сведения остаются весьма ограниченными. В гарвардском интервью (Л90) Левада концентрируется на событиях конца 60—70-х гг., связанных с обсуждением его «Лекций по социологии», и дает более или менее развернутую оценку действий участников событий тех лет. Как источник биографических данных жанр интервью имеет свои преимущества: он позволяет интервьюеру задать тему, сфоку-

²⁶ Ср. Алексеев (МО6): «Отрадно, что масштаб личности, научный и гражданственный подвиг Левады имеют шанс не остаться не осмысленными идущими вслед поколениями, хоть, к сожалению, пока еще и не так широко востребовано все, что им сделано, особенно — в теоретической социологии».

²⁷ В своих «Жизнеописаниях» Плутарх сравнивает биографа, столкнувшегося с границами биографических данных, с древними географами, которые перенапрягают свое воображение при описании недоступных территорий, где находятся сказочные «пустыни, заселенные страшными чудовищами, и необъятные морские просторы, покрытые скифскими льдами». *Plutarch. Plutarch Lives. Vol. 1. N.Y.: The Modern Library. 1992. P. 1.*

²⁸ См.: *Shalin D. Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics // Sociological Theory. 2007. Vol. 25. P. 193–224. <http://www.asanet.org/galleries/default-file/Sept07STFeature.pdf>.*

сироваться на определенных сторонах жизни человека, предложить уточняющие вопросы, вызвать откровенную, лишь частично контролируемую реакцию респондента. Но эти достоинства интервью как источника биографической информации одновременно указывают на его потенциальные недостатки — предвзятость интервьюера, тематическая ограниченность, неточность формулировок, поспешность сделанных сходу обобщений и т.д.

В автобиографическом рассказе можно найти множество составляющих. В соответствии задачами данного исследования я хотел бы выделить следующие смысловые блоки в автобиографическом нарративе Левады: (1) биографическая канва, (2) жизненный проект, (3) экзистенциальный профиль и (4) оценка достижений.

1. Биографическая канва. Дискурсивное познание движется по спирали — от букв к слову, от слов к предложению, от предложений к тексту, от текста к жанру, от жанра к школе и традиции, от традиции к эпохе и далее к исчезающим в глубине истории семиотическим формам культуры. Согласно принципам герменевтики, этот процесс одновременно движется и в обратном направлении, поскольку часть может быть полностью понята только в контексте более широкого целого. Этот герменевтический круг или спираль прослеживается в биокритических исследованиях, где интерпретатор стремится понять отдельные эпизоды в контексте жизни человека и общества в целом, но при этом постоянно уточняет параметры социокультурного целого в свете новых биографем, непрерывно аккумулируемых автонарративов и жизнеописаний.

Внешние социально-исторические рамки, в которых протекала жизнь Левады, хорошо известны — Вторая мировая война, хрущевская «оттепель», брежневский застой, горбачевская перестройка, ельцинский постсоветский период, путинская стабилизация и частичная реставрация. Среди поворотных пунктов профессиональной биографии Левады можно отметить поступление в 1948 г. на философский факультет МГУ, окончание аспирантуры в 1955-м, работа в Институте китаеведения и поездка в Китай, переход в Институт социологии в 1960-м, защита докторской диссертации в 1965-м, создание междисциплинарного семинара в 1966-м, работа в ИКСИ с 1967-го г., партийная проработка в 1969-м г. в связи с публикацией «Лекций

по социологии», уход из ИКСИ в 1972-м с последующим периодом относительной изоляции в ЦЭМИ, приглашение в 1988-м на работу в отделе теории ВЦИОМа и далее директорство в этом заведении, уход вместе с рабочим коллективом из ВЦИОМа в 2003-м и создание Левада-Центра, которым Юрий Александрович руководил до своей смерти в 2006 г.

В самом начале своего интервью 1996-го г. Левада дает понять, что он не придает особого значения своему происхождению («я не уверен, что исходные данные что-нибудь освещают»). Может быть, поэтому он дает лишь самую общую канву его ранней биографии²⁹. Левада (Л96) упоминает свое провинциальное происхождение («Я провинциал, приехал из Винницы учиться в Московский университет»), указывает на профессию родителей («Мать журналист, отец литератор»), упоминает домашнюю библиотеку («У нас были тома истории философии; первый я прочитал в девятом классе»). Кажется, были и какие-то семейные связи в верхах, о которых Левада говорит мимоходом³⁰. Но его происхождение сыграло свою роль в его интеллектуальном развитии, по крайней мере, в той степени, в какой оно повлияло на его желание преодолеть свой провинциализм и выйти на главные научные магистрали. «Беда моя была в том, что у меня не было связей в московских интеллигентских кругах. Первоначально я жил в общежитии, там в большинстве были ветераны. В наше время примерно половина набора состояла из демобилизованных из армии. У них был свой стиль, свое отношение к жизни. Это влияло и на меня... Меня восхищали простые прямые парни, прошедшие фронт и где-то увлекшиеся тем, что тогда называли философией марксизма. Это мне долго мешало самостоятельно думать и сомневаться в том, в чем давно сомневались другие».

Останавливаясь на университетских годах, Левада довольно подробно очерчивает формирование своих профессиональных интересов, обозначает исторический контекст, в котором складывались его взгляды и профессиональные

²⁹ Борис Докторов начал серию интересных исследований биографий и судеб российских социологов, сформировавшихся в советскую эпоху. См.: Докторов Б. Биография и история // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_biography.html; Он же. Жизнь в поисках настоящей правды // Социальная реальность. 2007. № 6, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/levada_doktorov.html.

³⁰ Рассказывая о планах обучения, Левада говорит, что он рассматривал возможность стать «либо дипломатом, либо философом. Вариант поступления в международный вуз высмелял один старый друг семьи, причастный к этой сфере» (Л96).

интересы, особо подчеркивая роль хрущевских реформ. «Конечно, интересы и позиции формировали не ученье и не научные занятия, а прежде всего потрясения 1953–1956 годов – "оттепель", потом XX съезд, мелькавшие надежды и неосуществимые ожидания» (Л96).

Важным моментом развития Левады как ученого являлись интеллектуальные течения тех лет, о которых Левада упоминает в интервью 1996-го г. Там же он говорит о коллегам, чьи идеи и стиль работы оказали на него влияние. «Тогда, в 1970-е гг., говорили, что существуют второе искусство и вторая наука. Второе искусство (неформальное искусство) – это театры-студии, малопризнанные писатели, поэты. Теперь все их имена известны. О второй науке можно говорить не строго, но в какой-то мере это существовало. Были направления окологуманитарной науки, которые не поощрялись. Политических течений там не было – просто были течения, отличавшиеся от признанных. Прежде всего, конечно, их представлял Щедровицкий. Семинарскую работу он начинал где-то в начале 1950-х годов, сначала это называлось "Теория деятельности", потом "Система деятельности". У него был несколько меняющийся актив, но большой круг людей, которые вдохновенно работали много лет». Помимо семинара Щедровицкого, существовали и другие интеллектуальные центры, о которых Левада был хорошо осведомлен. «Скажем, течение диалектиков – на самом деле, это круг Э.В. Ильенкова, но организатором был Г.С. Батищев, у него много лет работал семинар. Были отдельные кружки – в основном связанные с формальной лингвистикой, долго не признаваемой, и семиотикой. И были не то чтобы цельные, но во всяком случае большие стремления развивать полупризнанную историческую культурологию (А.Я. Гуревич, Л.М. Баткин и некоторые другие)». Левада специально оговаривает, что его семинар, начавший работу в 1966 г., возник и развивался в широком фарватере интеллектуальных движений хрущевской поры. «Наше течение продолжало традиции: приглашали самых разных людей, на перекрестке интересов строили представление, некую попытку культурно обоснованной социологии (до последних лет от эмпирической социологии я был очень далек, никогда ею не занимался)».

Путь в социологию у Левады был не прямой, и проходил он через исследования Китая и азиатского общества. «В конце обучения стал ин-

тересоваться Китаем (там тогда были переводы), наполовину выучил язык и писал диплом и диссертацию об особенностях китайской революции, китайского общества. Это свело меня с проблемой азиатского общества, и через Карла Витфогеля я попал к Веберу. Вот такие были у меня выходы в теорию. Влияние каких-либо философских школ я не могу заметить, потому что чистой философией, повторю, не любил заниматься. Кое-что урывками слышал о социологии, которой нас не обучали, и никакой специальной литературы у меня не было». Во время поездки в Китай в конце 1950-х гг. Левада проводит несанкционированное социологическое исследование. «Позже я работал в Институте китаеведения (был тогда такой институт), поехал в Китай и там впервые пытался заняться социологическими исследованиями. Правда, массовые обследования мне проводить не позволили, но некоторые самодельные (примерно на десяти предприятиях) я сделал»³¹.

Круг чтения Левады включал работы, в той или иной степени интересовавшие всех гуманитариев этой поры. «Что читал? В основном теоретическую социологию – Дюркгейма, Вебера, Парсонса – с какой-то примесью культурологии и иногда семиотики, больше нашей. Я не упомянул, но вы знаете, что была семиотическая школа, имевшая ответвления по стране. У нас с ними были очень близкие отношения, мы обменивались идеями, докладами. И она сыграла тогда большую роль в формировании людей знающих и умеющих думать оригинально. Но особой науки, по-моему, не создали». Левада упоминает еще несколько ученых, оказавших на него значительное влияние. «Вся социологическая классика. И кроме того, современные течения типа современной культурологии, структурной антропологии. Это Леви-Стросс, Мердок, Миллер; немного психоанализа, хотя увлечения последним не было; немного лингвистики, в основном структурного плана; немного истории и теории религии. Здесь А. Пятигорский и школа Э. Гофмана к нам были более или менее близки. И школа В.В. Иванова–В.Н. Топорова, учеников Ю.М. Лотмана. Тогда была попытка организовать структуралистское движение во всех областях. Возможно, вы знаете, что в 1962 году был симпозиум по знаковым системам в Москве, вышла маленькая книжечка

³¹ «Дальнейшая работа по Китаю стала невозможна из-за обстоятельств внешнеполитического плана. В 1960 году я перешел в Институт философии и поначалу занимался социологией религии. На эту тему у меня была диссертация и книжка "Социальная природа религии" (1965)».

материалов. Но на самом деле это был манифест, так как он декларировал создание новой социальной науки, построенной на точном семиотическом анализе. Было стремление и даже попытка создать институт семиотики. Все это потом забылось, а тогда было очень интересно. По тем временам, каждый шаг в сторону от официальной идеологии казался чем-то значительным и интересным — одним и, конечно, опасным — другим».

Большая часть интервью 1996-го г. посвящена левадовскому семинару, который продолжит работу до горбачевской «оттепели» и станет событием в интеллектуальной жизни Москвы. «С осени 1966 года начался наш регулярный семинар на темы социальные, теоретико-экономические, семиотические, культурологические, исторические и прочие, который с различными перипетиями продолжался довольно долго. Это был не некий "теневой" семинар, а вполне обычный, нормальный. Скорее, это была главная форма жизни сектора — еженедельно, иногда и чаще собираться для обсуждения тех или иных проблем. Семинар имел достаточно большой авторитет, потому что у нас бывали практически все, кто считался в те годы наиболее яркими людьми. Скажем, Пятигорский, Аверинцев, Гуревич, Баткин, Иванов, Шляпентох, Щедровицкий...»³²

Хотя семинар был ориентирован на профессиональную аудиторию, он собирал людей из самых разных слоев общества. «Семинар был для своих людей, тех, что работали вместе и сейчас тоже работают вместе. Но временами, когда мы "разбухали" и появлялось помещение, набиралось 200–300 человек. Самые разные люди из старых знакомых, из новых, экономисты, историки, техники, физики. Были разные варианты семинара — узкого, широкого, "квартетного" типа. Работа его практически продолжалась непрерывно. Что обсуждали? Тогда, в 1970-е годы, говорили, что существуют второе искусство и вторая наука. Второе искусство (неформальное искусство) — это театры-студии, малопризнанные писатели, поэты».

В первой половине интервью Юрий Александрович рассказывает о «деле Левады», сфа-

брикованном вокруг его «Лекций». Последние включали несколько пассажей, которые после вторжения в Чехословакию советских войск в 1968-м г. можно было интерпретировать, как критику брежневского режима («там содержалась фраза, которая жутко "цепляла", вела к скандалу: что в наше время личностям подвергается разного рода давлению — со стороны власти, массового общества, рынка, и танками пытаются ее задавить»). Но дело, по мнению Левады, было не в лекциях, а в том, что «им» надо было прикрутить всякую чуть-чуть либеральную мысль и прикрутить ИКСИ, который вообще не нравился нашим официозным философам. Считалось ведь, что нет никакой социологии, отличной от философии; философия — это истмат и диамат, и ничего другого быть не может и не должно, все будет извращением. Потому и история с лекциями стала столь скандальной и приобрела довольно странный характер. Ко мне приходили люди, вроде бы мои добрые начальники и просто приятели и говорили: "Ты, главное, веди себя спокойно. Иначе всем будет плохо. Что-то признай, в чем-то покаяйся. Тогда мы останемся жить, сохраним институт, вместе будем работать дальше, все переделается"...»

Левада рассказывает об этом деле без всякого пафоса как о явлении симптоматичном, но вполне ординарном в контексте времени:

«Ну, последовал целый ряд взаимосвязанных и друг друга подогревающих событий. Устроили обсуждение лекций в разных местах. Главным было — в Академии общественных наук осенью 1969 года. В течение недели велась "операция" с множеством народа и большим шумом. В основном обвиняли в том, что мы протаскивали всякие "отклонения". Я еще работал в университете, Ягодкин поднял скандал, много чего навесил на декана факультета журналистики Я.Н. Засурского (он и сейчас декан), заставил обсудить всю эту историю на парткоме. Само собой разумелось, что я должен уйти из университета. С некоторым сопротивлением, но мне пришлось принять тогда все эти условия. Потом было обсуждение у нас в институте, высказывались всякие упреки, наше руководство признавало, что оно недоглядело, "навесили" выговоры — на меня тоже». Далее события развивались следующим образом:

«Но непосредственно трогать нас в институте не решались — пока не ушел Румянцев. В 1971 году он ушел, фавор его в ЦК закончился — Суслов его невзлюбил, и Румянцев очень обиделся. Какое-то время был проме-

³² В семинаре принимал участие Мамардашвили, который бывал там «много раз. Он не был постоянным участником, но был очень близким нашим другом. Несколько раз, например, мы обсуждали его концепцию превращенных форм (есть такая его статья в "Философской энциклопедии", она вошла в его сборники). Мы тогда спорили, я не соглашался с ним (и сейчас не соглашаюсь). Но это было удивительно интересно, как и все, что делал Мераб».

жуточный период — и исполняющим обязанности директора стал Лапин. Но он ничего не решался делать: пакостить не хотел, а выкрутиться из положения не мог. Летом 1972 года пришел Руткевич. Тогда он имел и славу, и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Стало ясно, что нам тут не жить, надо уходить. Я ушел. Потом все те, кто работал со мной, тоже разошлись в разные места».

О работе в ЦЭМИ Левада не распространяется в данном интервью. Несколько подробностей можно найти в его интервью 1990-го г.:

«На первых порах, когда я уходил (я договорился уйти в ЦЭМИ), я договорился с начальством о том, что они возьмут всех. Я выговорил у Федоренко десять мест, причем при очень активной, превосходной помощи Арона Каценеленбогена. Но потом оказалось, что это было невозможно по вине и из-за вмешательства начальства. Они взяли на работу только меня, без какой-либо компании. Когда-то обещали одного сотрудника, я пытался взять Леву, конечно... [В] обстановке, в которой я был, а я работал среди экономистов, я находил для себя много полезного, потому что я впервые увидел людей, увлеченных практическим делом, — они пытались реформировать наше планирование и даже экономическое мышление, — сравнительно молодых, активных, бойких. У них я многому научился — и понимать экономику, и представлять себе атмосферу бодро работающих коллективов. Поначалу это было так. Потом там кое-что ухудшилось, потому что реформировать эту экономику никак нельзя было... Но там были люди, которые сидели в пятницу и субботу до полуночи, с диким восторженным криком обсуждая очередную проблему... Я не мог этого делать, я был там немножко сбоку. Но это было для меня очень приятно, приятно смотреть, это было интересно очень. Сам я там был несколько в особом положении, не полностью включенным в дело, и это меня немножко беспокоило, к сожалению. Но это было неизбежно. Я имел возможность читать книжки и заниматься тем, чем мне хотелось. Конечно, сложно было печататься, потому что с социологами я порвал или [больше] не собирался с ними».

О переходе во ВЦИОМ и работе в нем информации в интервью совсем немного: «Дальше начались у нас политические перетряски, стало интересно следить за актуальным развитием. Появилась надежда, что удастся его как-то изучать. В 1988 году соблазнили меня перейти в

только что организованный ВЦИОМ, чтобы заняться там теорией общества и общественного мнения. Я собрал тех людей, которые были близко, с которыми мы работали, включая последнее время. Так появился отдел теории ВЦИОМ. Ситуация развивалась бурно, нам, как я думаю, удается заниматься теорией очень мало: приходится щупать пульс у больного. И это довольно интересно».

Следует отметить, что в автобиографических интервью Левады, как и в других известных мне публикациях, практически отсутствуют сведения о его личной жизни. Был ли Левада женат, сколько было у него детей, чем он любил заниматься на досуге — Левада не касается этого частного пласта своей жизни. Перечитывая гарвардское интервью, я натолкнулся на такую реплику: «У меня были детишки, и еще был такой все эти годы величайший амортизатор всех переживаний, душевных волнений. Амортизатор был большой, лохматый, у него был большой хвост, это был... собачище». Значит, были и детишки, но речь идет не о них. Из отчета о похоронах Левады я узнал, что там выступала его жена, но ни ее имени, ни справки о переживших его членов семьи там нет, хотя такого рода информация обычно дается в некрологах. С одной стороны, в этом нет ничего удивительного, поскольку мы имеем дело с ученым человеком и профессиональными интервью, где четко заданы рамки, за пределами которых остаются события частной жизни ученого. С другой стороны, здесь кроется проблема, приглашающая к биокритической рефлексии. Пока остаются недоступными архивы Левады, пока люди его окружения не засели за мемуары, эту лакуну заполнить не удастся.

2. Жизненный проект. Глобальный жизненный проект человека не всегда очевиден и видится он по-разному ему самому и его окружению, на ранних стадиях карьеры ученого и в ретроспективном анализе, современникам и будущим поколениям. Есть и частные проекты, которые могут развиваться по своей траектории, независимо от смежных начинаний. Связать все эти нити непросто, здесь трудно обойтись без натяжек, но поиск главного вектора жизнедеятельности человека — одна из задач биокритического исследования. Указание на доминанту жизненного проекта Левады можно найти в его интервью 1996-го г. (Л06), где поиск правды выделяется как центральный мотивирующий фактор его самоконструкции:

«Надо сказать, что к учебе на философском факультете меня побудила вовсе не любовь

к философии. Просто было тогда — странное, мальчишеское — представление, что есть места, где должны говорить "настоящую правду". Было ощущение того, что газеты, школа, пропаганда врут, но делают это потому, что так "надо", а вот где-то и кто-то должен знать подлинную правду. Кто именно? Как мне тогда казалось, — либо дипломаты, либо философы. Вариант поступления в международный вуз высмеял один старый друг семьи, причастный к этой сфере. Остался вариант философского факультета, туда я и подался летом 1947 года. Разочарование в том, чему, кто и как нас учил, пришло довольно быстро — но не в самой студенческой жизни. В те годы через факультет проходил "сильный пучок" интересных людей — ни раньше, ни позже, кажется, такого "парада планет" не было. Но со многими я сходилась значительно позже».

В условиях советского времени личный интерес к проблемам политики и истины вел человека с культурным и социальным капиталом либо к партийной карьере, либо к научной работе в гуманитарной области. Учитывая интеллектуальное любопытство и недюжинные способности Левады, а также его навеянные «оттепелью» политические надежды, можно понять, почему Левада выбрал философский факультет. Однако философский дискурс советского образца его скоро разочарует. «Интересовался я социально-политическими вещами, философия в чистом виде меня не заинтересовала и даже наоборот — породила отвращение (правда, через много лет я сам к ней стал обращаться). А во время учебы я практически занимался проблемами социальных изменений».

Разочарование в философии было вызвано не только ее идеологическими рамками, но и схоластическим характером самой дисциплины. Левада хотел выйти на эмпирическое изучение проблем современного общества, и развитие социологии и конкретных социальных исследований в стране открывали в этом отношении заманчивую перспективу. Вот как Левада описывает становления социологии в 60-х гг. и ее возрождение в постсоветскую эпоху: «Немногие помнят специфическую атмосферу тех лет, когда никаких новых общественных ориентиров не существовало, но как будто появилась новая возможность окунуться в среду языка, стиля, методов социального мышления, заметно отличного от доминирующей идеологической догматики. Этого оказалось достаточно, чтобы начать социологические исследования...

К концу 80-х годов, когда возник новый общественный интерес к социологической работе, проблема позиции исследователя приобрела новый смысл. Главным стимулом социолога стало стремление участвовать в наметившемся общественном обновлении»³³.

Надежды на либеральные реформы и возможность личного участия в переменах подталкивали Леваду в его профессиональных поисках и вели к социологии с ее посулом эмпирических исследований и практических результатов. Надежды эти не оправдались, что станет очевидно во время чехословацких событий, после которых социологическое воображение Левады возвращается в русло теоретических исканий. «Официальная общественная наука, официальная философия были дохлые (и сейчас, по моему, являются таковыми), поэтому был интерес к нормальным, не идеологизированным, в принципе, на западный манер исследованиям. Во всяком случае, была необходимость исследовать реальность человеческого поведения, духа, метода, мысли философии». По мере усиления застойных явлений в советском обществе Левада активизирует поиски теоретической модели, объясняющей тенденции времени. Его интерес к работам Вебера и Витфогеля, а также знакомство с проблематикой азиатского способа производства и свойственной ему запаздывающей модернизации сыграли здесь свою роль.

Изучение фашизма и тоталитаризма — еще одна важная составляющая его теоретических поисков. В «Лекциях по социологии» Левада описывает фашистскую Германию в терминах, не оставляющих сомнения о параллелях с современной Россией. «Фашизм провозглашает "тотальное" общество, которое будто бы является единым и монолитным и в котором классовые и другие различия второстепенны и неважны. Для этой цели создается миф о нации или государстве... Отсюда возникает весь строй общества, власти, суда, идеологии, когда отдельно не нужно ни правосудие, ни научное мышление, — нужна власть, которая была бы всем: и судом, и разумом, и оправданием. Высшим критерием права, морали, истины оказывается фюрер, его власть... Один из признаков тоталитарного государства — полная ликвидация автономии отдельных общественных групп, сообществ, учреждений. Все должны действовать только

³³ Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 60.

в соответствии с интересами режима»³⁴. В тоталитарных странах «происходит подавление всяческих индивидуальностей и групп, превращение их в серую, единую неподвижную массу, в монолит, который годится для пьедестала, но не годится для живого организма — это явление болезненное. Если мы рассматриваем проблему применительно к нашему обществу, возникает вопрос: как может общество, которое ставит своей задачей сознательно руководить социальными процессами... противостоять тенденции к конформизму?»³⁵. В гарвардском интервью Левада (Л90) рассказывает, как редактор «Философской энциклопедии» академик Константинов черкнул на полях верстки левадовской статьи о фашизме: «"Это про них или про нас?" После чего, редактор, достаточно приличный и достаточно хитрый человек, в нескольких пунктах написал слово "буржуазный", то есть это не просто такая организация, а буржуазная»³⁶.

Перестроечный энтузиазм длился недолго. Сила исторической инерции давала себя знать, и тогда Левада возвращается к проблематике тоталитаризма и его последствий в странах с догоняющей модернизацией:

«Модель классического советского двоемыслия казалась в эти годы опрокинутой и сравнительно легко ушедшей в прошлое. Однако, как видно сейчас, начавшаяся трансформация была более сложной. Модель держалась на страхе, привычке, отчасти — на иллюзиях. Когда развеялся страх, остались и привычка жить по "двойному стандарту", и иллюзии относительно его полезности... Сейчас не подлежит сомнению, что за прошедшие пять лет нельзя было ожидать фундаментальной трансформации общественного сознания, в том числе — и даже тем более — на уровне социальной личности, антропологического материала общества. Ситуация глубокого общественного перелома, которую переживает общество, ранее именовавшееся советским, не столько формирует *новые*, не существовавшие ранее

ориентиры и рамки общественного сознания, сколько *обнаруживает*, выводит на поверхность его скрытые структуры и механизмы»³⁷.

К концу режима Ельцина и началу правления Путина задачи центрального жизненного проекта Левады станут предельно ясны для него и его коллег — исследовать исторические корни, институциональные механизмы, антропологические основы и феноменологические формы тоталитарного государства и путей его превращения в демократическое общество. Но для того, чтобы полностью оценить суть этого проекта, нужно понять его личную, экзистенциальную составляющую.

3. Экзистенциальный профиль. Быстротечность жизни, неустроенность бытия, неизбежные удары судьбы, экзистенциальная уязвимость — эти извечные темы философских размышлений выплескиваются на поверхность, когда жизнь человека перестает зависеть от него, а его чувство собственного достоинства оказывается под ударом. Проблемы личной стратегии выживания встают с особой силой в условиях институционализированной несвободы. Здесь же выходит на передний план вопрос об эмоциях, о способах взятия их под твердый контроль разума. Пример тому — период заката Римской республики и становления цезаризма, где резко возросла незащищенность личности, и сохранение собственного достоинства вошло в конфликт с императивом самосохранения. Ответом на этот экзистенциальный вызов стал стоицизм — философско-политическое течение, основатели которого пытались обуздать эмоции с помощью ресурсов разума. «Дайте разуму бразды правления», — требует Сенека, но помните, что «его власть сохраняется только до тех пор, пока он изолирован от аффекта... Как только интеллект был потревожен и выведен из равновесия, он становится рабом сил, которые им управляют»³⁸.

Аналогию между Советской Россией и Римской империей нужно воспринимать со значительной долей скептицизма, но она не бесполезна, когда мы пытаемся осмыслить жизненный проект Левады и установить его экзистенциальный субстрат. Особенно любопытно в этом отношении гарвардское интервью Левады, где он необычно откровенно говорит

³⁴ Левада Ю. Лекции по социологии: В 2 т. М.: ИКСИ АН СССР, 1969. Т. 1. С. 95–97.

³⁵ Там же. С. 60.

³⁶ Отсюда и клеймо, поставленное на «Лекциях» Левады как «допускающих двусмысленные толкование». Meeting Protocols and Resolutions Related to the Yuri Levada Affair, 1969–1971 // The International Biography Initiative, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Documents/levada.html>.

³⁷ Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену человека советского: проблемы методологии анализа // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. с. 407, 412.

³⁸ Сенека. 1995. Moral and Political Essays. Cambridge: Cambridge University Press. Descartes, Rene. 1955. P. 25.

о своих эмоциях и чувствах в период преследований. В интервью множество эмоциональных токенов, причем аффективные маркеры здесь не всегда согласуются.

«Никаких особенных внутренних переживаний я не испытывал», — вспоминает Левада (Л90) проработку 1969-го г. Поведение Руткевича «меня... совершенно не волновало». «[С]трогач у меня висел, который очень затруднял переход с работы на работу, ну и поездки куда-либо, но это меня и не интересовало, и переходить я никуда не собирался, ибо мест таких не было, куда бы стоило переходить по тем временам. Вот, а в остальном это никак на меня не давило, не мешало, не беспокоило. Ни угрызений, ни переживаний у меня по этому поводу не было». Тут же дается объяснение такой реакции: «Я понимал, что делается в мире, что делается в стране, я видел людей, которые боролись, которых сажали, всем это было очень больно, и на этом фоне заниматься мне [своими] переживаниями было нелепо».

Но совсем освободиться от волнений было невозможно. Левада вспоминает, что у него был «во все эти годы величайший амортизатор всех переживаний, душевных волнений. Амортизатор был большой, лохматый, у него был большой хвост, это был... собачище». Последствия остракизма, которому подвергся Левада, давали себя знать, вызывая резкую реакцию, когда они касались близких ему людей: «Я имел очень хороший коллектив людей, с которыми любил работать, и представить себе, что я должен с ними расстаться, мне было очень больно». В этих условиях Левада находит для себя линию поведения, которую он определяет словом «естественно». Вместе с его производными, слово это встречается в тексте 20 раз. Пример: «Мне казалось, что я вел себя естественно. Мне естественно было прийти к Зиновьеву, узнавши, что он написал книжку, и прочитавши ее, естественно было идти с ним по улице, ну просто потому, что, если бы я стал от него бегать, было бы неестественно, и я бы испытывал какую-то колючку, боль оправдания. Или другая проблема. Положим, уезжали люди, я их провожал, из-за этого были скандалы — не со мной. Почему-то меня бог миловал... Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе». Вряд ли Левада оставил бы этот текст без изменений, сохранил данное наречие в таком изобилии, если бы у него была возможность отредактировать текст интервью (не исключено, что он вообще нашел бы его публи-

кацию неуместным). Но ценна здесь именно спонтанная реакция Левады, указывающая на его самоощущение, на работу по осознанию образа собственного «Я» в условиях несвободы.

Левада подчеркивает, что он не шел на компромисс с властями, не делал ничего такого, что бы не соответствовало его взглядам и чувству собственного достоинства: «Были предложения изобразить какое-то покаяние. Я этого не делал никогда... Я не могу припомнить ни одной ситуации, когда бы я говорил, или писал, или заявлял то, чего я не думаю». В то же время Левада не желает вставать в позу мученика — и это еще один важный элемент его экзистенциального профиля. Одно дело быть праведником, другое записаться в проповедники, поверить в свою исключительность и работать в поте лица на соответствующий образ:

«Нет, мне это не нравилось, хотя я считал, что я должен вести себя просто естественно, так, как я могу вести себя, а не так, как не могу. И все. Мне ужасно претила и претит позиция нарочитого лазания на рожон для того, чтобы себя показать, и прочее... Я не хотел и не хочу торчать. По мере возможности — раньше, теперь и впредь — всегда хотел бы занимать такую позицию, чтобы она никем, ни мной самим, не воспринималась как то, что я хочу выкрикнуть напоказ, или скрыться напоказ, или вытащить кукиш из кармана, чтоб знали они все... Ну, вы представляете, тут можно целый ряд таких уловок перечислить, разные люди к ним прибегают, но мне не хотелось. Поэтому я думал, что я... собственно и думать тут не приходилось, поскольку я полагал, что веду себя естественным образом. Может быть, когда-то я допускал какие-то тактические ошибки, я не могу припомнить, в какой ситуации, не могу корчить из себя безгрешного, но в принципе думаю, что я более или менее выдерживаю эту линию. И компромисса психологического практически не было. Повторяю, меня никто не заставлял делать то, что я не хочу, и я думаю, что я никогда не стал бы это делать, но и делать что-либо нарочитое я не стал бы».

Левада отказывается от звания диссидента, хотя не чурается общения с открытыми противниками системы, оказывает им посильную помощь. «Я знал людей многих, которые с этим [диссидентством] были связаны, в какой-то мере помогал. Никаких ни угрызений, ни опасений по этому поводу не было, но специального участия в работе я не принимал... Вы знаете, это был замкнутый круг. К сожалению,

дело свелось к тому, что они защищали не права граждан, а права друг друга. Их сажали, они друг за друга боролись, тех сажали, и так далее. Эта организация так вот специфически работала». Левада видит свою роль в том, чтобы не дать заглохнуть семинарской традиции, а для этого важно сохранить себя и условия коллективной работы: «Мне казалось, что это [диссидентство] практически не имеет смысла и выбьет меня из той ниши, которая у меня есть. И как-то это тоже, если хотите, принято считать, что первая реакция бывает наиболее оправданной и естественной».

Левада понимает непредсказуемость, случайность своего бытия и бытия своих современников³⁹. Он отказывается судить друзей и воздерживается от характеристик своих недругов, понимая, что если бы ситуация сложилась иначе, его жизненная траектория могла быть другой. «Я посмотрел на этих, скажем так, маневрирующих моих добрых приятелей, и я им ни в какой степени не завидовал. Им же приходится то ли мучиться, то ли избавляться от каких-то регуляторов. Тут тоже завидовать нечего, [им нужно было] бегать, светиться, изображать из себя и в меру критичных, и в меру верноподданных, чтобы понравиться, скажем, таким, а с другой стороны, не порвать с этими. Ну, зачем это. Хорошо, что у меня само так получилось, что я стою в стороне»⁴⁰.

Левада не терпит морализирования, особенно в кругу близких ему людей. «Вообще люди из числа тех, которые знали меня близко, морали не читали, отчасти потому, что они понимали ситуацию, отчасти потому, что они знали, что я очень был непредсказуемый... Эти мне морали не читали. Здесь было такое чисто прагматическое поведение. Мораль старались читать более далекие люди». Ему не просто и с близкими людьми, коих, по его утверждению, у него не много: «Вы знаете, я довольно одинокий волк всю жизнь. У меня много добрых приятелей, но я очень затрудняюсь называть

людей слишком близкими друзьями».

Левада остро чувствует врожденное хамство советского человека, его лицемерие и отсутствие доброй воли. «К сожалению, он [советский человек] бесконечно видит перед собой эти примеры. Ему хамит власть, ему хамит милиция, он ей хамит в ответ. Он чаще, правда, хамит тем, кто слабее его. Он сам себе хамит. Увы... Увы...» (Л05). Левада хорошо понимает рационализации своих благополучных коллег: «Я слышал такую аргументацию: "Но мне же надо играть полезную роль, я тем-то и тем-то руковожу"... Ну, вроде бы надо. "Ну, мне же надо не потому, что я люблю там куда-то ездить. Надо профессионально знать"... Таких же очень много оправданий существует».

С приходом Горбачева меняется политический климат в стране. Люди, обреченные на молчание в эпоху застоя, обретают голос. Уменьшается зазор между лицом и маской. Когда политическое инаколичие перестает преследоваться законом, лицемерие уступает место лицедействию. Государство ослабляет контроль над производством прибавочного смысла рабочим классом лицедеев, и по мере того как в условиях гласности расширялась сфера критики, появляется реальная возможность спонтанных смыслообразующих действий, личных и коллективных. В этих условиях стоицизм интеллектуалов советской поры менее востребован. Приходит время выходить на трибуны, поднимать забрало, показывать миру свое лицо. По воспоминаниям современника, «в перестройку Левада оттаял, ожил, появился клуб Гриши Глазкова, стал захаживать Седов, Левада вдруг сел в президиуме какого-то собрания, что вызвало мой буйный восторг, особенно в свете озадаченных рож комсомольских упырей (среди которых были пара будущих министров демократического правительства)» (Сапов НЮЛ). Но период перестроечных надежд скоро кончается, и по мере того как приметы тоталитарного прошлого множатся, в словах Левады снова звучит стоическая, спинозовская нота бесстрастного понимания:

«Я не намерен в данном случае кого-либо осуждать или оправдывать, моя профессиональная задача только в том, чтобы попытаться понять, почему стало возможным именно то, что происходит. Парадоксы — хаотический порядок, радикальные сдвиги без дальних расчетов. Не думаю, что нам, по крайней мере, моему поколению ("шестидесятников"), удастся увидеть какой-то иной способ существования общества. В этом способе одни страдают,

³⁹ «Был у меня такой сверхталантливый аспирант — Д.Б. Зильберман, самое яркое явление, удивительно широкого объема знаний и способностей человек. Я такого никогда ни раньше ни позже не видел. Он мог уверенно говорить обо всем: о социологии, фрейдизме, индийском мышлении. Он уехал в Америку — здесь работы для него не было — хотя уезжать не хотел. Года четыре там проработал и погиб — его задавил автомобиль, когда он ехал на велосипеде».

⁴⁰ «Был период, когда хорошо знакомые, видные и даже приличные люди, вот, скажем, зайдя в эту комнату и увидев, что я сижу за столом, обходили стол так, чтобы со мной не поздороваться... Они ко мне очень хорошо относятся, и я бы им об этом тоже никогда не напоминал». Но вот замечание о Руткевиче: «Он во всех отношениях нехороший человек и... все делал как-то не прямо...»

другие терпят, третьи ищут возможность адаптироваться. Непривычно и неуютно чувствуют себя вчерашние интеллигентные "властители дум" общества. Это сложная тема, и ее не хотелось бы касаться мимоходом. Мавра, который сделал свое дело, редко благодарят при его уходе (точнее, при смене роли). Говорить сегодня и на перспективу о какой-то особой и единой роли в обществе интеллигенции как целого нельзя. Но для специалистов социального знания эта роль всегда определяется формулой Спинозы: не радоваться, не огорчаться, а понимать»⁴¹.

4. Оценка достижений. Биокритика и социология воплощения уделяют значительное внимание личной герменевтике, стилю человека, конструирующего себя в терминах и биографах своего времени⁴². Сравнивая себя с современниками и оценивая свои достижения в свете истории, человек оказывается перед выбором стратегии. С одной стороны, здесь важно соблюдать меру и такт, помня, что свидетельства третьих лиц стоят больше, чем самореклама. С другой стороны, кто же знает больше о собственном жизненном пути, о своих успехах и поражениях, чем человек, предпринявший данный жизненный проект. Отсюда необходимость избегать Сциллы самогероизации и Харибды самоуничужения (включая героическое самоуничужение). Если человек оставляет после себя школу или общественное движение, то встает вопрос о наследии, грядущих задачах и передаче харизмы следующему поколению. А поскольку мантия лидера может быть по плечу наследникам с разными взглядами на будущее, то завещание великого человека приобретает особое значение.

Вряд ли Левада оставил после себя идейное завещание, и дело здесь не в том, что он умер внезапно⁴³. Руководить спектаклем из-за гроба — идея эта может показаться привлекательной многим, но не Леваде, хотя будущее страны и судьбы коллег были ему небезразличны. В интервью 2005 г. Левада бросает такую реплику: «Вы говорите, царства пройдут, а человек останется. Мне интересно, как они

⁴¹ Левада Ю. Время парадоксов. Социологические размышления // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макаруров, 1993. С. 18.

⁴² См.: Шалин Д. Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_golofast_intro.pdf.

⁴³ Улучив момент, когда кончилась первая сторона пленки во время гарвардского интервью и Левада вышел из комнаты, Лена Петренко заметила: «Он никогда еще так не говорил. Похоже, он диктует свое послание». Но это, конечно, не завещание.

пройдут, и что останется после с человеком. Авань посмотрю, я не очень уверен в этом, но — нахал. (*Ведущие смеются*). Немножко хочу посмотреть». Если верить его сотрудникам, стиль лидерства Левады не вязался с харизматической атрибутикой, а в чем-то был антихаризматическим. В этом смысле его лучше анализировать в терминах Эмерсона, чем в категориях Вебера. Там, где Макс Вебер писал о «харизматической форме авторитета», приходящей свыше и отделивающей лидера от массы, Ральф Валдо Эмерсон говорил о великих мира сего как о «репрезентативных людях» (*representative men*), чьи качества лучше всего воплощали человека своего времени и круга. Если существуют элементы героизации образа Левады, то они скорее приходят извне.

Возьмите роль Левады как одного из отцов-основателей советской социологии. Эту роль признают все, включая Геннадия Осипова, который выделил в своем докладе по случаю пятидесятилетия российской социологии два ключевых событий в ее истории: «дело Левады» и «дело Осипова»⁴⁴. Сегодня Осипов много пишет о «предательстве национальных интересов руководством КПСС», подчеркивает свои заслуги перед наукой и требует введения в стране «национальной социологии» с евразийским уклоном⁴⁵. Трудно представить Леваду воспевающим свою роль в истории дисциплины или стремящимся навязать другим свое видение социологии. Этот отец-основатель может сказать: «Ну велика ли важность, в конце концов, была в этой социологии. Я не мог ее преувеличивать тогда и не могу ее преувеличивать сейчас. Она не спаситель мира и не на ней сходилась свет» (Л90). Если он говорит о своих заслугах, то это едва ли имеет отношение к его собственным научным достижениям. Посмотрите, как Левада описывает свою роль партсекретаря в ИКСИ: «Я не стеснялся того, что я занимал там пар-

⁴⁴ См.: *Osipov G.* 2008. Возрождение социологии в России, <http://www.isras.ru/index.php?page%20id=699>. См. также: *Shalin D.* National Sociology and Paradigm Pluralism: Pragmatist Reflections on Current Russian Sociology, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_nationalsoc.html, (currently under review in *Slavic Review*). Любопытно наблюдение Шляпентоха (СЖ) о так называемом «деле Осипова» 1970-го г.: «Почти одновременно с атакой на "Лекции" была подвернута такому же разному, книга "Математика и социология", изданная Геннадием Осиповым и Эдуардом Андреевым (1970). Однако редакторы и авторы статей, виновные в отходе от марксизма и в порочной попытке подменить математикой методологию диалектического материализма, признали полностью свою вину и были освобождены от дальнейшей экзекуций».

⁴⁵ См.: *Осипов Г.* 2005. Вступительное слово. Евразийское будущее России, http://www.sir.run/Confer/Eurasia/confer1_1.html.

тийную должность, потому что это немножко связывало руки таким людям, как Осипов, и немножко помогало что-то делать. И я тогда мог бы чуть-чуть похвастываться, хотя и ничего особенного, что ни в какие трудные времена у нас не только не уволили ни одного подписанта и ни одного еврея, а наоборот, изо всех сил брали на работу» (Л90). Именно так — «мог бы чуть-чуть похвастываться, хотя и ничего особенного».

Обсуждение «Лекций» в АОН Левада рассматривает как событие заурядное на фоне идеологических погромов тех лет, а свое поведение определяет как «естественное». То же касается его оценок собственной работы, где Левада склонен подчеркивать пробелы и недостатки. Так он признает, что поначалу недооценивал роль и возможности изучения общественного мнения. «[М]ногим тогдашним социологам — и мне в их числе — казалась сомнительной сама возможность изучать общественное мнение в стране, где не признавался ни политический, ни даже коммерческий выбор»⁴⁶. Оглядываясь на десять лет работы ВЦИОМа, Левада говорит, что ожидания перестроечной поры не оправдались: «Характерная политическая (а также и исследовательская) иллюзия "начального" периода — явное преувеличение роли переменчивых настроений и недооценка стереотипов консервативного сознания; как всякая иллюзия, она стимулирует разочарования и lamentации разного рода»⁴⁷. На заре перестройки «ответы на отдельный вопрос... исследователи принимали за фундаментальную установку, словесно выраженные оценки — за готовность действовать в определенном направлении... Учиться понимать значение получаемого материала приходи-

лось — да и сейчас приходится — на ходу, в процессе работы»⁴⁸.

В годы правления Ельцина у Левады были основания считать, что его работа помогает обществу ориентироваться в политической ситуации. «Оглядываясь назад, могу видеть множество слабостей, упущений, упрощений и прочее. Но что-то все же удавалось сделать или хотя бы обозначить "тогда", а главное же, по-моему, — удалось нащупать переход к пониманию того, что происходит с нами "теперь". Мне кажется, что в последние годы мы с давними и недавними коллегами смогли описать и объяснить некоторые тенденции развития общества и человека, используя обильные эмпирические данные опросов, но также и тот мыслительный, методологический материал, который был проработан "тогда» (Л96). Данные опросов ВЦИОМа могли влиять на ход развития страны: «По некоторым сведениям, [наша] информация сыграла свою роль в том, что план карательной экспедиции по отношению к странам Балтии так и не был приведен тогда в действие. Через 3-4 года нам пришлось многократно выяснять отношение российского населения к военным акциям в Чечне и сообщать о нем широкой публике. В какой-то мере это помогало общественным протестам против войны и содействовало ее прекращению в 1996 году»⁴⁹. Однако к началу нового тысячелетия Левада занимает скептическую позицию по поводу роли социальных наук в трансформации общества. «Представления о том, что социальная наука (в данном случае социология общественного мнения) служит интересам общества, — не более чем увлекательная метафора»⁵⁰.

Более благосклонно Левада оценивает работу своего семинара советских лет, но при этом прежде всего подчеркивает его этос, интеллектуальный микроклимат. «"Семинарский" период, во-первых, помогал создавать новую атмосферу в социальных науках, расшатывать монополию казенной догматики, а во-вторых, — собирать людей, которым хотелось серьезно и свободно думать о социальной действительности. Позже, как мне представляется, традиция неофициальных семинаров сыграла свою роль в появлении неформальных кружков и семинаров "перестроечного" типа, которые, в свою очередь, породили первые ростки нашего плюрализма... Сейчас, насколько я знаю, неформальных семинаров такого типа, какие были в 60-80-х годах,

⁴⁶ Левада Ю. Наши десять лет: итоги и проблемы [1997] // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 555. Теперь Левада не без досады замечает, что участники дискуссии о роли общественного мнения в стране поменялись ролями: «Приходится слышать сетования о том, что в стране несостоявшейся демократии по-прежнему нет и настоящего общественного мнения; огорчительно слышать такие суждения от людей, которые внесли серьезный вклад в организацию исследований именно в этой области». Там же.

⁴⁷ Левада Ю. Возвращаясь к феномену человека советского: проблемы методологии анализа [1996] // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000. С. 444. Лев Гудков (СЮЛ) вспоминает: «Ни у него, ни у сотрудников его бывшего сектора в ИКСИ или тех, кто позднее, уже на семинаре, присоединился к его кругу, не было серьезного опыта эмпирических социологических исследований. Но были энтузиазм первооткрывателей, пыл собранных снова вместе близких людей, какие-то общие идеи и горячее желание их проверить или разобраться в том, что такое "советское общество-государство"».

⁴⁸ Наши десять лет. С. 560.

⁴⁹ Там же. С. 561.

⁵⁰ Левада Ю. Ищем человека. С. 60.

просто нет, их время прошло, потенциал такой формы интеллектуальной жизни исчерпан. Наш семинар замер и перестал действовать вскоре после того, как его ядро получило возможность совместно заниматься профессиональной работой в отделе теории ВЦИОМ; все попытки возродить семинар оказались неудачными» (Л96). То есть Левада акцентирует не столько научный результат своей деятельности, сколько сам исследовательский процесс, этические нормы свободной дискуссии, творческого поиска, готовности к непрерывному пересмотру данных и заключений. В этом смысле он выразитель нормы научной практики, которую Мертон называл «организованным скептицизмом» (*organized skepticism*)⁵¹. Следующий пассаж, мне кажется, передает эту мысль: «Я думаю, что это было интересно не как открытие, а как движение, как способ общения, организации, вдохновения людей. Если смотреть современными строгими глазами, то здесь и наивности было много, и недостаточно образованности, потому что ведь наше поколение никто серьезно не учил. Мы сами учились всем этим предметам — плохо и мало... По тем временам, каждый шаг в сторону от официальной идеологии казался чем-то значительным и интересным — одним и, конечно, опасным — а другим. Сегодня посмотреть — ну, вроде бы не очень серьезно, на Западе это знают, переворота не получилось. Но люди, которые шагнули в сторону, в стороне остались. Это было полезно» (Л96).

Живой опыт совместной работы важнее для Левады, чем аккумуляция фактов или конструирование теории. Это не значит, что он потерял интерес к теоретическим изысканиям. Левада готов указать на ту или иную публикацию как важную веху его интеллектуального развития. Например, в гарвардском интервью он замечает: «Лучшее из того, что я напечатал всерьез, по-моему, это статья об игровых системах». Про свою работу о марксистской антропологии он скажет: «Статья была, по-моему, вполне ничего себе» (Л90). Но распространяться о своих открытиях и публикациях он далее не намерен. Опыт совместного поиска, институционализация открытой научной практики и есть самый важный результат работы — Левады и его коллег.

⁵¹ См.: *Merton R. Science and the Social Order // The Sociology of Science. N. W. Storer (ed.) Chicago: The University of Chicago Press. 1973. P. 254–266.* См. также: *Shalin D. Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology // Sociological Focus. 1979. Vol. 12. No. 4. P. 275–293.* http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_esei.pdf.

Левинсон (ДЖ) говорит, что Левада был «держателем нормы». Соблюдал ли Левада эту норму неукоснительно, наступал на чьи-то мозоли, принимал решения, которые оставляли в недоумении кого-то из сотрудников? Наверное. В статье «Наши десять лет: итоги и проблемы», Левада пишет, что временами было «нелегко, пришлось расстаться — в основном в 1992 и 1994 годах — с целыми группами работников, которые не смогли или не пожелали "вписаться"»⁵² в новые структуры ВЦИОМа. Он предпочитает не вдаваться в подробности⁵³, но об этом еще предстоит рассказать участникам тех событий. В целом не вызывает сомнений готовность Левады работать сообща, умение беречь людей, способность воплощать нормы научного поиска. В той степени, в какой Левада говорит о своих достижениях, он подчеркивает именно эту — экзистенциальную компоненту своей деятельности. В ней можно видеть главное достижение Левады как творческой личности.

Пересечение биографического и теоретического корпуса Левады. У Ницше можно найти следующее замечание: «Со временем мне стало понятно, в чем сущность всякой великой философии — она есть личное признание автора и своего рода произвольная и бессознательная автобиография»⁵⁴. Не знаю, имел ли Ницше в виду себя (профессор, обидевшийся на мир, когда его карьера застыла, после чего он взялся за теорию ressentiment и сверхчеловека — тут есть о чем задуматься биокритику), но эта мысль созвучна идеям биокритической герменевтики. Жизнь общества протекает не за спиной или перед глазами ученых, ее изучающих, — она вбирает в себя обществоведа как включенного наблюдателя, который вольно или невольно, сознательно или бессознательно, на заглавных или вторичных ролях участвует в воспроизводстве и трансформации общества. Индивидуальное существо обществоведа — его тело, настроения, гормональные процессы — выполняет функцию индексов, указывающих на состояние общества. Многое из того, что приходит на ум исследователю и отражается

⁵² *Левада Ю.* Наши десять лет. С. 554.

⁵³ «Разумеется, я несколько рационализирую перипетии пройденного пути, — поясняет Левада, — поскольку пытаюсь выделить наиболее принципиальные моменты в ситуациях, где на поверхности, как это обычно бывает, действовали просто мелкие личные амбиции и прочее, поэтому не упоминаю конкретных фамилий». Там же.

⁵⁴ *Nietzsche F.* Beyond Good and Evil. Prelude to a Philosophy of the Future. Vintage Books. 1966. P. 13.

в его теоретических конструкциях, есть обобщение личного опыта социолога, опосредованного знаковыми фигурами его круга, общества и эпохи. Другими словами, теоретическая практика имеет свои феноменологические основы. При этом теоретик сознает далеко не полностью, какую роль его эмоции и телесные реакции играют в социальном обмене и познавательном процессе своего времени. Он старается отрефлексировать общие места мыслительной деятельности, заданные в семиотических системах истории, но избавиться от них раз и навсегда ему не дано. Как скажет основатель онтологической герменевтики: «Даже мастер исторического метода не может полностью освободиться от предрассудков своего времени, своей среды и своего общества»⁵⁵.

Последняя часть моих биокритических заметок посвящена взаимопроникновению биографического и теоретического корпуса Юрия Левады. Обсуждение коснется следующих вопросов: (1) Левада как включенный наблюдатель, (2) Левада как феноменологический антрополог, (3) Левада как исследователь общественного времени, (4) Левада как культурный феномен.

1. Левада как включенный наблюдатель. Эрвинг Гофман, оказавший значительное влияние на Леваду, определяет включенное наблюдение как способ «получения данных, [в процессе которого] вы подвергаете себя, свое тело, свою личность и свою ситуацию серии испытаний в среде определенной группы индивидов, что позволяет вам внедриться в ее экологическую нишу и прочувствовать реакцию ее членов на местные условия, будь то работа, межэтнические отношения, и так далее... Этот процесс "настраивает ваше тело", и с помощью таким образом "настроенного тела" в процессе пребывания в данной экологической нише (право на которое вы приобретаете всеми правдами и неправдами), вы можете наблюдать и сопереживать жесты, сигналы и телесные реакции, характерные для этой группы... После того, как вы вжились в новую ситуацию, вы должны забыть, что вы социолог. Теперь вас должны привлекать особи противоположного пола, вы освоите местные ритмы, ваша нога будет отбивать тот же такт, что и люди вокруг вас. Все это при-

знаки того, что вы внедрились и стали частью группы»⁵⁶. Созвучное идеям раннего Хайдеггера и прагматистской философии, это определение указывает на аффективно-соматическое измерение включенного наблюдения, на экзистенциальную роль тела исследователя, вклинившегося в классический круг герменевтики и задействованного в качестве барометра коллективного бытия.

Как и любой другой член советского общества, Левада был его неотъемлемой частью, воспроизводил его академические и неакадемические формы, и — отдавал себе в этом отчет. Показательно в этом отношении «дело Левады». 24-го ноября 1969 г. проходит обсуждение «Лекций» на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. После критических выступлений берет слово Левада: «В целом дискуссия за эти два вечера содержит много интересного и поучительного. Если бы ее записать и издать, распространить, получился бы ценный материал в помощь изучающим проблемы социологии, может быть, он вызвал бы не меньший интерес, чем "Лекции"»⁵⁷. То есть само обсуждение есть социальный факт, заслуживающий внимания обществоведов. Здесь Левада одновременно и участник социального процесса, и его исследователь, на что он недвусмысленно указывает в своей речи. Процесс этот есть усеченная (по крайней мере, на данной стадии проработки) форма показательного суда, или, в терминологии Гарфинкеля, «ритуальная церемония деградации»⁵⁸. Поведение Левады на этом обсуждении вызывает восхищение многих его коллег, которые принимали участие в схожих ритуалах иногда в качестве подсудимого, иногда в качестве пассивного или активного участника, но не нашли в себе силы отвергнуть официальное определение ситуации.

Левада выказывает готовность «отвечать на принципиальные моменты критики и, не комкая, выразить свое отношение к ней», но возражает против огульного тона некоторых выступавших, не выказывая поначалу особого

⁵⁵ Gadamer H.G. Truth and Method. N. Y., Crossroad. 1982. P. 466. В какой мере это наблюдение относится к самому Гадамеру обсуждается в работе: Shalin D. Hermeneutics and Prejudice: Heidegger and Gadamer in Their Historical Setting, Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association. San Francisco, 2004, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_heidegger.html.

⁵⁶ Goffman E. On Fieldwork // Journal of Contemporary Ethnography. 1989. № 18. P. 123–132.

⁵⁷ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. Далее цитируется по электронной версии ИБИ, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Documents/levada.html>.

⁵⁸ Garfinkel H. Conditions of Successful Degradation Ceremonies // American Journal of Sociology. 1956. № 61. P. 420–424.

желания идеологически разоружиться: «К сожалению, на дискуссию в этом зале с самого ее начала, с первого дня, повлияли некоторые совершенно посторонние научной атмосфере элементы, налет какого-то сенсационного "разоблачительства", который сказался в ряде выступлений... Ю.Н. Семенов сказал, что я здесь в качестве "подоблюдаемого". Не согласен с этим, считаю, что обсуждается проблема, способ ее освещения в моей работе. Это значит, что я вправе выражать свое отношение к собственной работе, а также рассматривать тон и качество критики». Левада разграничивает «а) *квалифицированную*, деловую, содержательную критику, с которой тоже не всегда можно согласиться сразу, но которую следует учитывать и обдумывать и б) порой осторожные по форме, а порой и крайне резкие упреки в *идеологических* и едва ли не политических срывах, которые мне приписывали, без должного обоснования, некоторые оппоненты... Как ученый и как коммунист я не могу и не хочу обходить молчанием бесосновательные упреки, которые, как мне сейчас кажется, иногда основывались на недоразумениях, но иногда превращались в совершенно недостойные». Там же Левада указывает на «крикливые и безграмотные сочинения некоторых наших "профессиональных критиков", неспособных ни одну проблему поставить и разъяснить — вот это, по-моему, образец непартийности, капитулянтства, сдачи позиций. Если истина — за нас, то без объективного подхода к проблеме нет и партийности». Обратите внимание на нормативно-партийную лексику Левады. Ее роль не столько удостоверяет его *bona fide* как коммуниста, сколько указывает на его компетентность и готовность играть по правилам, используя ресурсы официального курса в своих целях⁵⁹.

⁵⁹ Сравните поведение Левады с поведением Бурлацкого и Карпинского в сходных условиях, как его описывает в интервью Галина Старовойтова: «И в более позднее время, там в конце 60-х, Бурлацкий, например, который опубликовал, насколько я помню, вместе с Леном Карпинским какую-то статью крамольную — в "Комсомольской правде", что ли, я боюсь ошибиться в деталях. Ну, их стали вызывать в ЦК и исключать из партии. Бурлацкий бегал по коридору того здания, где они работали вместе — не то это были "Проблемы мира и социализма", не то еще что-то, — и кричал: "Лен, пойдти возьми все на себя. Ведь я-то должен остаться, я-то не могу, ты же понимаешь, надо, чтоб я тут остался. А ты пожертвуй [собой], мы потом для тебя что-нибудь сделаем". Он считал, что он незаменим для культуры, для прогресса, для демократии, поэтому он должен пойти на этот компромисс, а другой должен пожертвовать [собой] ради него. И так оно и случилось. Лен пожертвовал, был исключен из партии, снят с работы, голодал и ушел в запой в конце концов. А Бурлацкий и сейчас процветает». (*Старовойтова Г.* «Вы слишком хорошего мнения о нашей оппозиции. Они будут расстреливать на месте на этот раз»// *Телескоп: журнал социологиче-*

Многочисленные комментаторы указывают на неординарное поведение Левады в ходе его проработки в АОН. «Обратившись сегодня к протоколам "проработки" Левады, с записью также и его собственных выступлений на заседаниях партийного бюро Института социологических исследований и на общественно-научных собраниях, придирчивый и пристрастный современный читатель не найдет в них ни одного высказывания Ю. А., которого тот мог бы потом не то что стыдиться — стесняться» (Алексеев СЖ). В интервью 1996 г. Левада говорит о своем поведении более амбивалентно: «[Я] вел себя тогда, к моему сожалению, достаточно сдержанно. Очень мало отвечал по существу, хотя отвечал. Было несколько попыток сказать, что, в конце концов, решительно ничего злодейского в лекциях нет. Есть некоторые методические недочеты, что-то недостаточно отредактировано, есть двусмысленности, может быть». В другом интервью Левада (Л90) дает более однозначную оценку избранному курсу действий: «Были предложения изобразить какое-то покаяние. Я этого не делал никогда». И еще: «Я не могу припомнить ни одной ситуации, когда бы я говорил, или писал, или заявлял то, чего я не думаю» (Л90).

Последнее суждение весьма категорично, и оно не вполне согласуется с тем, как развивались события после обсуждения в АОН. Во время последующих проработок «Лекций» и в тексте заявлений Левады по поводу его идеологических ошибок тон Левады существенно меняется. Когда к делу подключился обком партии и стало ясно, что нахлобучка может не ограничиться строгачом, Левада признает свою «безответственность», «отсутствие связей с мировоззренческими установками», «партийную и политическую сторону тех ошибок, которые ... допустил», личную ответственность «как коммуниста и секретаря партбюро за выпуск недоброкачественной работы». «Для меня, как и для всех нас, не существует проблемы работать или не работать на основе марксизма, истмата и диамата» (но здесь же в свойственной ему манере добавляет: «Это надо делать в творческой работе»)⁶⁰.

Я привожу эти детали не для того, чтобы предложить ревизионистскую трактовку со-

ских и маркетинговых исследований. 2007. № 6, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1201870046461309file.pdf.

⁶⁰ Более подробное описание обсуждения можно найти в работе Д. Шалина «Человек общественный».

бытий тех лет — я разделаю высокую оценку поведения Левады во время обсуждения «Лекций», но для того, чтобы указать на цену, которую он заплатил за свои действия. Дело было не в том, чтобы отстоять свою позицию по вопросу о соотношении истмата и социологии, а в том, как сохранить свое достоинство и возможность продолжать академическую работу в советском учреждении. «Ниша», которую Левада себе отвоевал, была не только интеллектуальной; она обеспечивала ему высокий статус, шанс на продолжение исследовательской работы, возможность удовлетворять нормальные человеческие потребности — она обеспечивала ему некоторую онтологическую безопасность. Сделка состоялась в соответствии со стандартами времени: Леваду изолировали, но сохранили не только как человека, но как личность и как ученого. Испытания, через которые пришлось пройти Леваде, должны были сказаться на его аффективно-соматических индикаторах (дневники, медицинские справки, свидетельства очевидцев могут помочь оценить действительную цену его мужества). Принося свои покаяния, Левада не мог не чувствовать свою экзистенциальную уязвимость. Это, в свою очередь, могло сказаться на его реактивном желании минимизировать свою эмоциональную реакцию («Никаких особенных внутренних переживаний я не испытывал... это никак на меня не давило, не мешало, не беспокоило») и стремлении подчеркнуть свою последовательность («Я не могу припомнить ни одной ситуации, когда бы я говорил, или писал, или заявлял то, чего я не думаю»). Если в ходе этой экзекуции Левада приобрел новое знание о советском обществе, то оно не было головным. Это было знание живота, или, как сказал бы Вильям Джеймс, *visceral knowledge*.

Левада указывает на неизбежность компромиссных формулировок в советских условиях, на то, что «там была система шифровки, старались не договаривать до конца» (Л90). Но, мне кажется, он недооценивает коррозионную роль вынужденных высказываний о «преодолении отживших религиозных отношений в социалистических условиях», направляющей деятельности «марксистско-ленинской партии», «целенаправленной воспитательной активности государства» и «таких очагах реакции, как правительства Испании и Португалии [и других] тиранических режимах, состоящих на службе империализма США»⁶¹. Что-то из этих идео-

логических жучков вставляли его редакторы, что-то он сам; его дежурные пассажи явно не идут в сравнение со славословием того же Осипова, который в то время писал об «огромном значении для развития марксистско-ленинской социологии... решений съездов КПСС» и «социологии в СССР, [которая] является действительным оружием в руках Коммунистической партии и советского народа в борьбе за полное торжество коммунизма в СССР»⁶². И уж точно Левада никогда не стал бы писать о своих принципиальных разногласиях с опальным коллегой, как это сделал Осипов в случае Левады⁶³. Читатель мог без труда определить, когда такого рода шифровка была проформой, а когда выражала верноподданнические чувства чиновника от науки. Но было бы неправильно игнорировать рассогласование слова, аффекта и дела в советские годы жизни Левады. Даже если он оставался стойким в отношении своих перипетий, ему было тяжело видеть страдания своих коллег и современников. Молчать, когда видишь унижения других, может быть, труднее, чем находиться под ударом самому. Раздвоенность бытия была фактом биографии советского человека, Левада здесь не был исключением, и раздвоенность эта окажется в центре внимания его теоретических изысканий.

2. Левада как феноменологический антрополог. Вопрос о связи экзистенциальных установок и теоретической практики может показаться странным в условиях советского общества, где марксистская парадигма была обязательной для ученых всех наук, в особенности общественных. Но при ближайшем рассмотрении вопрос этот оказывается не праздным. Даже во времена Сталина существовали различные течения внутри марксистской ортодоксии, хотя их сторонники могли в любую минуту поплатиться за свою «ересь». Годы хрущевской «оттепели» вызвали к жизни несколько разновидностей марксистской мысли и значительно расширили возможности выбора и творчества. Помимо марксизма Глезермана и Руткевича, здесь процветал марксизм Роя Медведева и Румянцева, Ильенкова и Батищева, Давыдова и Гайденко, Щедровицкого и Генисаретского.

Первый период теоретических исканий выводит Леваду на системный марксизм. Его сторонники пытались обогатить традиционное понятие общественно-экономической формации идеями структурного функционализма

⁶¹ Левада Ю. Социальная природа религии. М. 1965. С. 242; Он же: Фашизм. М. [1970] 1993; Он же: Статьи по социологии. М. 1993. С. 135.

⁶² Осипов Г. Социология и современность. М.: Наука, 1977. С. 40, 159.

⁶³ Там же. С. 176.

Талкотта Парсонса, постулировавшего взаимозависимость институционально-нормативной, ценностно-культурной, и личностно-деятельностной систем общества. Структурный функционализм здесь дополняется принципом иерархизации, созвучным марксистской парадигме и нашедшим наиболее полное развитие в произведениях структурных марксистов Франции. Узловая работа Левады этого периода – монография «Социальная природа религии», выросшая из его докторской диссертации. В этой работе Левада показывает, что, хотя «понятие о системе как особом предмете исследования, имеющем дифференцированную структуру, пробило дорогу в широкую науку и логику значительно позже»⁶⁴, классические труды Маркса можно рассматривать как прототип теории систем. Следуя логике системного анализа, Левада выделяет несколько иерархически организованных структур, начиная с системы производственных сил, определяющей подсистему производственных отношений, на которой, в свою очередь, базируются многообразные формы общественного сознания. Тезис Левады близок к идеям структурного марксиста Луи Альтюссера, вознамерившегося растворить без остатка индивидуальное бытие в общественном процессе. В формулировке Левады структурно-иерархический принцип звучит так: «Реальный субъект исторического развития – не какой-либо отдельно взятый элемент культуры или общественного сознания, а общественная система как целое, как целостный организм со всеми его регулятивными и иными "устройствами"... Реальным субъектом исторической деятельности является общество как система деятельности, социальный организм, движущийся по своим законам, которые объективны, "предметны", по отношению к любому индивиду»⁶⁵.

Но редуцируя общественное сознание к материальному базису и индивида к его классовой сущности, трудно объяснить живучесть религиозных убеждений и других форм сознания, не имеющих базиса в социалистическом обществе. Ссылки на «родимые пятна капитализма» мало что объясняли после пятидесяти лет советской власти. Еще важнее было то, что иерархические модели позднего Маркса не оставляли теоретического пространства для социального творчества – камуфляжа, симуляции, эпатажа,

диссидентства и тому подобных противостемных действий индивида, саботирующих советский режим. Внешне человек этой системы может следовать ее нормативным принципам, декларировать ее расхожие ценности, но это не значит, что он их интернализировал, как предполагала модель Парсонса. В любой системе можно найти системные, внесистемные и противосистемные элементы, и никакие приводные ремни ценностных ориентаций или перспективы институционализированных санкций не в состоянии подавить творческое начало в человеке системы, даже такой репрессивной, как советское общество.

На конференции в Кяэрику 1967-го г. Левада приводит пример социального камуфляжа, в чем-то превосходящий и объясняющий его поведение во время обсуждения «Лекций». В докладе о ценностных ориентациях он напоминает аудитории о том, что у В. Ленина в аттестате зрелости стояла «пятерка» по закону божьему, и комментирует это так: «Почему ни у кого особенного удивления это не вызывает, потому что совершенно понятна ситуация человека в данной среде, в данном поведении. Некоторый формальный конформизм является необходимым для человека, который не согласен с обществом и, тем не менее, вынужден в нем жить и работать. Иначе он не сможет и свои задачи, и свои идеалы реализовать»⁶⁶. Формальный конформизм не только условие выживания в советской России, но и залог того, что индивид реализуется в ней как критическая, творческая личность. Левада проверит это на собственном опыте через два года после конференции в Кяэрику. Чтобы понять, как может человек раздваиваться в социальной системе с четко кодифицированными ценностями («Моральный кодекс строителя коммунизма» вбивался в голову всем), нужно искать другие – не марксистские и не функционалистские модели социального действия⁶⁷.

В этом контексте, мне думается, нужно интерпретировать работы Левады конца 70 – начала 80-х гг., где он выходит за рамки функциональной парадигмы и ставит вопрос об игровых структурах. В статье 1984-го г. об ан-

⁶⁴ Левада Ю. Социальная природа религии. М. 1965. С. 45, 40.

⁶⁵ Там же. С. 33.

⁶⁶ Левада Ю. Выступление на конференции // Материалы встречи социологов. Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация. Кяэрику–1967. Тарту, 1968. С. 29–30.

⁶⁷ Отход Левады от функционализма проходил на фоне параллельного кризиса теории Парсонса в Америке. Об этом см. Шалин Д., Человек общественный.

тропологических предпосылках экономического действия Левада говорит о «неприменимости к культурным феноменам признаков функциональности... Культуру же методологически правильнее было бы представлять не как функционально-организованный механизм, а как систему значений, приобретающих действительность и смысл (организованность) только в процессе их использования... потенциальный арсенал культурных значений и структур формируется исторически, временные параметры таких структур по определению несводимы к социально-организационным системам»⁶⁸. К этому периоду относится статья Левады об антропологии Маркса, «о том, как понимал Маркс человека, написанная к столетию с его смерти. Статья была, по-моему, вполне ничего себе», говорит о ней Левада (Л09). «То есть я думаю, представление Маркса о человеке принципиально неверное, идущее из восемнадцатого века, а вместе с этими представлениями все остальное тоже неверно». Когда я первый раз прочел эту статью, я не заметил ее критической направленности, но, перечитав «Лекции» и сопоставив их обсуждение с траекторией теоретического развития Левады, я начинаю понимать, что имел в виду Юрий Александрович – ее антифункционалистскую и в какой-то степени, антисистемную направленность.

Критика системно-иерархической модели Маркса прослеживается уже в «Лекциях», где Левада критикует тенденцию растворять личность в социально-нормативных отношениях: «Ф.М. Достоевский в "Дневнике" писателя за 1877 год писал, что натура человека глубже, чем общество, и источники зла, дурного, греха, как он выражается, лежат в самой сердцевине человека... мы видим как трудно, медленно изменяется человек в желаемом направлении, насколько наивны воззрения о том, что достаточно дернуть за какую-то ниточку, и человек целиком сразу повернется в другую сторону... Поскольку человек – не только продукт наличного строя, а всей истории общества, он оказывается более глубоким и более сложным, чем наличное общество»⁶⁹. Из этого положения, в частности, следует, что социальная система укоренена в габитусе человека, сложившемся на протяжении веков и тысячелетий и что попытки модернизировать его сверху сугубо институциональными средствами обречены на провал.

⁶⁸ Левада Ю. Культурный контекст экономического действия [1984] // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М., 1993. С. 91, 90.

⁶⁹ Левада Ю. Лекции по социологии. Т. 2. С. 3, 7.

Следующим шагом в теоретическом осмыслении ситуации – личной и общественной – будет работа Левады об игровых формах поведения. Об этой статье Левада скажет: «Лучшее из того, что я напечатал всерьез, по-моему, это статья об игровых системах» (Л90). Здесь автор движется от Парсонса к Веберу, от функционализма к методологии идеального типа, с последующим использованием идей Э. Гофмана, особенно его книги «Анализ фреймов»⁷⁰. «[И]гровая структура – это идеально-типическая категория», – объясняет Левада. «Игровое действие так или иначе институционализировано в определенных системах культурных значений, причем последние могут носить как универсальный, так и локальный характер (неофициальный, субъективный, контркультурный, и т.д.)»⁷¹. В микроструктурализме Гофмана Леваду привлекает идея многообразия игровых структур, стратегической роли камуфляжа, и мгновенной смены масок в повседневной ситуации – характеристики, интимно связанные с бытием советского человека. Позже выяснится, что эти черты воспроизводятся и в постсоветское время. В постперестроечные годы Левада разработает концепцию «принципиальной двойственности ("двоумислия") советского человека как социально-антропологического типа», характерного для «советского, государственного, тоталитарного социализма»⁷² и будет анализировать «игровой характер процедур общественной политики» в стране⁷³.

⁷⁰ Goffman E. Frame Analysis. N. Y. Harper. 1974.

⁷¹ Левада Ю. Игровые структуры в системах социального действия [1984] // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М., 1993. С. 99, 100. Лев Гудков (СЮЛ) предлагает свою интерпретацию значения концепции игровых систем в теоретическом корпусе Левады: «Левада предложил новый подход к теории действия, предложив схему сложного действия, где актер сам связывает разные плоскости значений – символические, нормативные, институциональные, временные, пространственные – в единую структуру. Он назвал ее "игра". Игра – это субъективная проекция культурных значений на плоскость социального действия, позволяющая действующему и его партнерам структурировать ситуацию и свое поведение (предвидеть, организовать свое поведение, придать ему смысл в ограниченных рамках контекстуального целого, устанавливаемых самими игроками или принимаемыми ими в качестве общепринятых правил)».

⁷² Левада Ю. Факторы и ресурсы общественного мнения в условиях постмобилизационного общества // Общественное мнение в год кризисного перелома // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000, с. 23; Векторы перемен: Социокультурные координаты изменений // От мнений к пониманию, с. 17. По свидетельству Левинсона (ЭХО), «если говорить как бы об основной теме Левады с самых первых лет, то его, вообще говоря, интересовал, прежде всего, конечно, человек, адаптировавшийся к репрессивному обществу, к тоталитарному обществу».

⁷³ Левада Ю. Комплексы общественного мнения [1996] // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. С. 219; Время парадоксов. Социологические размышления [1993] // Он же. Статьи по социологии. С. 17.

Левада не касается ранней работы Эрвинга Гофмана «Презентация себя в повседневной жизни», но она не менее важна для понимания того, почему концепция игровых структур и анализа фреймов выйдет на передний план в контексте российского общества. Лицо человека, если мы говорим о лице как социологической категории в смысле Гофмана, — это средство производства объективной социальной реальности, и монополия на него — на публичное лицедейство — принадлежит общенациональному государству. В советской России население распределяется по первичным ячейкам и задействуется на государственно-важной работе по возведению и ремонту потемкинских деревень⁷⁴. В этих условиях лицемерие проникает во все сферы бытия, тогда как аутентичность принимает формы иронии и вездесущего стеба, который как бы отсылает к лицу под маской, но маска это уже давно проросла в лицо, и отличить аутентично-личное от дежурно-общественного становится все труднее. Здесь-то и пригодился Леваде его опыт включенного наблюдателя в обществе, чьи игры он знал изнутри и чьи антропологические формы он описал феноменологически с такой проникновенностью.

Труды и интервью Левады изобилуют зарисовками с натуры антропологических типов человека советского и его постсоветских инкарнаций. Это может быть замечание о группе псевдоученых, примазавшихся к социологии («бойких людей, которые знали языки, ругали то, что надо, переводя книги и используя цитаты, ездили, угождали и т.д.»⁷⁵), или наблюдение за его друзьями в годы опалы («зайдя в эту комнату и увидев, что я сижу за столом, [они] обходили стол так, чтобы со мной не поздороваться», или формулировка стратегий выжи-

⁷⁴ Среди интервью, собранных в архиве Гофмана, находится воспоминание Владимира Шляпентоха о его встрече с американским социологом: «Где-то в 1976-ом году, до моей эмиграции в Америку, я прочел работу Гофмана *Presentation of Self in Everyday Life*. Книга поразила мое воображение. Я и мои коллеги изучили ее вдоль и поперек, наслаждаясь каждой фразой... После моего переезда в Америку я навесил в моего друга Арона Каценеленбогена в Филадельфии, [где декан колледжа по моей просьбе организовал мне встречу с Гофманом]. Гофман проявил себя самым что ни на есть радушным хозяином. Вот, и тогда я ему сказал следующее: "Перо гения выше самого гения". Это слова Генриха Гейне. Я объяснил Гофману, что его теория прекрасно описывает Россию, [где] все ресурсы государства задействованы так, чтобы представить это общество самому себе и всему миру в наилучшем свете. Контроль за работой лица осуществлялся не только чиновниками, но и миллионами обыкновенных людей», http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/interactionism/goffman/shlapentokh_goffman.html.

⁷⁵ Левада Ю. Запись выступления // Российская социологическая традиция шестидесятих годов и современность / Под ред. В. Ядова и Р. Гратхоффа. М.: ИС РАН, 1994. С. 30–34.

вания в советском государстве (в 30-е гг., когда «морального выбора у людей практически не было» и сопротивление означало «чистое самоубийство», в постхрущевский период «всеобщей замаранности и заложничества», в позднесоветское время поголовного «наплевизма»), или аргументов защиты на судах диссидентов 60-х гг. («Да, он, конечно, сделал пакость, но он еще молодой, давайте его помилуем... он, возможно, этого не хотел, у него детки есть»), или доводы защиты конца 70-х («Он не виноват, и пошли вы все»)⁷⁶. Тут Левада прежде всего антрополог, описывающий типовое поведение и мотивацию людей, с которыми он делил судьбу в жизненном мире советской эпохи. Это не значит, что он лично переиграл все эти роли, перепробовал все эти стратегии. Как говорил Вебер, вам не обязательно быть цезарем, чтобы понять цезаря — достаточно построить идеальный тип поведения, проливающий свет на привычный в данной культуре курс действия и его рационализации. Но то, что Левада имел возможность непосредственно участвовать в играх того времени, несомненно помогало ему в феноменологическом описании игровых стратегий поведения.

Как социолог он не спешит выносить моральную оценку тем или иным стратегиям. Левада подчеркивает, что «моральные проблемы не существуют вне социальных рамок», что «каждое время дает не одну позицию, а спектр разных позиций разного типа», и что «с социологической точки зрения нужно видеть весь спектр» (Л90). Встает вопрос, как полнее отразить этот спектр и как можно его изучать эмпирически. В последний период своего творчества Левада получит возможность исследовать антропологические типы советского человека в новой для себя роли полстера и социолога общественного мнения.

3. Левада как исследователь общественного мнения. Феноменологическое описание завязано на интуицию феноменолога, выросшего в социокультурном пространстве, которое Гуссерль и Шютц обозначают термином «жизненный мир» (*Lebenswelt, Lifeworld*). Даже когда исследователь непосредственно не участвует в жизни группы, наблюдает за ней со стороны или взирает на нее из другой исторической эпохи, он не может полностью освободиться от опыта живого общения своего круга. Известно, что два антрополога могут написать самые разные

⁷⁶ Левада описывает эти и другие игровые стратегии советского человека в своем гарвардском интервью 1990-го года. См. также: Левинсон (СЖ).

отчеты об одном и том же племени, акцентируя то, что созвучно их личным, не всегда осознанным установкам и предпочтениям. Социологические методы исследования дают возможность — по крайней мере, в принципе — проверить антропологические наблюдения, внести порядок в хаос феноменологических описаний, построить и статистически подтвердить теоретическую схему, в которой игровые типы, сформулированные *ad hoc*, систематически связываются с макроструктурой общества и его историей.

В 1988 г. Левада переходит работать во ВЦИОМ, где у него появляется практическая возможность связать общетеоретический анализ с оперативными данными об общественном мнении. На протяжении всей его деятельности этого периода Левада напряженно ищет новые методологические, теоретические и организационные стратегии, помогающие совместить узкие полстерские задачи с исследовательскими императивами теоретически фундированной социологии. Как подчеркивает Левада, ему постоянно приходилось принимать во внимание такую «особенность ВЦИОМ [как] его гибридность, сочетание черт опросной (поллинговой) фирмы и академического аналитического центра»⁷⁷.

В своих исследованиях динамики общественного мнения и социальных настроений Левада исходит из того, что «каждая социальная система в каждый значимый период формирует, выдвигает некоторый специфический набор социально-антропологических типов», что такие «образования доступны надежному, верифицируемому исследованию», что «массовые опросы — если подходить к ним как к инструменту социологического знания, применяемого в определенных концептуальных и методологических рамках, — могут немало дать для решения [теоретических и практических] проблем»⁷⁸. В главе о российской политической культуре, написанной Левадой для коллективного труда «*Russian culture at the crossroads: Paradoxes of postcommunist consciousness*» («Русская культура на перепутье: парадоксы посткоммунистического сознания»), он формулирует свою исходную теоретическую посылку об особенностях российского общества следующим образом:

⁷⁷ Левада Ю. Наши десять лет. С. 553.

⁷⁸ Левада Ю. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики [1997] // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. С. 125, 127.

«Прежние тоталитарные структуры и авторитарный менталитет отнюдь не разрушены; они продемонстрировали замечательную приспособляемость и готовность к социальной мимикрии. Лояльность к антидемократической политике проявляют средства массовой информации, и прежние стереотипы все еще доминируют в общественном мнении. Основания для устойчивости старых установок следует искать в российской политической традиции, национальной гражданской культуре, которая была сохранена и усилена советским режимом. Авторитаризм, подкрепленный насилием и всеобъемлющим патернализмом, практически всеобщее игнорирование правовых норм и процедур, нетерпимость к инакомыслию являются наиболее отличительными чертами российской гражданской культуры»⁷⁹.

Двадцатилетний опыт исследования общественного мнения Левадой и его коллективом дал богатейший материал, который еще предстоит полностью осмыслить. Многое здесь остается предметом споров, конфликтующих интерпретаций. Левада первым готов указать на методологические и теоретические недостатки работы его Центра, на то, что «учиться понимать значение получаемого материала приходилось — да и сейчас приходится — на ходу, в процессе работы»⁸⁰ и что «парадоксы, которые постоянно предстают перед исследователями при работе с принципиально противоречивыми сериями данных, вынуждают искать более сложные модели изучаемого предмета»⁸¹. Разбирая результаты электоральных процессов 1993-го г., он замечает: «Здесь нас постигла крупная неудача — сильно преувеличенным оказалось влияние тогдашних правящих сил ("Выбора России") и преуменьшенной избирательная поддержка оппозиции (прежде всего, ЛДПР)... Пришлось серьезно заняться переоценкой собственной методики опросов и восстановлением престижа электоральных исследований. Это касалось выборки и способов взвешивания результатов. Кроме того, сложилось впечатление, что мы принципиально не поняли такого изменения в структуре общественного мнения, которое явилось концом "мобилизационного общества"»⁸². Поскольку

⁷⁹ Levada Y. Civic culture // *Russian culture at the crossroads: Paradoxes of postcommunist consciousness* / Ed. by D. Shalin. Boulder: Westview Press, 1996. P. 300.

⁸⁰ Левада Ю. Наши десять лет. С. 560.

⁸¹ Левада Ю. Российское электоральное пространство // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. С. 83.

⁸² Там же. С. 567.

«общественное мнение в принципе не создает варианты конструкции или оценок, а "только" выбирает из предложенного "меню",⁸³ необходимо с особой тщательностью обосновывать концептуальную сеть, в которую будет ловиться большая и маленькая рыбка социологических фактов. Переход от данных массовых опросов к социологическим обобщениям также требует высокоразвитого исторического осознания.

Левада подчеркивает преемственность российской политической культуры, ее стереотипов и образов. «При некоторой смене символики и словаря эта трактовка остается в силе. Псевдогероика массовых архетипов рисует образы "богатыря – свиты (или охраны) – аппарата", которые мобилизуют поддержку "послушного им народа" и противостоят злокозненности противников/отступников. Знаки оценок персонажей могут меняться (главный герой может превратиться в главного же злодея), но сам ролевой набор остается неизменным»⁸⁴. Традиционный для России разрыв между видимостью и реальностью сохраняется в постсоветских условиях: «[О]казалось, что сама открытая политическая сцена (и в парламенте, и в прессе) служит преимущественно прикрытием – если не инструментом – внутренней, закулисной аппаратной игры»⁸⁵. Следствием такой нестыковки становится «диктатура двоемыслия, [которая] превращается в тотальную и ничем не ограниченную, поскольку закрепляется всеобщая уверенность в том, что единственно возможным является разграничение сферы официально предписанного (поступать, говорить, думать "как надо") и сферы допустимого или терпимого, которую весьма условно можно назвать "приватной"»⁸⁶. Постсоветское общество отличает хроническое раздражение, повышенный уровень страха, ощущение перманентного кризиса и «государственно-организованная ксенофобия – от несколько приевшейся уже чеченофобии до периодически возрождаемой западофобии и новомодной грузинофобии и т.д.... Рассеянное и беспомощное массовое недовольство на деле служит средством нейтрализации и обесценивания протест-

ного потенциала, а в более широком плане – средством оправдания сложившейся системы государственного произвола и общественной беспомощности. Вынужденная апелляция недовольных групп к власти усиливает их зависимость от правящей бюрократии»⁸⁷.

Левада отдает себе отчет в том, что его заключения в какой-то степени остаются интерпретациями ad hoc и что данные общественного мнения не позволяют с достаточной точностью делать долгосрочные прогнозы. Тут он, возможно, сознательно пересекает границу между выводами, основанными на исследовательских данных, и наблюдениями, навеянными опытом культуролога. Дело не в том, что его обобщения неверны – в большинстве случаев они вполне правдоподобны, а в том, что Левада здесь остается прежде всего феноменологическим антропологом, строителем систем типа тех, что были популярны в годы расцвета семиотики. Данные опросов стимулируют социологическое воображение редкой силы, но их значимость не всегда очевидна, а способность предсказывать развитие событий не впечатляет. Замеры общественного мнения в крайне нестабильной ситуации пореформенной России не могут вывести напрямую к повседневной практике, к реальным перспективам политического выбора. Опять же Левада первым укажет на этот факт. В 2005-м г. «к акциям протеста относились с одобрением или пониманием 76% опрошенных (неодобрительно 16%). Готовность принимать участие в акциях протеста выражали 27% против 57%. Но реально участвовало в них по всей стране в сто раз меньшее число людей – около 200 тыс., т.е. примерно 0.2% взрослого населения или 0.3% сочувствующих протестным выступлениям»⁸⁸. Это прекрасный образец триангуляции: аттиюдные данные напрямую соотносятся здесь с информацией невербального ряда, давая многомерную картину описываемого явления. Но что делать с поллинговыми данными, когда они не имеют прямого отношения к внеопросным реалиям или когда полностью отсутствует выход на невербальное поведение? Теоретическое значение результатов вышеприведенного исследования тут вне сомнений – они указывают на растущую нестыковку между вербализованными ценностными ориентациями и поведением. Но достаточно часто анализ данных опросов замыкается на себя, быстро переходит от конкретики к культурологическим обобще-

⁸³ Левада Ю. Общественное мнение на переломе эпох: ожидания, опасения, рамки (К социологии политического перехода) [2000] // От мнений к пониманию. С. 202.

⁸⁴ Левада Ю. Человек политический: сцена и роли переходного периода // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. С. 99.

⁸⁵ Там же. С. 103.

⁸⁶ Левада Ю. Возвращаясь к феномену "человека советского": проблемы методологии анализа [1996] // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. С. 411.

⁸⁷ Левада Ю. Человек невольный? // Вестник общественного мнения. 2006, No. 5, <http://polit.ru/research/2006/11/20/dishuman.html>.

⁸⁸ Левада Ю. Человек невольный. С. 567.

ниям высокого порядка, а последние не всегда согласуются с ходом событий.

В вышеприведенном фрагменте Левада приходит к выводу, что «мы принципиально не поняли такого изменения в структуре общественного мнения, которое явилось концом "мобилизационного общества"»⁸⁹. Значит ли это, что Россия перестала быть таковым обществом, и если да, то как это произошло, каковы симптомы данного процесса, что пришло на смену обществу мобилизационного типа? На рубеже нового столетия Левада обращает внимание на связь Путина с КГБ, предлагая следующую экспертную оценку: «Даже если бы эти органы обладали сегодня таким же влиянием и привилегиями, трудно представить, чтобы можно было запугать население новыми версиями "врагов народа", "террористов" и прочих. Для этого требовались условия, которые невозпроизводимы»⁹⁰. В 1997 г. Левада заметит: «Конечно, обижаются на данные ВЦИОМ до сих пор — обычно это обладатели невысоких рейтингов, — но это происходит в иной ситуации, когда ничей указующий перст нам не грозит»⁹¹. События последующих лет не подтверждают эти суждения. Казалось бы, ничего страшного — история непредсказуема, выводы постоянно уточняются, но такого рода наблюдения должны насторожить интерпретатора и читателя, заставить задуматься о теоретической обоснованности предлагаемых обобщений и доли адхокинга в предсказаниях, основанных на данных массовых опросов.

Опыт заставляет Леваду пересмотреть практическое значение его работы в качестве полстера и социолога. «Иллюзия непосредственной практической пользы витала над первыми социологическими системами О. Конта и других мыслителей; в более зрелые времена отношения социологии с социальной практикой стали, естественно, трактоваться более сложно. Этот опыт почти буквально повторился в 60-е гг. у нас, когда попытки возрождения социологической науки пришлось оправдывать ссылками на потребности "научного управления обществом". Никакого "научного управления" в условиях загнивающего социализма не получилось — как, впрочем, нет его и в развитых странах»⁹². Пусть так, но если заключения теоретически ориентированных исследований не выходят на практику и, тем более, не стыкуются с ней, то следует усомниться и в их объяснительной силе.

⁸⁹ Там же. С. 567.

⁹⁰ Левада Ю. Общественное мнение на переломе эпох. С. 190.

⁹¹ Левада Ю. Наши десять лет. С. 552.

⁹² Там же. С. 559.

Меня так же настораживает изобилие антропологических типов у Левады и его коллег. В работах о советском человеке нас поджидает «человек лукавый», «человек лояльный», «человек иерархический», «человек терпеливый», «человек ограниченный», «человек приспособленный», «человек постсоветский», «человек переходный» — эти многочисленные итерации «простого советского человека» оставляют впечатление зверинца, где животные размножаются с необычной быстротой. Скорей всего, мы имеем здесь дело с одной и той же особью, способной прикрываться разными масками в зависимости от обстоятельств. Такая интерпретация согласуется с неокантианской направленностью веберовского понятия «идеального типа». Последний представляет собой метод сознательно практикуемой карикатуры (*the strawman method practiced self-consciously*). Хорошая карикатура выделяет и гипертрофирует аспекты реального человека, но было бы ошибкой думать, что она исчерпывает человека или отражает его сущность.

Мое последнее замечание по поводу исследовательской программы Левады касается методологии. «Физики считают критерием истинности экспериментального результата возможность его повторить в тех же условиях», — пишет Левада. «Близость результатов многомесячных, многомерных замеров определенного показателя дает принципиальную возможность считать такие результаты достоверными»⁹³. Я не уверен, что этот вывод можно автоматически перенести из естественных (номотетических) наук в гуманитарно-социальные (идеографические) науки. Последовательная воспроизводимость социальных данных указывает на то, что мы имеем дело со стабильным явлением или процессом — и это, действительно, важно, но она не гарантирует достоверности интерпретации⁹⁴. Последняя требует выхода за рамки

⁹³ Левада Ю. Наши десять лет. С. 571.

⁹⁴ Если рассматривать человека как подобие неклассического объекта квантовой механики — пока мы не посмотрим на микрочастицу, она существует как пучок вероятностей, движется во всех направлениях сразу, и только в процессе измерения конституируется как объект с определенной позицией, массой, ускорением, — то можно предположить, что сам по себе человек отличается амбивалентными чувствами, настроениями, тенденциями, и только когда ему приходится действовать (например, голосовать на выборах или заполнять анкету), он с некоторой вероятностью занимает ту или иную позицию. Неопределенность, непредсказуемость, обманчивость наблюдаемого поведения особенно очевидны на постсоветском пространстве. Из этого можно заключить, что надежность и достоверность данных об общественном мнении находятся в отношении неопределенности гейзенберговского типа: их нельзя максимизировать одновременно с произвольной точностью. Надежность

отдельного метода сбора информации и сопоставления замеров объекта, полученных альтернативными способами.

4. Левада как культурный феномен. Взнуздать аффект, не дать эмоциям сбить интеллект с выверенной логикой стези — такова была этическая сверхзадача стойков эпохи цезаризма, искавших возможности сохранить чувство собственного достоинства в условиях несвободы. Когда Сенеке стало ясно, что его жизни в политике пришел конец, он попытался сохранить себя как личность, вернул императору его подарки, попытался уйти в частную жизнь. Но это убежище мыслителя оказалось ненадежным. По требованию Нерона, завидовавшего славе своего учителя, Сенека вскрыл себе вены. По рассказам очевидцев, он был спокоен, сосредоточен, до последнего момента продолжая диктовать свое послание будущим поколениям.

Идеал безмятежного интеллекта, отрешенности от мирских забот и предавшемуся чистому созерцанию, оказал глубокое влияние на светскую и религиозную культуру Запада. От Фомы Аквинского через Рене Декарта, Баруха Спинозу, Мишеля Монтеня и вплоть до Иммануила Канта философский рационализм сохранил стремление к этому идеалу с его пренебрежением к телу и недоверием к эмоциям. «Подверженность эмоциям и страстям практически всегда есть болезнь разума, поскольку эмоции и страсти делают невозможным суверенитет разума», — провозглашает Кант; «разумный человек никогда не должен находиться в эмоциональном состоянии, даже когда он чувствует симпатию к другу... [Таков] совершенно правильный и возвышенный моральный принцип, завещанный нам школой стойков. Ведь эмоции, по сути, лишают нас зрения»⁹⁵.

Понятный как стратегия выживания в авторитарном мире рационализм стойков можно рассматривать как симптом задавленной, ущемленной, сублимирующейся плоти, ищущей опоры в утопическом мире чистого

растет в искусственных условиях, где «прочие» факторы элиминируются по принципу *ceteris paribus*, увеличивая воспроизводимость замера. Достоверность же, если мы понимаем ее как проявление феномена в естественных экологических условиях, должна отражать индетерминированность социального объекта и стохастическую многовариантность его проявлений. См. *Shalin D. Pragmatism and Social Interactionism. American Sociological Review. 1986. Vol. 51. P. 20, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_psi.pdf.*

⁹⁵ *Seneca. 1995. Moral and Political Essays. Cambridge: Cambridge University Press. Descartes, Rene. 1955. P. 25; Descartes. Philosophical Works of Descartes. N. Y.: Dover. P. 101; Kant I. Anthropology from a Pragmatic Point of View. Carbondale: Southern Illinois University, 1978. P. 155, 174.*

разума. Идеал стойка остается недостижимым в обществе с деспотическим режимом, где расхождение слова, дела и аффекта становится нормой. Возьмите такую иконическую фигуру русской культуры, как Александр Пушкин с его неутоленной жадой обрести «покой и волю». Мы знаем его хрестоматийное послание друзьям-декабристам, «Во глубине сибирских руд...», написанное в конце 1826-го г., но не все помним, что примерно в то же время Пушкин пишет докладную записку Николаю II, где утверждает, что «влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества» и выражает надежду, что заговорщики «увидели ничтожность своих замыслов и средств»⁹⁶. Поэт, уставший «быть в зависимости от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника», заверяет шефа жандармов в своих верноподданнейших чувствах: «Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностью и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей»⁹⁷. Один из самых внутренне свободных людей своего времени («Единственно, чего я жажду, это — независимости»), Пушкин готовит докладную записку начальству, где пишет: «Журнал свой предлагаю правительству — как орудие его действия на общее мнение»⁹⁸. Перечитайте письма Пушкина этих лет, и вы увидите, что он был человеком раздвоенным, а человек раздвоенный — это человек расстроенный, раздраженный, склонный к депрессии. Характеристики эти не столько черты характера, сколько свойства системы, не столько случайные движения психики, сколько настроения, через которые, согласно Хайдеггеру, раскрываются свойства исторического бытия.

«Он не просто чувствовал время — он его воплощал». Эти слова Бориса Дубина, взятые в качестве эпиграфа к данной работе, подводят нас к вопросу о Леваде как феномену русской культуры. Время оставляет след на человеке определенной эпохи, особенно на людях творческих и людях с развитым чувством собственного достоинства»⁹⁹. По словам Левады, в жизни

⁹⁶ *Пушкин А. Полное собрание сочинений: в 10 т., М. 1965. Т. 7. С. 43.*

⁹⁷ Там же, т. 10. с. 770, 639).

⁹⁸ Там же, т. 12, с. 770, 655.

⁹⁹ О личной цене противостояния властям в российской культуре см.: *Shalin D. Intellectual Culture. 1996. P. 41–98 // Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of Postcommunist Consciousness/ Ed. by Dmitri N. Shalin. Boulder: Westview Press, 1996. P. 41–98, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/nca/shalin_ic.pdf; *Shalin D. Liberalism, Affect Control, and Emotionally Intelligent Democracy // Journal of Human Rights. 2004. № 3. P. 407–428, [100](http://www.csun.edu/~hbsoc126/emotions/legal.</i></p></div><div data-bbox=)**

людей его времени «разочарований [было] больше, чем очарований» (Л05). Стремление Левады вести себя стоически — «естественно» — под прессом системы вызывает в памяти образ другого рационалиста-стойка, Баруха Спинозы, который стремился сохранить себя и свое достоинство с наименьшими издержками. Оба мыслителя были отлучены от своего общества, подверглись гонениям со стороны государства, отстаивали независимость познавательного процесса от власти предрешающих. Не случайно Левада взял на вооружение девиз Спинозы «Не радоваться, не огорчаться, а понимать». Страсть, согласно Спинозе, — это необузданный аффект; тот, кто отдался ей, подвергает себя опасности. Страсть перестает быть слепой, когда мы ее понимаем, схватываем как идею. Мысль не только обуздывает, но и облагораживает эмоции, хотя разрыв между чувствами и избранной линией поведения может быть источником мучений¹⁰⁰. Принцип Спинозы требует от мыслителя разумной страсти, готовности эмоционально отстраниться от общественного бытия, чтобы лучше его понять. «Я загораживаюсь тем, что я — наблюдатель, я — скептик, моя задача исследовать», объясняет Левада свою позицию в последнем теле-интервью (Л05). Но как отмечают его современники, при внешнем спокойствии Левада оставался человеком страстным, способным заражаться чувствами других людей, и эта страстность природы пробуждала его социологическое воображение. Тело Левады чутко реагировало на гамбиты и игры современников, описанных в его работах. Чувства-перевертыши, аттитюды-обманки, декларации-розыгрыши изобилуют в постсоветской России. Их тоталитарные корни у всех на виду, но от этого они не становятся более заметными. Между тем, множатся симптомы цезаризма.

Перечитывая статью Левады о фашизме, я натолкнулся на характерную деталь, подмеченную им: «Одна из заповедей итальянского солдата, разработанная фашистской

pdf; Шалин Д. Сказкобыль: Заметки о рецессивных генах русской культуры // Звезда. 1995. № 6. Р. 192–198, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/nca/shalin_skaz.pdf.

¹⁰⁰ Вот любопытный пример рассогласования между аффектом и действием: «Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам, от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по невиданным дорогам и читать только про холеру и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь». Чехов А. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 5. С. 104.

пропагандой, гласила: "10. Муссолини всегда прав"¹⁰¹. Резануло слух — что-то похожее недавно промелькнуло в российской прессе. Ставлю в Гугл: «Путин всегда прав» — действительно, глава Центризбиркома Владимир Чуров вывел такой закон. «Путин всегда прав, — поясняет чиновник, — потому что он всегда соблюдает закон»¹⁰². Если поменять местами две части этого предложения, то родословная этой мифологии становится еще яснее.

А вот телеграмма от Дмитрия Медведева по случаю кончины Левады, где тогдашний заместитель премьера выражает соболезнования на смерть Юрия Левады, «благодаря которому социология стала наукой» (М06). Не тот ли это самый Медведев, чьи подведомственные чиновники уволили Леваду с поста директора ВЦИОМ? И уж, наверное, тот, кто имел отношение к юридической схеме изъятия ведущей российской компании из одной олигархической группировки и передачи ее другой, близкой к Кремлю. Про таких чиновников со степенями и публикациями Левада писал, что «в обществе может быть довольно большая группа ученых — прислужников, никакими позитивными качествами и высокой культурой не обладающих, а все свои знания и культуру поставивших на службу режиму»¹⁰³.

По смежному департаменту проходят организаторы Союза социологов России — Г. Осипов, В. Добреньков, и В. Жуков. Эти патриоты борются с врагами русского народа, а чтобы дать отпор недругам и воспитать новое поколение патриотов, нужны учебники, отражающие принципы «национальной социологии». Мы уже пробовали ввести что-то вроде «национальной биологии», и ничего хорошего из этого не получилось. О таких профессионалах, готовых подвизаться в качестве фиговых листочков на вертикали власти, Левада писал: «Это общество нуждается в интеллигенции, а точнее — в высококвалифицированных специалистах... Опыт показал, что фашистский режим может использовать интеллигентные силы общества для своих самых низких, самых реакционных целей»¹⁰⁴.

А вот окрик с самого верха в адрес оппозиции и диссидентов, которые «шакалят у иностранных посольств», выпрашивая подачки

¹⁰¹ Левада Ю. Фашизм [1970] // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М., 1993. С. 129.

¹⁰² См.: Время новостей, 27.07.2007, <http://www.vremya.ru/2007/132/4/183581.html>.

¹⁰³ Левада Ю. Лекции по социологии. Т. 1. С. 97.

¹⁰⁴ Там же. Т. 1. С. 96–97.

у врагов. Это тот самый Путин, который после своего переезда в Москву первым делом пошел в немецкое посольство пристраивать своих дочек в школу при дипломатическом представительстве. И пристроил-таки¹⁰⁵. А потом договорился об их обучении в Германии не без помощи «Дрезднер банк», которому Путин помог открыть офис в С.-Петербурге во время своей работы заместителем у Собчака¹⁰⁶. Действительно — «человек лукавый».

Лицемерие, самообман, эмоциональные деформации человека постсоветского являются продуктом его исторического бытия. Но наши настроения, в свою очередь, тормозят развитие демократических институтов. Выйти из этого круга средствами чистого разума и стоической твердости вряд ли удастся. Более продуктивной видится прагматистский подход к демократии и эмоциям как взаимно обусловленным явлениям. Согласно Джону Дьюи, слепой аффект может завести в тупик, но «из этого совсем не следует, что можно и нужно устранить эмоциональную, страстную фазу действия. Нам нужно больше страсти, а не меньше... Рациональность неправильно противопоставлять импульсу, привычке. По сути своей рациональность заключается в достижении гармонии наших разнообразных желаний»¹⁰⁷. Интеллект и эмоции предполагают друг друга¹⁰⁸. Аффект — это вещь в себе, которая становится вещью для нас — эмоцией — по мере того, как аффект процеживается через символическое сито культуры и становится интеллигентным. В диалектике разума и аффекта нужно искать ключ к социальным реформам. Демократические институты не могут пустить корни там, где соматика и настроения отмечены нетерпимостью и жестокосердием. Авторитаризму и автократии приходит конец, когда эмоции становятся интеллигентными, а интеллект ощущает себя эмоционально здоровым. «[Ч]еловек, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший

¹⁰⁵ Питч И. Пикантная дружба: моя подруга Людмила Путина, ее семья, и другие товарищи. М., 2002. С. 215–216.

¹⁰⁶ Интервью с Ирен Питч. 2004. 18 мая, http://www.duel.ru/200420/?20_3_1.

¹⁰⁷ Dewey J. *Human Nature and Conduct*. N. Y.: Modern Library, 1950. P. 195–196. Родственная мысль звучит в последнем телевизионном интервью Левады (Л05), где он настаивает, что «знать, это ведь тоже не головная вещь, это то, что должно быть в теле».

¹⁰⁸ См.: Shalin D. *Critical Theory and the Pragmatist Challenge* // *American Journal of Sociology*. 1992. № 96. P. 237–279, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_ct.pdf.

животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества» — такой человек может в одно прекрасное утро проснуться в демократическом обществе, но для этого ему сначала придется «выдавливаться из себя по каплям раба»¹⁰⁹.

Оценивать современников, говорит Левада, можно по-разному. «По историческому "гамбургскому" счету их придется судить прежде всего по тому, что они и другие смогли сделать и осознать. Нравственный счет гораздо сложнее, и в значительной мере с ним представляются связанными катаклизмы интеллигентско-демократического сознания»¹¹⁰. Как феномен русской культуры Левада проходит по обеим системам отсчета. Он воплощал свое время, осознавал его формы, помогал их очеловечивать — в этом смысле Левада человек исторический. Он оставил на своей эпохе заметный след, запомнившись многим как натура сердечная, добрая, славная — в этом смысле Левада человек нравственный. Понять Леваду как человека своей эпохи со всеми его и ее противоречиями — задача биокритической герменевтики.

Заключение. Как только умер Карл Маркс, началась лихорадочная чистка его архивов. Дочери, соратники, партийные преемники — у всех наследников нашлось, что вымарать в письмах философа пролетариата. Когда архив Маркса попал в руки советских редакторов, процесс зачистки биографического пространства продолжился, как он и продолжается по сей день. Человек, озабоченный мнением современников и потомков, и сам не прочь приложить руку к редактированию собственного образа, иногда прибегая к самым радикальным решениям. Франц Кафка завещал уничтожить все его неоконченные работы и переписку. Мишель Фуко, создавший археологию знания, собственноручно сжег свой архив и потребовал от друзей и коллег, чтобы они уничтожили все документы и материалы с его подписью. Эрвинг Гофман, человек, всю жизнь изучавший закулисную жизнь людей, не пожелал никого допускать к своему закулисию, распорядившись пред смертью, чтобы его архивы и неоконченные рукописи навсегда остались закрытыми для публики

¹⁰⁹ Чехов А. Собрание сочинений. Т. 12. С. 304. Мысль об эмоционально интеллигентной демократии развивается в моей работе: Shalin D. *Liberalism, Affect Control, and Emotionally Intelligent Democracy* // *Journal of Human Rights*. 2004. № 3. P. 407–428, <http://www.csun.edu/~hbsoc126/emotions/legal.pdf>.

¹¹⁰ Левада Ю. Человек политический. С. 109.

и исследователей. Любопытные потомки редко следуют пожеланиям своих предшественников, полагая, что такая скромность им не к лицу, что за ней может скрываться проблема, достойная серьезного изучения. Но здесь возникают этические трудности, с которыми приходится считаться биокритику¹¹¹.

Биокритическая герменевтика исходит из того, что неотредактированной реальности не существует, что всякое событие — и не только в человеческом мире — разворачивается на перекрестке множества перспектив, каждая из которых имеет право на существование. Биокритический анализ не ищет привилегированной редакции, способной дать нам вещь в себе, реальность в последней инстанции. Неверно было бы отождествлять ее и со скептической деконструкцией, цель которой доказать, что объективная реальность не более чем фикция. Следуя философии прагматизма, биокритическая герменевтика стремится к непрерывной реконструкции объективной реальности как в ее дискурсивных, так и в ее аффективных, соматических и деятельностно-воплощенных формах. Я заканчиваю свои заметки перечнем нескольких ключевых вопросов и проблем, поставленных программой биокритических исследований.

1. Принципиально важным является вопрос об источниках биокритической реконструкции. Мемуары, интервью, дневники, переписка, автобиографические материалы, документальные свидетельства — все источники, проливающие свет на жизнь человека, должны быть задействованы по мере возможности. Необходимо тщательно оценивать тенденциозность источников, триангулируя описание одних и тех же событий, сравнивая автонаративы с информацией от других участников событий и сообщениями, полученными из третьих рук. Необходимо разработать стратегии анализа в случаях, когда значительная часть документов и бионар-

ративов отсутствует или недоступна биокритику.

2. Нередко биокритик сталкивается с нежеланием персоналий быть объектом биокритического исследования. Когда согласие получено, исследователь может столкнуться с требованием исследуемого человека или близких ему людей исключить определенные факты из рассмотрения. В ходе исследования биокритик нередко выходит на нелюбимые материалы, касающиеся третьих лиц, не все из которых имеют прямое отношение к предмету биокритики. Следует задуматься, в каких случаях такая информация должна остаться конфиденциальной и когда она может быть опубликована по истечении определенного срока.

3. Каждый человек имеет право на свой архив и может распоряжаться им по своему усмотрению. Но он не владеет своей репутацией и не имеет права на мнения о нем других людей. Тем не менее в каких-то ситуациях достоверная информация или ее источник должны остаться конфиденциальными. Хорошо бы установить общие критерии для решения такого рода вопросов.

4. Античные биографы выделяли три области человеческого бытия, без знания которых трудно оценить его экзистенциальные особенности и жизненную стратегию — *vita activa*, *vita contemplativa* и *vita voluptuosa*. Духовная жизнь человека обычно отражена достаточно хорошо в его письменах (хотя аффективное измерение может быть приглушено). Хуже дело обстоит с деятельностью, поведением человека, но ее можно реконструировать по разным источникам. И совсем плохо — с жизнью плоти, обычно остающейся за кулисами. Это самый деликатный предмет для биокритического анализа, поскольку он затрагивает интимные стороны жизни человека. Если восемнадцатилетняя студентка Ханна Арндт входит в интимную связь со своим профессором Мартином Хайдеггером и в дальнейшем преуменьшает значение его связи с фашизмом, то такой биографический факт должен стать объектом биокритики. Исследователям надлежит обсудить, в каком контексте обсуждение такого рода фактов обосновано и как его следует проводить.

5. Отношение между дискурсивными, эмоциональными и поведенческими индикаторами находится в центре внимания биокритической герменевтики. Рассогласование между этими знаковыми системами является онтологической данностью человеческого бытия, а усилия по их

¹¹¹ Этические проблемы изучения наследия Геннадия Батыгина обсуждаются в диалоге Мазлумяновой-Шалина, размещенном на сайте МБИ, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_shalin_06.html; эти же вопросы ставятся Шалиным в отношении Эрвинга Гоффмана: *Goffman's Biography and Interaction Order: A Study in Biocritical Hermeneutics*. Paper Presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association, Boston, August 1, 2008, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/interactionism/comments/shalin_goffman_intro.html. Изучению проблем этого ряда будет посвящена конференция «Биокритика культуры и культура биокритики», запланированная на ноябрь 2009 г. в Центре Университета Невады в Лас-Вегасе.

согласованию находятся в центре этической жизни человека. Предстоит разработать стратегии биокритического анализа, позволяющие систематически сравнивать противоречивые проявления человека и меру (не)идентичности, на которые эти противоречия указывают.

6. Биокритическая герменевтика изучает социально-исторические и феноменологические основы теоретической практики. Имеет смысл провести параллели между исследованием литературного быта писателей, широко практикуемым в современном литературоведении, и изучением изнанки научной жизни, которая постепенно входит в практику науковедения. Особенно интересны в этом отношении работы Тынянова, Шкловского и других представителей формальной школы, чьи идеи должны быть взяты на вооружение биокритиками.

7. Биокритическая герменевтика ставит вопрос о пристрастиях биокритика, его заявленных и скрытых посылах, направляющих исследование в определенное русло. Тут мы имеем дело с двойной герменевтикой – экзистенциальные основы бытия биокритика пересекаются с экзистенциальными началами объекта его анализа. Субъект и объект познания встречаются здесь в виртуальном пространстве, ведут друг с другом диалог. Всякое биокритическое исследование до известной степени биографично – оно отражает биографию исследователя. Здесь встает вопрос об автобиоцитике и о том, должен ли исследователь, изучающий архивы других людей, открыть собственные архивы, и если да, то когда.

8. Интернетный проект «Международная биографическая инициатива» (МБИ) был создан с целью координации работы ученых, использующих биографические методы исследования¹¹². К настоящему времени на сайте МБИ размещены более 100 интервью, автобиографий и мемуаров, имеющих отношение к истории российской социологии, а также документы, комментарии, диалоги и исследования по проблемам истории социологии и биографического метода. Хочется верить, что со временем удастся открыть на сайте МБИ страничку, посвященную мемуарам о Юрии Леваде, прообразом которой может стать аналогичный проект, посвященный Эрвингу Гофману¹¹³.

¹¹² Проект «Международная биографическая инициатива» – <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html> – был создан на базе Центра демократической культуры Университета Невада в Лас-Вегасе. Задачам ИБИ и значению биографических исследований посвящены следующие публикации: Докторов Б. «Международная Биографическая Инициатива»: Между Россией и Америкой, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_ibi.html; Шалин Д. Comments on the History of Russian Sociology Project, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/shalin_comments1.html; Алексеев А. Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов), http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html, Алексеев А. История российской социологии в лицах, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_sociology.html; Козлова Л., Докторов Б. Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев: Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html; Докторов Б., Мазлумянова Н. О том, что есть и чего нет в опубликованных интервью, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/Mazlumyanova-Doktorov.html>.

¹¹³ The Erving Goffman Project, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/interactionism/index.html>.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бондаренко Наталья Владимировна (Левада-Центр)
Ворожейкина Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь
Габович Михаил (Принстонский университет)
Зоркая Наталья Андреевна (Левада-Центр)
Мерзлякова Виктория Николаевна (аспирант РГГУ)
Стучевская Ольга Иосифовна (Левада-Центр)
Шалин Дмитрий (Университет штата Невада, Лас-Вегас)

Информация: результаты опросов

I. Методический комментарий к разделу «Информация»	106
II. Настроения, мнения и оценки населения	
А. Группы по полу, возрасту, образованию (июнь 2008 г.)	107
Б. Группы по оценкам материального положения семьи, среднему душевому доходу, типу поселений (июнь 2008 г.)	113

I. Методический комментарий к разделу «Информация»

1. Образование (вопрос: «Какое у Вас образование?»).

Принятые градации:

«высшее и незаконченное высшее» — высшее (окончил(а) один/два вуза — институт, университет, академию); неполное высшее (окончил(а) 3—4 курса вуза до 1991 г. или 2—3 курса после 1991 г.; колледж, дающий диплом о неполном высшем образовании);

«среднее и среднее специальное» — общее полное среднее (окончил(а) школу, лицей, гимназию); профессионально-техническое с полным средним образованием (ПТУ, СПТУ, дающие среднее образование); среднее специальное образование (окончил(а) техникум, военное, педагогическое, медицинское училище, колледж, кроме тех, которые дают диплом о неполном высшем образовании);

«ниже среднего» — общее начальное или неполное среднее; профессионально-техническое с неполным средним образованием (ФЗУ, ПТУ, РУ, СПТУ, не дающие среднего образования).

2. Социально-профессиональный статус и род занятий¹ (вопросы: «К какой группе работников Вы себя относите, если говорить об основном месте работы?» и (для неработающих) «Каково Ваше основное занятие?»).

Принятые градации:

«руководители» — руководитель, главный специалист предприятия, организации, органа управления, включая руководителей и главных специалистов сельскохозяйственных предприятий; руководитель структурного подразделения предприятия, организации (отдела, цеха, лаборатории), включая руководителей отделений сельскохозяйственных предприятий;

«специалисты» — специалист (должность предполагает высшее или среднее специальное образование, в том числе офицеры);

«служащие» — служащий из числа технического или обслуживающего персонала;

«квалифицированные рабочие» — квалифицированный рабочий (кроме сельского хозяйства); квалифицированный рабочий в сельском хозяйстве;

«неквалифицированные рабочие» — неквалифицированный рабочий (кроме сельского хозяйства); неквалифицированный рабочий в сельском хозяйстве;

«учащиеся» — те, кто обучается на дневном отделении техникума, училища, вуза, ПТУ, в средней школе;

«пенсионеры» — те, кто находится на пенсии по выслуге, по возрасту, на пенсии по инвалидности;

«домохозяйки» — те, кто ведет домашнее хозяйство, находится в отпуске по беременности, по уходу за ребенком;

«безработные» — те, кто не работает и ищет работу, не работает и не ищет работу.

3. Тип поселений (кодируется организаторами опроса в соответствии с маршрутными листами интервьюеров).

«Москва и С.-Петербург»;

«большие города» — все города с населением от 500 тыс. человек и более, за исключением Москвы и С.-Петербурга;

«средние города» — города с населением от 100 тыс. до 500 тыс. человек;

«малые города» — города и поселки городского типа с населением до 100 тыс. человек; «села».

4. Среднедушевой доход² (вопросы: «Подсчитайте, пожалуйста, каким был общий доход всех членов Вашей семьи, проживающих вместе с Вами, в прошлом месяце?» и «Сколько всего в семье человек, проживающих вместе с Вами и ведущих общее хозяйство, включая Вас самих, всех детей и временно отсутствующих?»).

Группировка производится по показателю отношения значения ответа на первый вопрос к значению ответа на второй вопрос.

Принятые градации месячного дохода в расчете на одного члена домохозяйства:

«низкий» — 20% респондентов с самыми низкими доходами (до 3 900 руб.)³;

«средний» — 60% респондентов со средними доходами (3 900—10 250 руб.)²;

«высокий» — 20% респондентов с самыми высокими доходами (более 10 250 руб.)⁴.

Данные в таблицах округляются до целых единиц. Если сумма ответов превышает 100%, это результат погрешности округления. Если приводятся нулевые значения, это означает, что данный вариант выбрали менее 0,5% респондентов.

¹ Группа по этому признаку сформирована без учета респондентов, не давших ответ на вопрос о доходах семьи за прошлый месяц (8,8%).

^{2,3,4} Данные за июнь 2008 г.

А. Группы по полу, возрасту, образованию (июнь 2008 г.)
(в % от общего числа опрошенных в каждой группе)

Варианты ответов	Всего	Пол		Возраст			Образование		
		мужской	женский	до 29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	высшее и неза- конченное высшее	среднее и среднее специаль- ное	ниже среднего
Число опрошенных	2007	915	1092	545	717	745	397	1139	471
9. ЧТО ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?									
1. прекрасное настроение	10	12	9	22	9	4	13	11	7
2. нормальное, ровное состояние	57	60	54	58	62	51	61	58	49
3. испытываю напряжение, раздражение	24	21	26	16	23	29	18	22	30
4. испытываю страх, тоску	6	4	7	1	3	11	3	5	11
5. затрудняюсь ответить	4	3	4	3	3	5	5	4	2
9а. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, В КАКОЙ МЕРЕ ВАС УСТРАИВАЕТ СЕЙЧАС ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ ВЫ ВЕДЕТЕ?									
1. вполне устраивает	13	15	11	22	12	7	15	13	10
2. по большей части устраивает	24	24	23	31	23	18	31	23	18
3. отчасти устраивает, отчасти нет	39	38	40	34	43	40	36	41	38
4. по большей части не устраивает	16	16	16	10	14	22	11	15	22
5. совершенно не устраивает	7	5	8	2	7	10	4	6	10
6. затрудняюсь ответить	2	2	1	1	1	2	2	1	1
10. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?									
1. очень хорошее	13	14	13	26	12	5	20	12	12
2. хорошее	60	62	58	58	63	58	62	62	52
3. среднее	21	20	22	12	19	29	12	21	27
4. плохое	5	4	6	3	4	7	3	4	8
5. очень плохое	1	1	2	1	1	2	3	1	1
6. затрудняюсь ответить	2	2	1	3	2	1	2	2	2
01f. К КАКОМУ СЛОЮ В ОБЩЕСТВЕ ВЫ БЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, СЕБЯ ОТНЕСЛИ?									
1. к низшему слою	10	8	11	3	6	18	4	9	17
2. к низшей части среднего слоя	25	27	23	16	23	34	23	23	30
3. к средней части среднего слоя	54	54	54	65	60	40	59	57	41
4. к высшей части среднего слоя	5	5	4	9	5	1	9	4	3
5. к высшему слою	0	0	1	1	0	--	0	0	1
6. затрудняюсь ответить	6	6	7	7	5	7	5	6	8
11. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ?									
1. очень хорошее	14	15	14	20	16	8	17	15	11
2. хорошее	41	40	42	42	44	37	45	41	39
3. среднее		28	29	27	22	27	33	25	29
4. плохое	27	7	4	4	4	8	3	7	4
5. очень плохое	9	10	9	8	8	11	8	9	12
6. затрудняюсь ответить	8	7	9	8	5	11	5	7	12

Варианты ответов	Всего	Пол		Возраст			Образование		
		мужской	женский	до 29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	высшее и неза- конченное высшее	среднее и среднее специаль- ное	ниже среднего
Число опрошенных	2007	915	1092	545	717	745	397	1139	471
12. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ?									
1. очень хорошее	16	18	15	23	19	8	18	17	12
2. хорошее	48	48	48	49	50	46	50	50	43
3. среднее		19	20	17	14	19	22	20	19
4. плохое	16	3	1	0	1	4	2	2	1
5. очень плохое	4	4	4	4	3	5	4	4	5
6. затрудняюсь ответить	13	10	16	10	10	19	8	11	24
S1. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В ЦЕЛОМ ДЕЛА В РОССИИ ИДУТ СЕГОДНЯ В ПРАВИЛЬНОМ ИЛИ В НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ?									
1. в правильном направлении	42	43	42	51	43	36	43	45	37
2. в неправильном направлении	25	30	21	21	25	29	25	24	28
3. затрудняюсь ответить	32	27	37	28	33	35	32	32	35
S2. ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д.А.МЕДВЕДЕВА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?									
1. безусловно да	14	14	15	18	14	12	13	14	16
2. скорее да	37	36	38	40	34	38	34	38	36
3. скорее нет	10	11	9	12	9	9	11	9	10
4. безусловно нет	3	4	3	2	3	4	3	3	4
5. затрудняюсь ответить	36	35	36	28	40	37	39	35	34
S3. ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЫНЕШНЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ?									
1. безусловно да	10	10	11	13	10	8	12	10	9
2. скорее да	37	35	38	39	36	35	36	38	33
3. скорее нет	16	20	14	14	17	18	16	16	19
4. безусловно нет	7	8	6	5	7	8	7	7	8
5. затрудняюсь ответить	30	28	32	29	30	31	29	29	32
S3. СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ПРОИЗОШЛИ КАКИЕ-ЛИБО ИЗМЕНЕНИЯ? ЕСЛИ ДА, ТО КАКИХ ИЗМЕНЕНИЙ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БЫЛО БОЛЬШЕ: БЛАГОПРИЯТНЫХ ИЛИ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ, ИЛИ И ТЕХ, И ДРУГИХ В РАВНОЙ МЕРЕ?									
1. нет, изменений не было	14	16	12	12	12	17	14	13	16
2. произошло больше благоприятных изменений	23	23	22	28	25	17	27	24	16
3. благоприятных и неблагоприятных изменений было в равной мере	34	34	35	33	34	36	32	35	36
4. произошло больше неблагоприятных изменений	16	16	16	11	17	18	16	15	18
5. затрудняюсь ответить	13	10	15	15	12	12	11	13	14
13. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКОЕ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БОЛЕЕ СООТВЕТСТВУЕТ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ?									
1. «Все не так плохо, и можно жить»	27	28	25	42	28	15	37	27	18
2. «Жить трудно, но можно терпеть»	54	53	54	46	52	62	49	53	61
3. «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно»	14	13	15	6	15	19	10	14	18
4. затрудняюсь ответить	5	5	5	7	5	4	4	6	4

S5. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВАША ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ СТАЛА ЛУЧШЕ, ХУЖЕ ИЛИ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ?

1. значительно лучше	5	6	4	8	6	1	6	5	3
2. несколько лучше	27	28	27	38	31	16	36	27	21
3. не изменилась	45	44	45	39	42	51	39	46	46
4. несколько хуже	14	13	14	8	13	19	14	12	18
5. значительно хуже	7	6	8	3	6	10	4	7	8
6. затрудняюсь ответить	3	3	3	3	3	2	2	3	4

13A. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) БУДЕТЕ ЖИТЬ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?

1. значительно лучше	6	7	5	11	7	1	8	5	5
2. несколько лучше	22	24	19	29	24	14	25	22	17
3. так же, как и сейчас	30	28	32	20	28	40	24	31	33
4. несколько хуже	7	8	6	1	7	10	7	6	8
5. значительно хуже	2	3	2	1	1	4	3	2	2
6. затрудняюсь ответить	33	30	36	37	34	30	32	33	35

S6. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ О СТРАНЕ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ЖИЗНЬ В РОССИИ БУДЕТ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?

1. значительно лучше	5	6	4	7	5	3	5	5	4
2. несколько лучше	24	25	22	29	23	19	28	24	20
3. такой же, как и сейчас	28	28	28	23	29	31	28	29	25
4. несколько хуже	7	9	6	6	6	9	10	5	9
5. значительно хуже	2	3	2	1	3	3	4	2	2
6. затрудняюсь ответить	34	29	38	33	34	35	25	34	41

13B. ЛЮДИ ПО-РАЗНОМУ УСТРАИВАЮТ СВОЮ ЖИЗНЬ, В РАЗНОЙ МЕРЕ ПРИСПОСАБЛИВАЮТСЯ К ЕЕ УСЛОВИЯМ. КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ТОЧНЕЕ ВСЕГО ОПИСЫВАЕТ ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К НЫНЕШНЕЙ ЖИЗНИ?

1. «Я никак не могу приспособиться к нынешней жизни»	6	6	6	3	4	10	5	5	8
2. «Я свыкся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни, жить, ограничивая себя в большом и в малом»	20	18	22	13	14	32	17	19	28
3. «Мне приходится "вертеться", хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь»	32	35	30	29	45	23	30	35	28
4. «Мне удалось использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни»	11	12	10	18	13	3	20	10	5
5. «Я живу, как и раньше, для меня в последние годы ничего особенно не изменилось»	26	24	27	30	20	27	22	26	27
6. затрудняюсь ответить	5	4	6	8	4	4	6	5	4

14. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ СЕЙЧАС НУЖНО ПРОДОЛЖАТЬ ИЛИ ИХ СЛЕДУЕТ ПРЕКРАТИТЬ?

1. рыночные реформы нужно продолжать	38	43	34	48	44	26	44	41	26
2. рыночные реформы следует прекратить	21	25	19	14	19	29	16	21	27
3. не знаю, затрудняюсь ответить	40	32	47	38	37	45	40	38	46

19. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ?

1. благополучная	8	9	8	11	10	5	7	9	7
2. спокойная	47	49	45	47	48	46	51	47	43
3. напряженная	27	27	27	26	25	30	27	26	28
4. критическая, взрывоопасная	3	3	3	2	4	3	5	2	3
5. затрудняюсь ответить	14	12	16	14	13	16	10	15	17

22. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА НАША ЖИЗНЬ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ НАЛАДИТСЯ ИЛИ НИКАКОГО УЛУЧШЕНИЯ НЕ ПРОИЗОЙДЕТ?

1. более или менее наладится	43	44	43	54	44	34	41	45	41
2. никакого улучшения не произойдет	30	30	29	18	29	39	35	28	29
3. затрудняюсь ответить	27	26	28	28	27	27	24	27	30

Варианты ответов	Всего	Пол		Возраст			Образование		
		мужской	женский	до 29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	высшее и незавершенное высшее	среднее и среднее специальное	ниже среднего
Число опрошенных	2007	915	1092	545	717	745	397	1139	471
С30. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА, НАПРИМЕР, О МЕРАХ, КОТОРЫЕ ОНО ПРЕДПРИНИМАЕТ ДЛЯ БОРЬБЫ С ИНФЛЯЦИЕЙ, БЕЗРАБОТИЦЕЙ И Т.П., ТО КАК, ПО-ВАШЕМУ, ПРАВИТЕЛЬСТВО СПРАВЛЯЕТСЯ С ЭТИМИ ЗАДАЧАМИ?									
1. хорошо	7	8	6	11	7	4	8	7	5
2. средне	38	36	41	41	41	34	43	38	34
3. плохо	42	45	39	31	42	49	39	42	43
4. затрудняюсь ответить	13	12	14	17	11	13	9	13	19
С13. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЫНЕШНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА УЛУЧШИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ?									
1. безусловно да	4	4	3	7	3	2	3	4	4
2. скорее да	36	35	36	39	40	29	38	36	32
3. скорее нет	27	27	28	23	27	31	29	28	25
4. безусловно нет	10	12	9	8	9	13	9	10	13
5. затрудняюсь ответить	23	22	25	24	21	25	21	23	26
28. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?									
1. значительное улучшение ситуации	4	5	3	6	5	2	5	4	3
2. некоторое улучшение ситуации	41	42	40	45	41	38	43	41	38
3. некоторое ухудшение ситуации	12	14	10	9	12	14	14	11	12
4. значительное ухудшение ситуации	2	2	2	1	2	2	4	1	2
5. затрудняюсь ответить	41	36	45	38	41	44	35	41	46
29. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ?									
1. значительное улучшение ситуации	4	4	3	6	3	2	4	4	3
2. некоторое улучшение ситуации	37	38	36	42	36	33	36	39	32
3. некоторое ухудшение ситуации	20	24	17	16	21	22	23	20	18
4. значительное ухудшение ситуации	6	6	6	4	6	8	7	5	9
5. затрудняюсь ответить	34	29	38	33	34	35	30	33	38
С31. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В БЛИЖАЙШИЕ 12 МЕСЯЦЕВ БЕЗРАБОТНЫХ (ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ИМЕЮТ РАБОТУ И ИЩУТ ЕЕ) БУДЕТ БОЛЬШЕ, ПРИМЕРНО СТОЛЬКО ЖЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?									
1. больше	22	24	20	17	24	24	18	21	26
2. примерно столько же	50	50	51	52	51	48	57	52	42
3. меньше	13	14	12	16	12	10	11	13	13
4. затрудняюсь ответить	15	12	18	14	12	18	14	14	18
31а. КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ТРЕВОЖАТ ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО И ВЫ СЧИТАЕТЕ ИХ САМЫМИ ОСТРЫМИ?									
1. бедность, обнищание большинства населения	45	45	45	37	43	52	39	44	52
2. рост цен	82	81	84	77	80	89	75	84	84
3. рост безработицы	25	22	27	25	26	24	18	27	25
4. кризис в экономике, плохое состояние промышленности и сельского хозяйства	28	33	25	20	30	33	28	29	28
5. рост числа уголовных преступлений	27	26	27	29	25	27	21	28	29
6. кризис морали, культуры, нравственности	26	23	28	22	27	28	35	26	18
7. ухудшение состояния окружающей среды	23	20	25	27	22	22	28	23	20

8. угроза взрывов и других террористических актов там, где Вы живете	4	4	5	6	4	3	6	4	4
9. рост национализма, ухудшение межнациональных отношений	5	5	6	7	5	4	7	6	3
10. недоступность многих видов медицинского обслуживания	31	26	36	22	26	44	28	30	37
11. рост наркомании	29	28	29	31	31	24	26	31	26
12. резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	35	35	35	30	30	43	32	36	34
13. рост платности, недоступность образования	26	22	29	35	28	17	29	27	20
14. ограничение гражданских прав, демократических свобод (свободы слова, печати)	2	3	1	4	2	1	4	2	1
15. коррупция, взяточничество	27	31	24	25	29	26	32	27	23
16. засилье, произвол чиновников	10	12	8	9	11	9	14	8	10
17. невозможность добиться правды в суде	7	7	6	7	7	6	8	6	6
18. грубость, жестокость работников милиции	9	12	6	12	10	5	8	9	10
19. слабость государственной власти	9	10	8	8	10	8	9	9	10
20. конфликты между различными ветвями власти на различных уровнях	2	2	1	1	3	1	3	1	2
21. задержки в выплате заработной платы, пенсий, пособий и т.п.	4	3	4	6	4	2	3	4	4
22. теракты в Чечне и на Северном Кавказе	2	3	2	4	2	2	2	2	3
23. рост заболеваемости СПИДом	7	6	8	14	7	3	7	7	8
24. наплыв приезжих, мигрантов	12	13	11	16	13	7	10	13	9
25. другие	3	3	3	3	3	3	3	4	1
26. затрудняюсь ответить	1	1	1	1	2	0	3	1	1

L33. К КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВЫ МОГЛИ БЫ ОТНЕСТИ СЕБЯ СКОРЕЕ ВСЕГО?

1. «Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты»	12	11	14	6	10	19	3	11	23
2. «На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения»	29	26	31	17	24	43	19	28	38
3. «Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой»	41	44	40	49	44	33	47	44	30
4. «Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но не действительно дорогие вещи»	16	18	15	26	21	5	29	15	9
5. «Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, дачу и многое другое»	1	1	0	2	1	0	1	1	--

L15. КАК ИЗМЕНИЛОСЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД?

1. скорее улучшилось	18	19	17	32	18	8	22	18	15
2. осталось без изменения	56	58	54	53	56	59	54	57	56
3. скорее ухудшилось	22	19	24	10	23	29	19	21	26
4. затрудняюсь ответить	4	4	4	5	3	5	5	5	3

L16. КАК, ПО-ВАШЕМУ, ИЗМЕНИТСЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ В БЛИЖАЙШИЙ ГОД?

1. скорее улучшится	19	23	16	35	19	8	22	20	16
2. останется без изменения	46	45	46	35	48	51	43	46	46
3. скорее ухудшится	13	11	14	4	11	20	11	13	14
4. затрудняюсь ответить	23	21	24	26	21	21	24	21	24

Варианты ответов	Всего	Пол		Возраст			Образование		
		мужской	женский	до 29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	высшее и незавершенное высшее	среднее и среднее специальное	ниже среднего
Число опрошенных	2007	915	1092	545	717	745	397	1139	471
L88. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ В СТРАНЕ В ЦЕЛОМ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЮЩИЕ 12 МЕСЯЦЕВ БУДУТ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ ХОРОШИМ ВРЕМЕНЕМ ИЛИ ПЛОХИМ?									
1. хорошим	5	7	4	9	5	3	5	6	4
2. хорошим, но не во всем	16	16	17	21	16	14	17	17	14
3. не хорошим, но и не плохим	36	38	35	31	41	35	42	36	32
4. плохим, но не во всем	6	6	5	4	6	6	8	5	4
5. плохим	5	5	5	3	5	7	3	4	8
6. затрудняюсь ответить	31	28	34	32	27	35	25	31	38
L88a. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О СЛЕДУЮЩИХ ПЯТИ ГОДАХ, ТО ОНИ БУДУТ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ ХОРОШИМ ИЛИ ПЛОХИМ ВРЕМЕНЕМ?									
1. хорошим	16	19	14	24	16	10	18	16	14
2. не хорошим, но и не плохим	29	29	29	29	28	31	34	29	26
3. плохим	4	5	4	3	4	6	5	4	5
4. затрудняюсь ответить	50	47	53	45	52	53	43	51	55
42. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О КРУПНЫХ ПОКУПКАХ ДЛЯ ДОМА (ТАКИХ, КАК МЕБЕЛЬ, ХОЛОДИЛЬНИК, БЫТОВАЯ ЭЛЕКТРОНИКА, ТЕЛЕВИЗОР), ТО КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЕЙЧАС В ЦЕЛОМ ХОРОШЕЕ ИЛИ ПЛОХОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ТАКИЕ ПОКУПКИ?									
1. хорошее	29	31	28	37	33	20	33	31	21
2. не хорошее, но и не плохое	36	37	35	37	36	35	42	35	33
3. плохое	17	16	18	11	14	23	10	16	24
4. затрудняюсь ответить	18	16	20	15	16	22	15	18	22
43. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, ТО КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЕЙЧАС ХОРОШЕЕ ИЛИ ПЛОХОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ СБЕРЕЖЕНИЯ?									
1. хорошее	9	10	9	14	9	6	12	9	8
2. не хорошее, но и не плохое	29	30	29	34	28	28	33	30	25
3. плохое	41	41	41	28	46	46	36	41	44
4. затрудняюсь ответить	21	20	21	24	18	21	19	20	23

Средние значения показателей доходов опрошенного населения (в руб.)

o15b_aII/5. СРЕДНЕДУШЕВОЙ ДОХОД В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ	7670.6	8811.7	6752.9	8992.3	8741.3	5854.4	10594.1	7754.4	5059.2
o6+o10. ОБЩИЙ ЗАРАБОТОК РЕСПОНДЕНТА В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ (от основной и дополнительной работы)	12129.0	14583.0	9427.9	12270.9	13452.1	9282.9	15048.7	11553.1	9575.3
O10. УКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СКОЛЬКО ДЕНЕГ ЗА ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ РАБОТУ ВЫ ЛИЧНО ПОЛУЧИЛИ В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ?	6295.1	6839.2	5396.6	6892.9	7054.7	3679.8	6684.2	6088.3	6386.4
35. СКОЛЬКО ДЕНЕГ НУЖНО СЕЙЧАС ВАШЕЙ СЕМЬЕ В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА В МЕСЯЦ, ЧТОБЫ ЖИТЬ, ПО ВАШИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ, НОРМАЛЬНО?	18913.4	20095.4	17915.8	21333.0	20627.8	15486.4	23292.7	19050.1	14905.3
116 ДОХОД, ОБЕСПЕЧИВАВШИЙ БЫ, ПО МНЕНИЮ РЕСПОНДЕНТА, «ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ» В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ? (на одного человека в месяц)	7229.6	7367.8	7113.1	7071.4	7511.0	7078.3	7592.4	7403.3	6559.0
LL10. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, НАЧИНАЯ С КАКОГО СРЕДНЕМЕСЯЧНОГО ДЕНЕЖНОГО ДОХОДА В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА СЕМЬЮ МОЖНО СЧИТАТЬ БОГАТОЙ?	92880.4	110639.8	77768.4	135259.9	84623.2	68372.5	92793.3	97829.4	80800.5
LL11. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПРИ КАКОМ СРЕДНЕМЕСЯЧНОМ ДЕНЕЖНОМ ДОХОДЕ В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА СЕМЬЮ МОЖНО СЧИТАТЬ БЕДНОЙ?	4947.1	5079.0	4836.2	4984.2	5071.6	4800.6	5548.1	5063.3	4168.7

Б. Группы по оценкам материального положения семьи, среднему доходу, типу поселений (июнь 2008 г.)
(в % от общего числа опрошенных в каждой группе)

Варианты ответов	Всего	Как изменилось матер. полож. семьи за год				Среднедушевой доход			Тип поселения				
		скорее улучши- лось	осталось без из- менений	скорее ухудши- лось	затруд- няюсь ответить	низкий	средний	высокий	Москва и С.-Петер- бург	большие города	средние города	малые города	села
Число опрошенных	2007	362	1125	434	86	543	907	363	208	359	396	530	514
9. ЧТО ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?													
1. прекрасное настроение	10	19	10	3	8	6	8	16	13	13	11	7	10
2. нормальное, ровное состояние	57	63	60	41	60	48	58	65	58	54	58	63	50
3. испытываю напряжение, раздражение	24	13	22	37	18	33	24	14	15	23	21	22	31
4. испытываю страх, тоску	6	1	4	13	5	9	6	2	5	7	5	5	7
5. затрудняюсь ответить	4	4	3	6	9	4	4	3	8	3	5	3	2
9а. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, В КАКОЙ МЕРЕ ВАС УСТРАИВАЕТ СЕЙЧАС ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ ВЫ ВЕДЕТЕ?													
1. вполне устраивает	13	27	12	3	15	7	12	21	13	14	14	13	11
2. по большей части устраивает	24	30	26	11	24	12	22	39	40	22	25	22	19
3. отчасти устраивает, отчасти нет	39	34	42	36	38	43	42	31	29	39	42	41	40
4. по большей части не устраивает	16	5	14	30	11	24	15	7	10	14	11	16	22
5. совершенно не устраивает	7	3	4	18	6	14	6	1	7	7	6	7	7
6. затрудняюсь ответить	2	1	1	2	6	1	2	1	2	4	2	0	1
10. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?													
1. очень хорошее	13	27	13	2	16	5	10	28	21	15	12	15	8
2. хорошее	60	66	66	39	54	49	66	59	62	59	62	56	61
3. среднее	21	6	18	41	14	34	19	11	8	20	20	25	23
4. плохое	5	0	2	16	8	12	3	1	6	4	5	3	7
5. очень плохое	1	0	1	1	8	0	2	1	3	1	2	1	1
6. затрудняюсь ответить	2	2	1	2	11	1	2	2	1	2	2	2	2
01г. К КАКОМУ СЛОЮ В ОБЩЕСТВЕ ВЫ БЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, СЕБЯ ОТНЕСЛИ?													
1. к низшему слою	10	3	8	20	9	17	9	1	8	8	9	10	12
2. к низшей части среднего слоя	25	13	26	34	11	29	26	21	23	26	27	22	26
3. к средней части среднего слоя	54	65	57	38	54	41	56	63	57	51	55	58	50
4. к высшей части среднего слоя	5	12	3	2	3	3	3	10	4	7	4	3	5
5. к высшему слою	0	2	0	--	1	1	0	1	1	1	0	1	0
6. затрудняюсь ответить	6	5	6	6	22	8	5	4	7	7	5	6	7
11. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ?													
1. очень хорошее	14	23	15	5	15	5	11	34	41	16	10	14	5
2. хорошее	41	42	44	31	50	35	44	43	41	51	47	34	37
3. среднее	28	18	28	38	16	36	28	16	6	22	27	33	36
4. плохое	9	9	5	18	11	16	7	2	6	5	7	12	13
5. очень плохое	8	7	8	8	8	9	9	4	6	6	9	8	10
6. затрудняюсь ответить	11	11	11	7	17	10	12	9	11	13	9	12	10

Варианты ответов	Всего	Как изменилось матер. полож. семьи за год				Среднедушевой доход			Тип поселения				
		скорее улучши- лось	осталось без из- менений	скорее ухудши- лось	затруд- няюсь ответить	низкий	средний	высокий	Москва и С.- Петер- бург	большие города	средние города	малые города	села
Число опрошенных	2007	362	1125	434	86	543	907	363	208	359	396	530	514
12. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ?													
1. очень хорошее, хорошее	16	20	17	10	19	8	13	31	29	17	13	17	12
2. среднее	48	50	51	41	37	49	49	45	44	52	48	49	46
3. плохое	19	17	17	25	20	20	20	17	19	18	18	19	19
4. очень плохое	4	5	3	6	4	6	4	1	1	3	4	6	4
5. затрудняюсь ответить	13	8	12	19	20	16	14	7	8	9	18	10	18
S1. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В ЦЕЛОМ ДЕЛА В РОССИИ ИДУТ СЕГОДНЯ В ПРАВИЛЬНОМ ИЛИ В НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ?													
1. в правильном направлении	42	58	44	29	30	40	40	54	40	43	41	43	44
2. в неправильном направлении	25	16	23	41	15	26	27	20	30	25	24	27	22
3. затрудняюсь ответить	32	26	34	30	55	34	33	26	31	32	35	30	35
S2. ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д.А.МЕДВЕДЕВА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?													
1. безусловно да	14	19	14	11	13	17	13	15	16	10	10	17	17
2. скорее да	37	40	41	26	28	31	41	40	38	37	36	35	40
3. скорее нет	10	6	9	15	7	11	10	8	13	9	11	11	7
4. безусловно нет	3	2	3	6	--	3	3	3	1	7	2	3	3
5. затрудняюсь ответить	36	32	33	42	52	37	34	34	32	36	41	35	33
S3. ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЫНЕШНЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ?													
1. безусловно да	10	14	11	7	8	12	10	12	11	9	6	13	12
2. скорее да	37	45	40	21	31	29	38	45	36	39	37	36	35
3. скорее нет	16	8	17	23	12	20	14	13	16	14	17	18	16
4. безусловно нет	7	4	4	15	6	8	7	4	8	11	7	6	5
5. затрудняюсь ответить	30	28	28	34	44	31	31	26	28	27	33	27	32
S3. СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ПРОИЗОШЛИ КАКИЕ-ЛИБО ИЗМЕНЕНИЯ? ЕСЛИ ДА, ТО КАКИХ ИЗМЕНЕНИЙ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БЫЛО БОЛЬШЕ: БЛАГОПРИЯТНЫХ ИЛИ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ, ИЛИ И ТЕХ, И ДРУГИХ В РАВНОЙ МЕРЕ?													
1. нет, изменений не было	14	10	15	14	10	16	14	13	20	18	11	12	13
2. произошло больше благоприятных изменений	23	37	22	12	20	16	20	35	27	25	20	24	20
3. благоприятных и неблагоприятных изменений было в равной мере	34	31	37	32	32	34	36	32	32	29	39	35	36
4. произошло больше неблагоприятных изменений	16	11	13	29	18	20	17	9	11	16	17	18	16
5. затрудняюсь ответить	13	10	13	14	21	15	13	10	10	11	14	11	16
13. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКОЕ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БОЛЕЕ СООТВЕТСТВУЕТ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ?													
1. «Все не так плохо, и можно жить»	27	51	27	7	23	15	24	45	38	31	26	25	21
2. «Жить трудно, но можно терпеть»	54	40	60	50	57	58	58	44	45	47	53	55	62
3. «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно»	14	2	9	38	12	22	13	8	14	15	13	15	14
4. затрудняюсь ответить	5	7	5	5	8	4	6	3	3	6	8	5	3

S5. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВАША ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ СТАЛА ЛУЧШЕ, ХУЖЕ ИЛИ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ?

1. значительно лучше	5	15	3	1	3	2	4	11	3	5	5	5	5
2. несколько лучше	27	59	25	5	38	17	26	41	37	27	23	29	25
3. не изменилась	45	18	61	26	40	45	49	37	41	45	49	45	42
4. несколько хуже	14	3	7	40	10	21	13	9	8	16	12	13	17
5. значительно хуже	7	0	2	25	4	14	5	2	6	4	8	6	9
6. затрудняюсь ответить	3	4	2	3	5	3	3	1	4	3	2	3	2

13A. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) БУДЕТЕ ЖИТЬ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?

1. значительно лучше	6	16	4	3	2	5	4	10	7	9	5	5	5
2. несколько лучше	22	38	21	11	21	16	20	34	27	24	17	23	21
3. так же, как и сейчас	30	16	39	23	13	29	32	29	35	28	31	28	31
4. несколько хуже	7	1	4	17	7	8	7	5	4	8	8	7	6
5. значительно хуже	2	1	1	8	4	4	2	1	1	2	3	3	2
6. затрудняюсь ответить	33	29	31	38	53	38	35	20	26	28	36	35	36

S6. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ О СТРАНЕ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ЖИЗНЬ В РОССИИ БУДЕТ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?

1. значительно лучше	5	12	4	2	3	4	3	10	5	6	5	5	4
2. несколько лучше	24	37	24	11	22	18	21	37	32	27	15	27	21
3. такой же, как и сейчас	28	21	33	24	21	26	30	26	33	30	25	26	29
4. несколько хуже	7	3	6	15	7	7	8	7	7	9	9	4	7
5. значительно хуже	2	1	2	5	7	2	3	2	2	3	3	3	1
6. затрудняюсь ответить	34	27	32	43	39	43	35	18	21	25	43	35	38

13B. ЛЮДИ ПО-РАЗНОМУ УСТРАИВАЮТ СВОЮ ЖИЗНЬ, В РАЗНОЙ МЕРЕ ПРИСПОСАБЛИВАЮТСЯ К ЕЕ УСЛОВИЯМ. КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ТОЧНЕЕ ВСЕГО ОПИСЫВАЕТ ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К НЫНЕШНЕЙ ЖИЗНИ?

1. «Я никак не могу приспособиться к нынешней жизни»	6	1	4	15	7	9	6	3	3	5	8	7	4
2. «Я свикся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни, жить, ограничивая себя в большом и в малом»	20	13	20	28	14	25	23	13	19	19	18	18	26
3. «Мне приходится "вертеться", хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь»	32	26	33	35	40	36	29	35	31	36	30	34	31
4. «Мне удалось использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни»	11	28	9	1	10	3	8	25	23	12	11	9	7
5. «Я живу, как и раньше, для меня в последние годы ничего особенно не изменилось»	26	28	29	17	16	24	28	23	18	22	29	27	27
6. затрудняюсь ответить	5	5	5	4	13	4	6	2	6	5	4	5	5

14. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ СЕЙЧАС НУЖНО ПРОДОЛЖАТЬ ИЛИ ИХ СЛЕДУЕТ ПРЕКРАТИТЬ?

1. рыночные реформы нужно продолжать	38	55	39	23	33	28	39	49	31	42	36	43	36
2. рыночные реформы следует прекратить	21	13	20	32	15	24	21	19	21	19	21	22	23
3. не знаю, затрудняюсь ответить	40	32	41	45	52	48	40	32	48	40	43	35	41

19. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ?

1. благополучная	8	15	7	5	13	8	7	11	6	8	9	10	8
2. спокойная	47	50	51	38	32	44	48	48	53	45	49	47	45
3. напряженная	27	24	25	36	27	28	28	26	31	31	26	26	25
4. критическая, взрывоопасная	3	1	2	7	1	3	3	3	2	5	2	2	3
5. затрудняюсь ответить	14	11	14	15	28	16	14	12	8	11	13	16	19

Варианты ответов	Всего	Как изменилось матер. полож. семьи за год				Среднедушевой доход			Тип поселения				
		скорее улучши- лось	осталось без из- менений	скорее ухудши- лось	затруд- няюсь ответить	низкий	средний	высокий	Москва и С.- Петер- бург	большие города	средние города	малые города	села
Число опрошенных	2007	362	1125	434	86	543	907	363	208	359	396	530	514
22. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА НАША ЖИЗНЬ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ НАЛАДИТСЯ ИЛИ НИКАКОГО УЛУЧШЕНИЯ НЕ ПРОИЗОЙДЕТ?													
1. более или менее наладится	43	61	45	26	34	39	42	50	51	41	37	43	45
2. никакого улучшения не произойдет	30	19	26	50	19	32	32	23	24	37	34	27	27
3. затрудняюсь ответить	27	20	29	24	47	29	26	27	25	22	28	29	28
С30. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА, НАПРИМЕР, О МЕРАХ, КОТОРЫЕ ОНО ПРЕДПРИНИМАЕТ ДЛЯ БОРЬБЫ С ИНФЛЯЦИЕЙ, БЕЗРАБОТИЦЕЙ И Т.П., ТО КАК, ПО ВАШЕМУ, ПРАВИТЕЛЬСТВО СПРАВЛЯЕТСЯ С ЭТИМИ ЗАДАЧАМИ?													
1. хорошо	7	13	7	2	2	3	6	14	14	8	5	6	6
2. средне	38	44	42	27	27	32	39	48	48	43	31	39	36
3. плохо	42	30	37	63	42	50	43	26	26	37	51	44	41
4. затрудняюсь ответить	13	13	14	7	30	14	12	11	12	12	13	11	18
С13. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЫНЕШНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА УЛУЧШИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ?													
1. безусловно да	4	9	3	2	1	4	3	6	3	5	2	3	5
2. скорее да	36	43	41	17	33	28	36	45	43	39	30	35	35
3. скорее нет	27	18	26	41	15	29	30	23	24	29	30	28	25
4. безусловно нет	10	8	7	21	13	13	10	7	13	11	9	11	9
5. затрудняюсь ответить	23	22	24	19	37	27	22	19	17	17	29	23	26
28. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?													
1. значительное улучшение ситуации	4	9	3	2	4	4	3	5	2	5	5	3	5
2. некоторое улучшение ситуации	41	50	45	25	31	35	40	54	50	41	36	42	40
3. некоторое ухудшение ситуации	12	8	10	20	7	11	13	11	10	15	12	11	11
4. значительное ухудшение ситуации	2	--	1	5	6	2	2	2	4	3	3	2	0
5. затрудняюсь ответить	41	34	40	48	51	49	42	29	34	36	45	42	44
29. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ?													
1. значительное улучшение ситуации	4	7	4	1	1	3	2	5	3	4	2	5	4
2. некоторое улучшение ситуации	37	47	39	21	37	33	34	51	50	36	30	37	37
3. некоторое ухудшение ситуации	20	12	19	31	12	16	23	16	18	26	24	19	15
4. значительное ухудшение ситуации	6	6	3	13	9	8	7	3	10	5	5	8	4
5. затрудняюсь ответить	34	28	35	34	42	40	34	24	19	29	39	33	40
С31. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В БЛИЖАЙШИЕ 12 МЕСЯЦЕВ БЕЗРАБОТНЫХ (ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ИМЕЮТ РАБОТУ И ИЩУТ ЕЕ) БУДЕТ БОЛЬШЕ, ПРИМЕРНО СТОЛЬКО ЖЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?													
1. больше	22	15	19	37	19	29	22	13	20	18	22	23	24
2. примерно столько же	50	51	55	40	37	46	49	63	58	53	46	50	50
3. меньше	13	20	12	8	14	12	13	14	7	15	12	16	11
4. затрудняюсь ответить	15	14	15	15	30	13	17	10	15	15	20	11	16
31а. КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ТРЕВОЖАТ ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО И ВЫ СЧИТАЕТЕ ИХ САМЫМИ ОСТРЫМИ?													
1. бедность, обнищание большинства населения	45	30	45	58	44	55	45	36	24	42	48	49	48
2. рост цен	82	72	85	86	75	90	84	72	70	78	84	85	86
3. рост безработицы	25	16	25	32	22	32	25	16	13	13	22	32	32
4. кризис в экономике, плохое состояние промышленности и сельского хозяйства	28	28	27	35	17	31	29	25	20	28	25	36	27
5. рост числа уголовных преступлений	27	26	27	26	28	22	30	25	19	30	32	24	25

6. кризис морали, культуры, нравственности	26	27	26	27	18	21	28	29	23	29	24	31	22
7. ухудшение состояния окружающей среды	23	29	23	17	29	22	25	22	29	26	24	21	21
8. угроза взрывов и других террористических актов там, где Вы живете	4	6	4	2	13	2	4	8	10	5	3	4	3
9. рост национализма, ухудшение межнациональных отношений	5	9	5	3	6	5	4	8	7	7	6	5	3
10. недоступность многих видов медицинского обслуживания	31	19	31	45	23	39	33	21	28	30	32	30	34
11. рост наркомании	29	35	29	25	23	26	29	32	35	31	27	28	26
12. резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	35	27	36	43	21	42	35	28	38	32	38	35	33
13. рост платности, недоступность образования	26	29	25	25	18	24	29	21	14	29	29	27	24
14. ограничение гражданских прав, демократических свобод (свободы слова, печати)	2	3	2	3	3	1	2	6	8	2	4	1	1
15. коррупция, взяточничество	27	32	27	25	21	23	26	30	31	27	30	29	21
16. засилье, произвол чиновников	10	11	9	11	6	8	9	15	18	10	10	7	9
17. невозможность добиться правды в суде	7	8	6	7	4	7	6	8	5	7	8	7	7
18. грубость, жестокость работников милиции	9	13	8	7	4	8	8	11	13	10	9	6	8
19. слабость государственной власти	9	12	8	11	3	8	9	9	10	9	9	10	8
20. конфликты между различными ветвями власти на различных уровнях	2	4	1	1	--	1	2	2	3	1	2	1	2
21. задержки в выплате заработной платы, пенсий, пособий и т.п.	4	4	3	4	6	4	3	4	4	3	5	2	4
22. теракты в Чечне и на Северном Кавказе	2	4	2	1	1	1	2	4	2	3	3	2	2
23. рост заболеваемости СПИДом	7	12	7	3	9	7	7	8	8	8	9	6	6
24. наплыв приезжих, мигрантов	12	15	11	10	11	8	10	16	25	10	10	9	12
25. другие	3	2	3	3	3	2	3	3	8	2	2	3	3
26. затрудняюсь ответить	1	2	1	--	9	0	1	2	3	0	1	2	0

Средние значения показателей доходов опрошенного населения (в руб.)

o15b_all/5. СРЕДНЕДУШЕВОЙ ДОХОД В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ	7670.6	10294.0	7539.1	5277.8	11432.5	2661.5	6318.1	18549.0	13503.6	8671.5	9124.7	6378.2	4982.2
o6+o10. ОБЩИЙ ЗАРАБОТОК РЕСПОНДЕНТА В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ (от основной и дополнительной работы)	12129.0	16175.7	11507.2	9363.4	12292.5	5739.3	10369.5	19846.4	19648.8	14254.3	11742.1	10316.0	8497.4
o10. УКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СКОЛЬКО ДЕНЕГ ЗА ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ РАБОТУ ВЫ ЛИЧНО ПОЛУЧИЛИ В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ?	6295.1	10491.3	4757.1	3253.2	4874.0	2388.3	5154.8	9925.0	7690.0	9706.2	5473.6	4008.0	5913.5
35. СКОЛЬКО ДЕНЕГ НУЖНО СЕЙЧАС ВАШЕЙ СЕМЬЕ В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА В МЕСЯЦ, ЧТОБЫ ЖИТЬ, ПО ВАШИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ, НОРМАЛЬНО?	18913.4	21353.9	18311.0	17898.7	21720.3	14323.5	17256.6	27849.9	27594.7	20588.8	19646.4	16664.7	16086.3
116 ДОХОД, ОБЕСПЕЧИВАВШИЙ БЫ, ПО МНЕНИЮ РЕСПОНДЕНТА, «ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ» В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ? (на одного человека в месяц)	7229.6	7498.5	7174.1	7256.6	6586.0	6530.2	7355.7	8026.3	9560.9	7127.7	7648.8	6810.0	6613.5
LL10. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, НАЧИНАЯ С КАКОГО СРЕДНЕМЕСЯЧНОГО ДЕНЕЖНОГО ДОХОДА В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА СЕМЬЮ МОЖНО СЧИТАТЬ БОГАТОЙ?	92880.4	96336.1	99835.1	76370.1	69817.7	70399.5	75870.8	167409.4	143618.5	78287.5	141487.3	75131.6	62825.5
LL11. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПРИ КАКОМ СРЕДНЕМЕСЯЧНОМ ДЕНЕЖНОМ ДОХОДЕ В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА СЕМЬЮ МОЖНО СЧИТАТЬ БЕДНОЙ?	4947.1	5076.3	4803.1	5202.8	4986.3	4116.0	4984.6	6012.3	7276.5	4769.4	5037.8	4696.4	4317.1

SUMMARY

The papers of this issue are organized into two sections. There are four articles in the traditional for our journal section «Analysis and Interpretation».

Contemporary Youth: on an Issue of Imperfect Socialization (by Natalia Zorkaya). The author analyzes the peculiarities of youth socialization within the frameworks of the institutions for reproduction of the Russian society: attitudes and evaluations of young Russians concerning the spheres of education, working life, family, leisure, and politics. N.Zorkaya focuses above all on a more active and well-to-do part of urban youth who are oriented at and have achieved a success. It is these young people that perceive themselves as a norm being not only a reference point for other youth but claiming their significance for the society as a whole. A particular scope of problems is connected with symbolic representation of the preferences of these successful young people in today's mass media and advertising, glamour press and the structure of contemporary Russian megapolis. The author scrutinizes the notions of various youth subgroups about significant others, the West, work and wealth, about the present and the future showing their connection to contemporary adaptive attitudes of the majority of the Russian population on the one hand, and on the other hand, to the notions of the late Soviet epoch that in the given context are combined with demonstration of new consumer orientations and status symbols.

Default of August 1998 Viewed by Population (by Natalia Bondarenko). In this paper the author shows what was happening to the living standard of the Russians after August 1998, the way they were coping with crisis conditions and how such shocks were reflected in mass consciousness. N.Bondarenko distinguishes several stages that the Russian society has passed after the default: the first stage beginning from August 1998 till 2000 is characterized as «a pit»: dramatic deterioration of the majority of the Russians' living standards took place accompanied by the feelings of mass shock. The following stage is marked by a certain stabilization of the situation, then the evaluations somewhat improved but the confidence of the Russians in the future was restoring slowly enough. The traces of the shock experienced still persist in mass consciousness: according to the data

of national Russian surveys during recent years from 45% to 55% of the Russians consider the repetition of the crisis similar to that of 1998 quite probable. The main conclusion from the experience acquired is connected with the fact that in their practical life people became more careful and rational in their expectations and plans having realized that they live in the risk society. The Russians are gradually adjusting their behavior and expectations to new economic practices and institutions.

Alternative Patterns of Success in Contemporary Culture (by Victoria Merzlyakova). V.Merzlyakova scrutinizes the phenomenon of downshifting in Western and Russian societies. The author notes that this phenomenon may be studied from the perspective of various disciplines (sociology, economics, psychology, linguistic culturology) and focuses on socio-cultural aspects of downshifting. The history of downshifting as an ideology and practice in Western countries is concisely characterized, various basic strategies of downshiftingers are reconstructed, the objectives and specific features of approach to researching downshifting in Russia are formulated.

Harassment and Russian Women (by Olga Stuchevskaya). In this paper O.Stuchevskaya presents and analyzes the data of four focus-groups of women of various ages carried out in St.Petersburg within the frameworks of the project accomplished by Strategic Center for Social Research and Levada-Center to order of Ford Foundation (the focus-groups were a pilot study for a major quantitative survey on a representative Russian sample of women of 16–34 years of age; it was carried out in March 2008). The author examines women's notions of what is permissible and impermissible in the relationships of a male chief and women who are his subordinates according to the Russian standards and realities as well as to the Western ones as the respondents believe them to be. The author comes to a conclusion that the contemporary gender discourse in Russia combines modernizational and traditional, even archaic layers of beliefs. Here one can witness not so much co-existence of various trends characterized by tensions and collisions between them but instead rather integrated «non classical» complex which is perceived as quite organic and non-conflicting by women themselves.

Three articles published in the section «Discussion», which is new for our journal, dwell on theoretical and methodological problems of public opinion research analyzing the works of sociologists from Levada Center.

To the Discussion on Theoretical Legacy of Yuri Levada (by Mikhail Gabovich). The author examines the sociological project «The Soviet Man» and the underlying notions about society, personality, social structure, social process, the place of Russia in the world, the image of the West. The author stresses the influence of the school of structural functionalism on Yuri Levada's theoretical approach, the role of the image of the West as a kind of «a norm» regarding which, according to the author's opinion, Yu. Levada's ideas on modernization in general and his evaluations of the degree of modernization of contemporary Russia in particular are constructed.

Value Attitudes or the Limits of a Method? (by Tatiana Vorozheikina). This article analyses the idea of decay of the Soviet totalitarian society as the basis of explanatory schemes developed in the works by L. Gudkov and B. Dubin. The author insists on the necessity of comparative approach in research of modernization of the Soviet and post-Soviet society

and also stresses the need – alongside with macro analysis of institutions, social subsystems, and behavior of great masses of population – in micro-analysis of a group level of society, particularly in researching the phenomena of self-organization «from beneath», the work of social networks, the emerging movements of protest and protection of human rights against the arbitrariness of bureaucratic power.

Phenomenological Foundations of Theoretical Practice (by Dmitriy Shalin). Hermeneutical approach to a scientific biography and legacy of Yuri Levada is developed in this paper. Basing on auto-analytical texts of Yuri Levada (his interviews given in Russia and abroad in different years), retrospective evidence by his contemporaries, etc. D. Shalin is reconstructing the image of Yu. Levada as a theorist (primarily as an initiator of the project «The Soviet man» with his complex of social and anthropological notions), an empirical researcher, organizer of science, public personality and private individual, historical figure and moral subject. Particular attention is paid, according to the principles of hermeneutical bio-criticism to lacunas, inconsistencies, contradictions in evidences, to the facts of lacking or insufficient information, to emotional components of behavior including muffled or hidden ones.

ПОДПИСНОЙ КУПОН

на первое полугодие 2009 года (комплект из 2 номеров) на
«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Мы перевели сумму* 341 рубль (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет **40703810100010000119** в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.
Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**
Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-09

Заполненный купон и копию платежного поручения вышлите, пожалуйста, по адресу:

125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16.

Макарову Сергею Владимировичу.

ORDER FORM

for 2009

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

You may subscribe beginning from any issue:

Subscription fee for _____ issue Quarterly-onthlv

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

1 13054, Russia, 6-th Monetchikovskiy, 8

Correspondent Bank: Cornmerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311 , Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Adress _____

City _____

Please fax this order form to: Mr. Sergei Makarov (495) 229-38-09 (preferable) or mail to: Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.
Subscription inquiry tel.: (495) 229-38-09